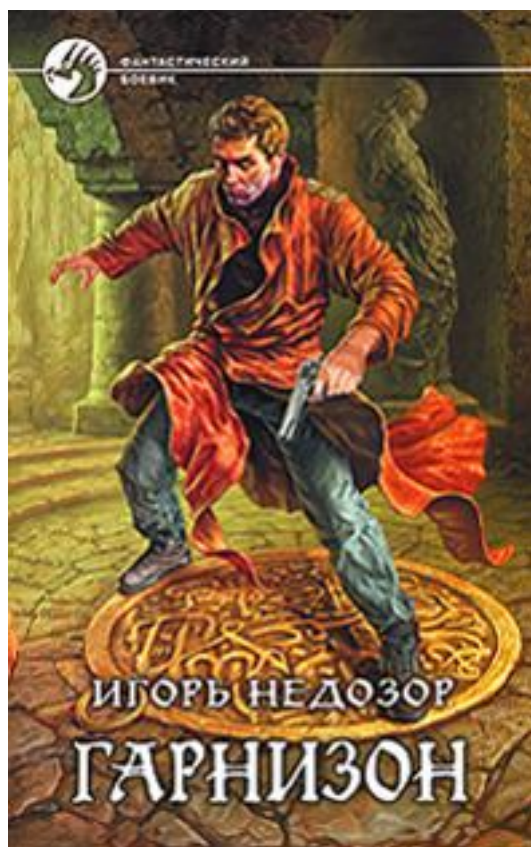

Игорь Недозор

Гарнизон

Плацидарм – 2

Издательство: Альфа-книга, 2010 г.

Твердый переплет, 352 стр.

ISBN 978-5-9922-0522-0

Аннотация:

Преданные и брошенные командованием на чужой планете, они не смирились и выжили. Небольшая горстка советских военнослужащих понемногу осваивается на Аргуэрлайле, создавая собственное государство, промышленность, науку и культуру, заключая союзы с местным населением и даже оказывая интернациональную помощь соседям. Неважно, что против них порождения злой магии, могущественные чародеи и претенденты на мировое господство. Ведь они - Гарнизон, последний форпост СССР в иномирье.

Игорь Недозор

Гарнизон

ПРОЛОГ

Аргуэрлайл. Город Октябрьск/ Тхан-Такх

Отсюда, с угловой башни, казалось, что холмистая равнина предгорий уходит не к горизонту, а растворяется в рассветных мягких красках подступающей осени.

Человек, которого в этих краях именовали Сантором Макхеем, сардаром Тхан-Такх, он же Александр Петрович Макеев, майор Советской армии, стоял на дозорной площадке и оглядывал свои «владения».

Он неукоснительно придерживался раз и навсегда заведенного порядка — каждый день обходить самые важные уголки вверенного его попечению города.

Вот и сегодня, встав на рассвете, наскоро умывшись и позавтракав ломтем хлеба с грудинкой, отправился проверять посты на городских стенах. Сейчас позволил себе чуть перевести дух — благо все было в порядке. Позади чуть слышно переминались с ноги на ногу два телохранителя, немолодой кряжистый степняк Васконо Сатт, обоерукий боец, на поясе которого было две сабли, и Гриша Суров, маг второй ступени, к тому же неплохо стрелявший из автомата.

Не то чтобы Макеев чего-то боялся, тем более что на поясе, рядом с отнюдь не церемониальным клинком, висел «Макаров» с полной обоймой.

Но береженого местный бог бережет. Опять же здешним владыкам было немыслимо гулять в одиночку среди подданных, даже там, где их любили.

Начинался обычный день Тхан-Такх — Октябрьска.

Дымили горны в левом углу крепости в Четвертом квартале, или Артмастерских, как теперь называли это место, и уже звенели молоты, и похрюкивал на холостых испытательных оборотах недавно собранный ребятами капитана Бровченко дизель. Возле Базарной площади копошились землекопы — купеческое братство Тхан-Такх (не иначе, по совету кого-то из пришельцев) решило заложить там ледник на тысячу с лишним тонн мяса. За две улицы от размахивающих заступами поденщиков мелькали яркие одеяния торговцев и погонщиков быков — собирался в дорогу очередной караван торговцев с юга. Просыпалась и Махаловка, откуда ветерок приносил вместе с

дымком очагов запахи готовящихся кушаний и перекисшей браги, заливаемой в перегонные кубы местными самогонщиками. Оживилось и Западное предместье — обиталище зеленщиков, огородников, кожевников и золотарей.

Над Замком, как именовалась резиденция советского командования, висел развеваемый ветром ярко-алый флаг.

А ниже, над кварталами и улицами на вознесенных над сланцевыми и камышовыми крышами шестах ветер трепал разноцветные вымпелы и штандарты кланов, родов, цехов и просто сбродных общин. Ибо в этом городе, как и в этом мире, один человек — это меньше, чем ничто. Лишь вокруг Замка на паре десятков улиц ни единого клочка ткани не оживляло крыши — там обитали земляне.

Макеев грустно покачал головой — уже по этому признаку было видно, что даже тут, в собственном городе, его соотечественники не имеют большинства.

А ведь жители Октябрьска составляют от силы десятую часть населения всего княжества.

Обзор с юга загораживала стена с недавно подновленными зубцами — и это было хорошо, потому как даже годы, прошедшие со времени Эвакуации (майор именовал ее не иначе, как бегством), не избыли той горечи, которую вызывало зрелище занесенной пылью широкой дороги, ведущей в никуда — к месту, где соединялись миры...

Он еще раз оглядел город. И взор невольно остановился на восточной окраине — там, вдоль стены, вытянулось их кладбище. Майор тяжело вздохнул — скоро отведенного под погост участка на месте старых руин двух караван-сараев не станет хватать — число могил приближалось к семи десяткам, это не считая тех, кого Аргуэрлайл сожрал бесследно.

Александр запретил себе думать об этом, как давно уже запретил себе думать об оставленной родине, недостижимом где-то там доме, жене, сыне...

Ибо подобные мысли, как и надежды на несбыточное, лишают силы.

Сейчас для него не было важнее вопроса: как сделать так, чтобы его государство-анклав не погибло.

Чтобы жил этот маленький город, островок в океане чужого мира, чтобы вновь над руинами Тхан-Такх не воцарилось мертвое молчание, когда лишь ветер будет петь свои песни, засыпая песком черепа и кости его недавних жителей, и черепа и кости их детей.

Позади звякнуло — телохранители осторожно переступили подкованными сапогами.

Макеев вздохнул, подавив желание инстинктивно оглянуться и все же посмотреть туда, где осталась дорога в их родной мир.

Часть первая. В СВОИХ ДЕРЗАНИЯХ ВСЕГДА МЫ ПРАВЫ

Слова смутного не тронь!

Мы не сгинем навсегда!

Мы бессмертны,

Как Огонь,

Небо, Ветер и Вода!

Леонид Мартынов

Октябрьск/ Тхан-Такх. Застава Ильича

Этот пост всегда считался самым безопасным из всех, размещавшихся у городских стен. Почему так — непонятно, наверное, традиция, сохранившаяся еще со времен первого этапа заселения землянами заброшенного древнего города Тхан-Такх.

Возможно оттого, что здесь были расположены так называемые малые, а не главные городские ворота, ведущие на большой торговый тракт. Вот там точно был сумасшедший дом. То торговые караваны, то посольства, то просто кто в гости придет. И всех осмотри, проверь, запиши. Здесь не то. Кругом одна степь. На многие километры вперед ни единой живой души. Так что попасть в караул именно сюда, а не на прочие семь «пристенных» точек, считалось делом не хлопотным.

Караулка находилась примерно метрах в пятистах от ворот. Это для того, чтобы своевременно оповестить гарнизон о надвигающейся беде, дав горожанам возможность закрыть и

укрепить вход. Сигнал положено было подавать двух видов: во-первых, выстрелить три красные ракеты (в последнее время, когда пришла нужда экономить снаряжение, достаточно было одной), во-вторых, разжечь сигнальный огонь, для чего рядом с хижинкой для наряда всегда была собрана куча хорошо подсушенного хвороста, sprыснутого для верности бензином. Данную статью «Временного положения о гарнизонной и караульной службе» всегда для верности спрашивал военный комендант на разводе. Больше для порядка, чем из расчета на реальное ее применение.

Вот и сегодня все было как всегда.

Ефрейтор Смагин заступил на пост вчера в восемнадцать ноль-ноль и должен был смениться уже через три часа.

Готовиться к передаче караулки сменщикам начал загодя, чтоб не было проволочек. Кто знает, кто сегодня в начкарах будет. Попадется какой-нибудь дотошный зануда, так за час не управишься. То к одному докопается, то к другому. Где веник, почему три стакана, а не четыре, отчего за рамочкой с описью имущества пыль на стене не стерта?.. Ой, да мало ль этих караульных заморочек.

А Смагину нужно было поспеть домой непременно к семи часам. Пригласил прогуляться девчонку из местных, с которой они уже третий месяц встречаются, имея самые серьезные намерения. Неудобно будет опоздать. И так уже пару раз про штрафился.

Поэтому ефрейтор нетерпеливо покрикивал на своих напарников, двух парней-степняков, лишь полгода как определившихся в народное ополчение и считавшихся «духами», которым следовало летать и летать до тех пор, пока они не станут «дедушками». И ничего, что каждый из желторотиков на пару лет старше «деда» Смагина. Дело не в возрасте, а в сроке службы. Это бывшие кочевники уже понимали и не сильно ворчали, когда ефрейтор давал «унизительные» с точки зрения степной этики указания еще раз смести по углам паутину или и того хлеще — выдраить «очко».

Землянин особенно и не выделялся. Так просто, со скуки. Парни-то неплохие, смекалистые, даром что из дикой степи. Не в пример некоторым «чуркам» из среднеазиатских республик. Вот уж бывало чего-нибудь отчебучат, хоть караул в карауле кричи. То у них магазин куда-то запропаستится, да так, что приходится всем скопом его искать. И хорошо, если пропала куда-нибудь под тумбочку закатилась, а не была утоплена в сортире. То пару страниц из казенного устава вырвут, чтоб попользоваться все в том же отхожем месте. Как их потом назад вернешь?! А новая смена требует, чтоб все было в целости и сохранности. И главное ж ничем их, сучар, не прошибешь. Вытаращат красные от недосыпа глаза и булькают: «Плохо понимать русски, плохо понимать русски...» Тьфу!

Нет, с этими служить можно. Что Михасс-Го, которого Смагин звал попросту Мишкой, что Гааркан. Луками владеют не хуже, чем ефрейтор своим «калашом». Птицу на лету бьют в глаз. А как потом дичь приготовить могут. Пальчики оближешь! Ну, а уж если сайгак попадется, то лучшего шашлыка, чем у Мишки, Смагин никогда не пробовал.

Кстати, что это там за облачко пыли показалось в степи? Что-то скачет, явно на лошадь не похожее. Не помянутый сайгак ли?

— Миш, а Миш, глянь-ка, что за животное? — протянул ефрейтор бинокль напарнику.

Степняк приложил прибор к глазам. Навел резкость.

И вдруг как заругается по-своему.

Что-что, а местную брань ефрейтор освоил в первую очередь. Всегда пригодится. Незаменимая в общении вещь. Особенно между мужиками.

Михасс-Го лаялся по-черному, причем во весь голос.

Заслышав его, из караулки выскочил Гааркан.

— В чем дело?! — ошалело поинтересовался, переводя взгляд с одного товарища на второго. — Чего не поделили?

— Там, там... — У Мишки не хватало воздуха.

Махнув рукой, он сунул бинокль соплеменнику, а сам смотался в помещение и вынес оттуда лук и колчан со стрелами. Тут же принялся налаживать оружие к стрельбе.

— ... твою мать! — выматерился по-русски Гааркан и помчался в караулку, на ходу вопя: — Толя, зажигай костер!

По их серьезным физиономиям ефрейтор понял, что дело и впрямь серьезное, а потому не стал долго разбираться, что к чему, сразу чиркнув зажигалкой у кучи. Огонь сначала лениво, а потом все веселее заплясал по сухим веткам, и вот уже пламя поднялось выше крыши караулки.

Удовлетворенно поцокав языком, Анатолий повернулся лицом к ребятам и обомлел.

Облачко пыли приблизилось уже на достаточное расстояние, чтобы увидеть, что оно скрывало.

А пряталась там самого зверского вида животного из породы тех, которых местные называют нетварями.

Где-то два с половиной метра высотой, на двух двупалых когтистых лапах. Передние лапы, такие же длинные, как и задние, но менее развитые, о трех пальцах, тряслись перед мощной грудью. Острозубая морда чем-то напоминала рыбу. Только глаза не большие и навывкате, как у рыб, а узенькие щелочки, прямо от которых начинались по ослиному длинные уши. От основания черепа по хребту до середины спины шел гребень. Хвост короткий, но мощный. Кожа монстра, желтая и шершавая, чем-то напоминала слоновью, но наверняка, не столь толстая — было видно, как под ней сокращаются мощные мышцы.

— Что за хрень? — поинтересовался Смагин, снимая с плеча автомат.

— Карачон, — пояснил Михасс. — Очень злой. Очень сильный.

— Поглядим, насколько у него крепкая шкура, у вашего карачуна, — хмыкнул ефрейтор и выпустил по твари прицельную очередь.

Зверюга каким-то чудом увернулась и продолжила марш-бросок.

— Етить, — удивился «дедушка».

Чтоб он промахнулся с такого расстояния? Да еще не одиночными, а очередью. Не иначе, заговоренная гадина.

Урод распахнул безгубую пасть, высунул длинный раздвоенный язык и зашипел так громко и пронзительно, что у Анатолия чуть барабанные перепонки не полопались.

— Ну, Соловей-разбойник, держись! — пробормотал он.

Решил попробовать одиночными.

Бац, шлепнула пуля в левое плечо монстра. Пробила шкуру, и из дырки выплеснулось что-то зеленое и зловонное.

В ответ послышался низкий гортанный рык. Карачон все так же на бегу шлепнул себя правой лапой-рукой по раненому месту, и оно тут же затянулось розоватой коркой.

Тем временем в бой вступили и степняки, как видно, знавшие повадки этого жуткого создания. Почти одновременно Мишка и Гааркан выстрелили из луков. Одна стрела, угодив зверю в лоб, отскочила. Зато вторая впилась ему под правое ухо.

Монстр затормозил.

Воспользовавшись его заминкой, Смагин ударил очередью ему по ногам. И попал. Как тут не попадешь практически с десятка метров.

Сильный визг накрыл волной страха и паники. Захотелось тут же бросить оружие и бежать без оглядки подальше от гиблого места.

Гааркан успел подбежать к костру и, зажегши стрелу, выстрелил в живот чудищу. То, словно и не испытывало боли в израненных конечностях, успело перехватить горящую палочку руколапой и в сердцах сломало, бросив обломки в сторону людей.

Опершись на хвост, зверь оттолкнулся от земли и взлетел ввысь и вперед, преодолевая расстояние, отделявшее его от людей.

Солдаты, не сговариваясь, кинулись в караулку и, захлопнув дверь, стали стаскивать к ней всю имевшуюся под рукой мебель, сооружая хлипкую баррикаду. При этом совершенно не подумав, что монстр может атаковать и с другой стороны. Например, в окно.

Вспомнили об этих уязвимых местах только тогда, когда жалобно посыпались битые стекла, а в образовавшуюся дыру сначала сунулась трехпалая лапа, а затем и мерзкая рожа монстра.

Смагин нажал на спуск, однако «калаш» жалобно всхлипнул и приумолк. В обоих рожках, основном и запасном, кончились патроны, а больше двух караульным в мирных условиях по инструкции не полагалось. Завидев сигнальный огонь, должна была подоспеть подмога.

Оставалось надеяться, что там, на городской стене, дозорные не дремлют и уже заметили их сигнал.

А пока пришлось вооружаться чем попало и обороняться от животины. Луки степняков в столь узком помещении, каковым была караулка, утратили свою грозность. Затогодились кинжалы и саперская лопатка.

Ее-то и обрушил на голову карачону ефрейтор, в то время как кочевники пустили в ход свои грозные клинки, больше походившие на абордажные тесаки пиратов — такие же изогнутые и зубчатые.

Лопатка тварью кость не взяла, зато парням удалось оттяпать у животины пару кусков плоти. Миша отрезал правое ухо, а Гааркан — один из пальцев на руколапе.

Зверь ответил очередным диким воплем, но из окна убрался, обрушив весь гнев на глинобитную стену. Чем уж он ее там долбил, неведомо, но после нескольких мощных ударов стена пошла трещинами.

Если так и дальше пойдет, прикинул Смагин, то больше получаса караулка не выдержит. Не против артиллерии и осадных орудий ее строили.

Где же, мать их, подмога?!

Еще один удар таки сокрушил непрочное препятствие. Кусок стены рухнул на дощатый пол. Наученная предыдущей атакой зверюга не стала тут же соваться в пролом, а продолжила методично уничтожать стену, расширяя отверстие.

Вот бы сюда гранату. Не может быть, чтобы устояла гадина против РГД-5. Но чего нет, того нет.

— Парни, придумайте хоть что-нибудь! — взмолился Анатолий. — Оно ж ваше, здешнее. Кому, как не вам, знать его слабые места?!

— Нет, — покачал головой Гааркан, — не наше. Это из бывшего Сарнагарасахала нетварь. Тамошние маги вывели. Против него трех человек мало. Оно способно с десятком сражаться.

— Так оно ж нас тут ухлопает и сожрет, — с отчаянием молвил ефрейтор.

— Это уж как Вечное Небо и Священная Луна решат, — не без фатализма развел руками Миша.

Но, видно, Высокие решили, что помирать троице еще рановато.

Стеноломание вдруг прекратилось, послышались частые автоматные очереди, а в ответ рев карачона.

— Наши! — восторженно проорал Смагин. — Наши пришли!

В стену впились несколько шальных пуль.

«Только б нас под горячую руку не задели», — подумал ефрейтор и скомандовал своим лечь на пол.

Рев перешел в хрипы, потом в сипение. Наконец, все смолкло.

— Эй, вояки, — донесся до них знакомый голос. — А ну-ка вылезай, кто живой!

— Товарищ капитан! — обрадовался Анатолий, выбираясь из полуразрушенной караулки. — Это вы?

— Нет! — отбрил Анохин. — Дед Бабай!

Начальник разведотряда, а с ним еще пятеро бойцов-автоматчиков стояли над поверженной и еще содрогавшейся в последней агонии тварью.

Георгий покачивал головой, рассматривая произведенный чудовищем разгром. Придется перестраивать караулку заново.

А что будет, если таких вот зверушек соберется не одна и не десять, а, допустим, сотня или две. Да пойдут они на штурм городских стен. Сколько выдержит древняя глинобитная ограда, пусть и более-менее укрепленная?

Октябрьск/ Тхан-Такх. Дом офицеров имени Г.К. Жукова

Люди сидели чуть ли не на коленях друг у друга, стояли в проходах, дух махорочных сигарет смешивался с ароматом конского пота и сыромятных кож, создавая прямо-таки физически ощутимую атмосферу. Топор не топор, а саблю повесить было бы нетрудно.

То, что происходило нынче в Колонном зале гарнизонного Дома офицеров, по старинке именовалось общим собранием. Может быть, в другом времени и обстоятельствах его бы могли назвать Учредительным собранием. Но одни из сидящих тут вообще о нем не слышали, на Аргуэрлайле всеобщих выборов еще не изобрели, а для других — это было уже давней полузабытой историей про то, как бравый матрос Железняк разогнал сборище беспомощных буржуев-говорунов.

Сидя в президиуме за столом, традиционно накрытым красной скатертью, Макеев вглядывался в перешептывавшихся между собой делегатов, расположившихся внизу в деревянных креслах, в свое время выписанных специально для таких случаев генералом Мезенцевым, строго следившим за соблюдением формы везде и во всем. Александр вспомнил, как хвастался Антон Карлович, что умыкнул полный комплект из полутысячи кресел прямо из-под носа «одного чинуши из ВЦСПС», собиравшегося преподнести мебель в дар реконструированному кинотеатру одной из столиц прибалтийских республик. Обновить мебель так и не успели. Едва закончили монтировать, началась Эвакуация.

Теперь вот вместо высшего офицерского состава ОГВ на Аргуэрлайле кресла занимают представители советских людей, предательски брошенных своими на чужой планете. Редко у кого на погонах поблескивают большие звезды. Все больше маленькие или вообще сержантские лычки. Ничего, не в величине и количестве звездочек счастье.

Здесь же присутствовали и представители союзных землянам племен Великой Степи. Не так много, как хотелось бы, но и немало — человек триста. Старейшины, мелкие князьки, шаманы. Ханов было лишь двое, правда, один не кто-то, а шестнадцатibunчужный — сам Гохосс-Со. И представляют они примерно этак до миллиона живых душ, как подсчитал еще год назад счастливо вернувшийся в Союз эксперт по военной демографии капитан Суртов. С такой силой за плечами можно не только обороняться от неприятеля, но и спокойно жить и работать. А там коли задуманное дело пойдет, как надо, то и другие степняки присоединятся.

Беспокоило слегка то, что у кочевников при себе имелось не только холодное оружие, каким они мастерски владели, но и огнестрельное — подарки союзников. Макеев предпочел бы, чтобы гости сдали его, но это было немыслимо, ибо подобное предложение смертельно оскорбило бы гостей — у вольного воина отобрать оружие...

Майор поежился. Все-таки непривычно находиться под обстрелом стольких глаз. Ему гораздо уютнее было бы сидеть там, внизу, со всеми, а не здесь, за столом, под двумя большими портретами, на которых местный художник запечатлел Ленина и генсека Андропова. (Их закончили незадолго до все той же Эвакуации, отчего лица вождей имели явные признаки степной крови.)

— Товарищи, — начал он, — разрешите считать совместное заседание Совета города Октябрьска и городской парторганизации, а также курултая открытым.

По его знаку Лунев включил проигрыватель, и из колонок понеслись торжественные звуки партийного гимна «Интернационал». Земляне тут же подхватились на ноги и застыли по стойке «смирно». Следуя их примеру, встали со своих мест и кочевники. Чужой ритуал показался им странным, но музыка понравилась.

— Прошу садиться, — молвил Александр, когда прозвучал положенный первый куплет с припевом. — Для ведения собрания нам следует избрать... кхе-кхе... рабочий президиум. Какие будут предложения?

То один, то другой военные вставали и называли имена, заранее написанные им на бумажке Лыковым. Всего кандидатов набралось человек двадцать пять. Среди них, «случайно» оказались и представители всех пятнадцати племен, и оба хана. Раздувшись от гордости, степняки прошествовали на сцену и воссели за столами. Некоторое непонимание возникло у них оттого, что перед ними не выставили никакого угощения. Только графины с водой и стаканы. Ну, да Высокое Небо этих чужинцев знает. Может, яства позже принесут.

— Повестку дня *вы все знаете*, — обвел Макеев собравшихся суровым взглядом. — Она у нас насыщенная. Разговор, товарищи, будет долгим и непростым. Для начала слово для доклада предоставляется секретарю нашей партийной организации, Лыкову Семену Васильевичу, танкхену племени Волка. Прошу вас, товарищ капитан.

Формально замполит еще не был капитаном. Представление, подписанное генералом Тихомировым, ушло наверх и не вернулось в виде приказа о присвоении очередного воинского звания. Однако в новых условиях было не до соблюдения формальностей. Тем более что муж двадцатибунчужной танши народа Волка по своему положению в феодальной иерархии Степи в переводе на земные звания мог считаться если не Маршалом Советского Союза, то уж точно не ниже генерал-полковника. За ним, вернее за его супругой, стояло примерно десять тысяч кибиток, или до ста тысяч человек, пусть и считая женщин, стариков и детей. Весьма немало по нынешним временам, учитывая, что и женщины тут неплохо обращаются с луком, а дети ходят в походы с тринадцати лет. Неудивительно, что при выходе Семена на трибуну все кочевники почтительно приветствовали его. Исключение составил только Гохосс-Са — второй из присутствовавших здесь ханов. Он лишь махнул рукой, благожелательно улыбнувшись своему «младшему брату».

Макеев вспомнил короткую объективку, составленную на этого типа Костюком. Из нее следовало, что почтеннейший Са — самый хитрый, коварный и ловкий политик в этой части Великой Степи. Пока что он, хотя и был, конечно, «серой лошадкой», но внешне выказывал землянам дружелюбие. Но вот ждать от него можно всякого...

Лыков был одет совсем не по уставу. В стеганный золотом халат, подпоясанный золотым же кушаком. На голове — остроконечная шапочка, напоминающая то ли узбекскую тюбетейку, то ли войлочный шлем, типа революционной буденовки. На поясе сабля в усыпанных самоцветами ножнах и такой же богатый кинжал. Вместо положенных яловых офицерских сапог — щегольские сапожки из верблюжьей кожи с загнутыми кверху носками. Некоторой пародией выглядели парадные погоны с четырьмя капитанскими звездочками, нашитые на халат, — единственный намек на принадлежность замполита к офицерскому сословию.

«Вылитый Сухэ-Батор!» — усмехнулся про себя Макеев, разглядывая орлиную статью друга.

Сумеет ли только найти подходящие слова, чтобы убедить союзников взяться за то дело, ради которого и затевалось нынешнее мероприятие? Вроде уже больше полугода живет среди кочевников. Должен был хоть немного выучить их нрав и повадки. Тут простой партийной трескотней не возьмешь — не та аудитория. Цветистая риторика уже и на Родине порядком задолбала, и умные люди ее пропускают мимо ушей. Надо бы, конечно, что-то менять, но... в конце концов, это не его ума дело. Ладно. Хорошо бы тут, на Аргуэрлайле, начиная все буквально с нуля, не наделать былых ошибок и впрямь построить новый мир, где те, кто был ничем, станут всем.

Замполит между тем начал доклад. Как и предполагал Макеев, речь была составлена из расчета в первую очередь на гостей из Степи, чем адресована к землянам. Последние и так знали сложившуюся в Октябрьске и вокруг него ситуацию, как свои пять пальцев. Поэтому Лыков обошел стороной анализ причин катастрофы, больше сосредоточившись на возможных последствиях.

Кратко охарактеризовав внутреннее положение в остатках ОГСВ, которое, несмотря на имеющиеся сложности и проблемы, отнюдь не было безысходным, Семен перешел к обрисовке внешнего положения города и Степи. Тут он перешел на местный язык, не стесняясь украшать свою речь цветистыми выражениями, приличествующими скорее местному сказителю. Он клекотал по-орлиному, картинно взмахивал рукой, воздевая указующую длань вверх, словно обращаясь к авторитету небожителей. Да, вещал он, недавнее нашествие мерхтонов удалось отбить, но кто сказал, что оно будет последним? В Степи издавна шла вечная война, враг мог ударить откуда угодно. Лыков напоминал о Конгрегации, где вновь могут возобладать враги землян и вольных кочевников, о Сарнагарасахале и не успокоившихся слугах Черного Солнца, об империи Эуденоскаррианд, о неведомых областях северо-востока, откуда иногда приходили волны кровавых нашествий. И только единство и прочный союз всех племен, родов и княжеств даст им возможность жить, не думая о том, что завтра их семьи станут кормом для стервятников.

Речь Лыкова не раз прерывалась одобрительными возгласами, а завершилась аплодисментами землян и грохотом рукоятей плетей о кресла — кочевники были поражены таким красноречием чужинского сардара. Большинство из них не могло говорить и десяти минут кряду. Явно само Вечное Небо и Священная Луна дали мужу Ильгиз Сем Ену вдохновение. Однако ж надо было подумать, посоветоваться. Подобные дела в спешке не решаются.

Конечно, степняки в общих чертах знали, зачем их приглашают в бывший мертвый город Тхан-Такх. Лыков заранее оповестил их о том, что затевают пришельцы. Было время поговорить внутри каждого племени, в общих чертах определиться. В итоге в столицу чужинцев приехали те вожди, которые в целом были согласны с идеей подписать договор. И все же следовало утрясти детали.

Земляне хорошо понимали ситуацию и не торопили возможных союзников. В конце концов, собрание только открылось. Причем провести его следовало за сегодня и завтра. Не потому, конечно, что таков был регламент — не было никакого регламента. Просто по давнему обычаю большинству кочевых народов возбранялось оставаться за стенами города дольше, чем на одну ночь.

Председательствующий объявил перерыв до завтра и пригласил дорогих гостей на пир. Степняки оживились. Наконец-то. Давно пора было вспомнить о традициях. Не все решается на голодный желудок и трезвую голову...

Сидя во главе пиршественного стола, машинально улыбаясь и поднимая одну заздравную чашу за другой, Александр размышлял.

Собственно, чем бы не кончилось это собрание, значило оно одно — все его спутники смирились с тем, что помощи не будет и ворота не откроются ни сейчас, ни... Скорее всего, никогда больше.

Сам Макеев уже давно приучил себя к этой мысли — по старой привычке готовиться всегда к худшему.

Что-то там не получилось, не срослось. У ученых ли мужей или отцов-командиров, неважно уже. Также неважно, по какой причине.

До него доходили какие-то слухи о зловещих предсказаниях, сделанных местными и своими магами, да и без них — едва ли не ежегодные учения на тему действий в условиях ядерной войны оптимизма не прибавляли. Возможно, все было проще — не оправдавший надежд проект закрыли раз и навсегда или до лучших времен (что обычно означает одно и то же) — как это водилось у них частенько.

А может быть, как он подозревал все чаще, кто-то или что-то просто захлопнуло дверь между мирами.

Пожалуй, это сознание оторванности от всего мира было самым тяжелым в их положении. Если на то пошло, то лишь надежда на чудо, на то, что за ними вернутся, что не бросят своих, поддерживала их в прошедшие месяцы, которые стали для землян куда большим испытанием на прочность, чем все те победоносные войны и походы, которыми был заполнен год после их вторжения сюда.

К тому же думать было особенно некогда. Минувший год прошел в тяжелых трудах по хоть какому-то обустройству на этой земле.

Пусть не было острой нужды беречь каждый патрон и каждую гайку, еще возможные угрозы были далеко на севере и востоке, еще витала над ними тень прежнего могущества державы, находящейся по ту сторону грани, разделяющей миры.

Все силы и время отнимали трудные, но понятные и необходимые дела.

Для начала им пришлось собрать в городе всех рассеянных почти по полутора сотням тысяч квадратных километров соотечественников. Да еще вдобавок к ним — аборигенов, опрометчиво (и слишком тесно) связавших свою жизнь с чужинцами.

По этому поводу среди командиров были споры, но возобладала мысль, что бросить тех, кто им доверился, было бы не только недостойно (если не сказать — подло) советских людей, но и

опасно. Мало того, что наверняка это сочли бы признаком слабости, но кто, скажите на милость, станет иметь дело с трусами и предателями.

Это было воистину спасительное решение. Ибо именно аборигены стали их помощниками и советчиками в этом мире, именно они давали неоценимые советы по части местной жизни и порядков. Без этих советов они наверняка бы не сумели протянуть этих месяцев. Именно местные подсказали, что надо любой ценой сохранить торговлю и хорошие отношения с купцами, они сумели наладить старые кяризы и собрать урожай. А были еще и всякие ремесленники, владевшие всеми теми мелкими умениями, без которых невозможно представить жизнь — от сапожного дела до гончарного.

А еще предстояло собрать отставших и беглецов (майор решил отложить до лучших времен вопрос о дезертирах). Надлежало продумать и организовать оборону города и как-то заново договориться с соседями и союзниками, постаравшись, чтобы те не стали бывшими. В конце концов, наладить хоть какую-то власть — желательно подходящую для текущего момента.

Они стаскивали сломанную технику с «точек» и постов — сколько же добра оказалось брошено в спешке!

Начальник тыла гарнизона, или как его все чаще называли по примеру местных жителей — войсковой казначей, Иван Петрович Довбняк, старший прапорщик (чей газик просто не успел к закрытию дромоса, провалившись в овраг), проявлял совершенно зверское скопидомство, таща в свой НЗ каждый подшипник, каждый не до конца прогоревший поршень и каждый гаечный ключ, случайно найденный при разборке на металл сломанной машины.

По этому признаку с ним мог сравниться лишь начпрод, ефрейтор Власенко.

Ночами не спали над скверно вычерченными картами окрестностей, разрабатывая планы обороны, схемы распределения мангрупп и прикидывая возможность маневра огнем для скудного артиллерийского состава гарнизона.

А вспомнить, сколько было мучений с переводом двигателей на местное топливо — как маялись, смешивая в разных пропорциях конопляное масло, перетопленное баранье сало и самогон. Как, матерясь, разбирали забитые копотью картеры и карбюраторы...

Впрочем, старшему лейтенанту Бурову приходилось еще хуже. Выходящее из его с грехом пополам сляпанной пиротехнической лаборатории вызывало страх — и, прежде всего, у самих бойцов. Однако произведения главных механиков — капитана Бровченко и Эгорио Самтара, в прошлом войскового кузнеца империи Сарнагарасахал, выглядели еще страшнее.

Да, работы был полон рот, предаваться унынию некогда.

А ведь были еще рейды против осмелевших разбойников, вновь начавших было пощипывать купцов и крестьян, было и сопровождение караванов.

Жизнь также брала свое. Некоторые офицеры и солдаты женились, кто на дочерях окрестных земледельцев и ремесленников, кто даже на привезенных торговцами рабынях.

И даже сам Макеев начал приглядываться к Алтен. Ну и что, что колдунья? Зато умница и красавица. Да и в бою не раз проверена. Чем не офицерская жена?.. Да все времени объясниться не было...

За всем этим как-то было недосуг внимательно прислушиваться к новостям из-за рубежей их княжества. Мир для землян, как для их далеких предков, вновь съезжился до городских стен и горизонта.

Мимо них прошла странная смута в Холми, когда его некоронованный король, великолепный Эйгахал Коцу, вдруг отрекся от власти и с горсткой сторонников удалился в добровольное изгнание — куда-то в земли севернее Эуденоскаррианда. За этим последовал раскол на две не то общины, не то партии, но при этом формально ковен не разделялся.

Что там происходило у магов, достоверно сказать не могли даже подчиненные Макееву чародеи — этого вообще, похоже, никто не мог объяснить.

Пришли вести, что вспыхнула гражданская война в Сарнагарасахале. Потомки старой знати — не всех их вырезали жрецы за почти тысячелетнюю историю (резали-резали, да не вырезали!), городские старейшины и вообще какие-то непонятно откуда взявшиеся люди занимали города,

собирали армии и шли войной друг на друга за право возглавить единую державу, очень быстро превращающуюся в скопище свободных и независимых пепелищ.

Окраинные владыки и царьки, те, кто был поумнее, в драку не лезли, зато масла в огонь подливали лихие набеги кочевников. Многие роды и даже племена просто уходили в бывшие провинции империи, что когда-то были владениями степного народа, и оседали там, превращая поля в пастбища и облагая земледельцев данью — тех, кто не попал под горячую руку — точнее саблю.

Вот тут Макеев, да и его подчиненные не на шутку встревожились. Если эти победят, то не успокоятся, пока все уцелевшие земляне не окажутся или на возрожденных алтарях Шеонакаллу, или в рабстве. Выручил старый Гаэрил Железный Дуб, неожиданно атаковавший лагерь возрожденцев и полностью вырезавший всех, кого настигли его всадники. Но это благодеяние, оказанное им землянам, оказалось последним — спустя месяц хан умер от неведомой болезни, с которой не справились даже чародейки ковена Грайни.

За этим последовало отпадение четырех племен, которые не пожелали подчиняться женщине и «жене чужинца». Но оставшиеся сохранили верность его дочери.

На курултае Ильгиз удалось взять в свои крепкие ручки вождей народа Волка. Кого лаской, кого таской, кому-то пообещав новые пастбища, кому-то напомнив, чем он обязан отцу и что боги обычно карают за неблагодарность, а кому-то вовремя напомнив, что соседние племена тоже не прочь разжиться пастбищами, стадами и водопоями.

И стяг с тамгой Ильгиз по-прежнему украшал немало бунчуков.

Так супруга старшего лейтенанта Семена Лыкова стала танши — первой степной царицей за минувшие полвека.

Но вот когда все успокоилось, и пришло окончательно осознание того, что их бросили тут, у закрытого портала, что они в этом чужом и чуждом мире — навсегда.

Навсегда.

Именно сочетание двух этих слов — *навсегда* и *никогда* и давило беспощадно на каждого из них — и на офицера с незаконченной академией, и на дипломированного ученого, и на серого стройбатовца.

Кто-то застрелился, кто-то спился — и никакая магия не помогла, а несколько человек буквально исчахли, истаяли от пожиравшей их изнутри тоски и нежелания жить — так определили их болезнь все те же маги. Удалось спасти лишь двоих из дюжины...

Когда разговоры об этом стали почти открытыми, Александр совсем уже было решил собраться всем и решить, как действовать. Но это пришлось отложить — пару месяцев назад пришли тревожные вести. На западе Бесконечной Степи объявилось дикое племя многочисленных темнолицых кочевников, именующих себя мерхтонами, начавшее теснить союзников. Племя Волка послало людей на помощь, но отряд был разбит и уничтожен. И тогда Макеев сам вызвался помочь.

И дело было не в прекрасных глазах танши Ильгиз, конечно.

Сами пришельцы вряд ли бы дошли до Октябряска, но вторжение грозило стронуть с насиженных мест десятки, сотни тысяч табунщиков и пастухов Степи, выбитых с мест вторжением, а те, в свою очередь, должны были потеснить соседей.

Как знали земляне — и из собственной истории, и из местных легенд, подобное перемещение народов всегда предвещало великие бедствия.

Макеев популярно объяснил это на военном совете сомневающимся, наглядно показывая возможное развитие событий на недавно вычерченной карте Аргуэрлайла.

— Смотрите, — вещал он, — они идут на юго-запад. Значит, выдавят риртов на юг, а те навалятся на восточных кэрулов, одновременно сбивая со старых кочевий хукаров и теорингов. И вся эта толпа явится сюда, лишённые своей земли, голодные, злые...

— Верно, — закивал союзный пятибунчужный хан Тром. — Так пришли когда-то в Степь и наши предки, только с юга.

И добавил, как-то не по-хорошему усмехнувшись:

— Руины городов царства Зоттар до сих пор торчат над степью...

Поход вышел дьявольски трудным. Ломались детали, казалось, вполне надежные и которых по какой-то непонятной причине не оказывалось в старательно собранных Довбняком «запасках». Глохли движки на непривычном горючем. Приходилось бросать машины, снимая с них все, что можно.

По дороге пропало несколько человек, причем ни маги, ни шаманы, прикрывавшие отряд, не поняли, в чем дело.

И когда поредевшая колонна, наконец, вышла в место сбора войск союза племен, над которым вздымалось двадцать два бунчука хана Сем Ена, обгоняя ее, туда уже добралось прозвище угэн-зарапп — погонщики черепах.

Едва почти вся боеспособная техника с горем пополам выдвинулась к месту грядущей битвы, то выяснилось, что пришлецов не жалкие пятнадцать тысяч, как сообщали союзники, а как бы не все сорок.

Пожалуй, у них бы ничего не вышло. Просто не хватило бы взятых с собой боеприпасов. Но Макеев буквально в считанные минуты нашел выход. Собрав кулак из бронемашин, он рванулся прямо через ряды конных и пеших врагов туда, где возвышались бунчуки ханской ставки врагов, и расстрелял всех, кто там оказался, из пулеметов, а потом еще вбил в землю колесами. Та битва стоила им еще трех машин, спаленных шаманами врага, а еще в одной умер экипаж от неведомого черного колдовства.

Но враг был разбит, и остатки мерхтонов бежали обратно в свои дикие дебри и урочища.

И вот тогда на победном пиру Ильгиз, улучив момент, подошла к Макееву, уже слегка осовевшему от молочной водки и вина из диких ягод, и в нескольких словах изложила план, который они потом вместе с ее супругом и еще Алексеем Костюком втроем довели до ума.

Первое впечатление от предложения было — что за чушь? Но потом, по мере размышлений, по мере обдумывания, Макеев только восхищенно качал головой, ибо эта девчонка, на Земле еще учившаяся бы в школе, была, пожалуй, умнее всех вождей на сотню конных переходов вокруг и могла потягаться с великими правительницами Земли, вроде Екатерины II или Елизаветы I Английской.

Впрочем, немало добавили и они с Костюком, тоже не лыком шитые, в отличие, кстати, от (вот каламбур к случаю!) Лыкова, который, похоже, уже привык смотреть дорогой супруге в рот.

Было в предложенном плане много сомнительного, была откровенная демагогия, рассчитанная на простодушных степняков, и даже мелкое жульничество. Но дело того стоило — маленькой колонии землян, а заодно и всем местным жителям-степнякам будет при удаче обеспечено лет десять — пятнадцать большого мира и процветания. А там можно будет сделать новый шаг, когда простые пастухи Поймут, что пасти свои стада лучше, чем чужие, а родовые старейшины — что иметь хана вовсе не обязательно, вернее, достаточно одного на круг племен, так меньше баранов будет сожрано и кумыса выпито.

Десять лет мира — вот что им нужно. Только десять! Дальше все пойдет само, как цепная реакция. И если она пойдет правильно, то может быть когда-нибудь из вот этих степей в небо взлетят космические корабли.

Октябрьск/Тхан-Такх. Штаб ОСД ОГСВ

Макеев еще раз изучил лежащий перед ним исчерканный листок, с легкой печалью посмотрел на пару скомканных бумаг черновика в мусорной корзинке. Бумаги у них хватает, по крайней мере, пока.

Незадолго перед аварией у них наконец-то решили выпускать фронтовую газету. Для ее выпуска им пригнали из Туркестанского округа снятую с длительного хранения походную типографию — десяток машин, содержавших линотипный наборный цех, тигельные печатные машины, цинкографию, редакционный комплекс с рабочими местами для литературных сотрудников, корреспондентов, машинисток и даже телетайпную связь. Плюс всякую мелочь вроде своей дизельной электростанции и даже полевой кухни. Ну и само собой целый склад газетной бумаги. Да вот незадача, при пробном запуске дизель-генератор аж пятьдесят третьего

года выпуска загорелся, спалив и электростанцию, и половину фургончиков. Так ОГСВ осталась без газеты, а они соответственно с бумагой.

Да, бумаги пока хватает, а как кончится, придется, видимо, на бараньи шкуры переходить, как жрецы и шаманы степняков.

Майор перечитал бумагу и так и эдак. Все вроде правильно. Но подписать этот листок значило перешагнуть невидимую черту, за которой останется слишком многое. Однако другого выхода не оставалось.

Перечитал еще раз неровные строчки.

Приказ № 091 по Отдельному сводному дивизиону ОГСВ.

В связи со сложившейся обстановкой, приказываю:

1. С сего числа — 1 июля месяца 1984 года (Год Низкой Луны, месяц Жары, девятый день) считать Отдельный сводный дивизион ОГСВ расформированным.

2. На его основе сформировать силы самообороны г. Октябрьска и прилегающих территорий, исходя из принципа разумной целесообразности.

3. Личный состав дивизиона за исключением служащих сил самообороны считать находящимися в бессрочном отпуске.

4. Всех офицеров, прапорщиков и сверхсрочнослужащих считать зачисленными в состав сил самообороны, за вычетом необходимых для существующих и вновь формируемых гражданских служб г. Октябрьска и прилегающих территорий.

5. Упразднить Октябрьскую военную комендатуру.

6. На основе подразделений и личного состава военной комендатуры сформировать органы гражданской власти на соответствующей территории, в дальнейшем именуемой городом-республикой Октябрьск, или Октябрьским особым административно-территориальным образованием (названия равноценные).

7. До окончательного утверждения порядка управления считать высшим органом власти на всей территории бывшей зоны ответственности ОСД ОГСВ Совет народных представителей (он же курултай), с включением в него наряду с советскими гражданами представителей местного населения.

8. Передать Совету (курултаю) всю полноту власти, включая право командования силами самообороны, вопросы уголовного наказания, внешних сношений и т. д.

9. Председателем Совета (курултая) вплоть до проведения выборов временно назначить майора Макеева А.П.

Вздыхнув, он макнул стальное перо в чернильницу и размашисто расписался, выводя каждую букву:

«ВРИО командира Отдельного сводного дивизиона, майор Советской армии Макеев А.П.»

«Вот и все!» — устало подумал, откинувшись на спинку кресла.

Рука не дрожала, и перо не выпадало из рук, как писали старинные романисты, — видать потому, что к этому дню он шел почти полгода. А вернее даже с того самого дня, когда увидел пустоту на месте входа в дромос и все понял.

Понял, что их тут бросили, так как поверить, что их действительно могли забыть, он не мог — сколько бы не ругали сослуживцы и он сам родной армейский бардак, но уж слишком за гранью была подобная мысль.

Конечно, оставалась ничтожная вероятность, зудевшая в мозгу спасительной мыслишкой, что ученые умники во главе с этим сыном члена Политбюро просто ошиблись со сроками схлопывания межпространственного коридора. Ведь и вправду — дело-то новое, можно сказать, первый опыт (чертовы ученые крысы, не могли сперва на мышах потренироваться!). Именно так он объявил на первом общем собрании всех тут оставшихся, и именно так, по крайней мере на словах, думали его товарищи.

Да только вот Макеев все же не первый год служил в армии — подольше большинства офицеров, учился на высших стрелковых курсах, готовился в академию... Наконец, успел побывать «за Речкой», а это школа, стоящая любой академии (для того, кто хочет учиться, само

собой). И понимал, что будь так, не стали бы товарищи генералы ни с того ни с сего выдергивать со всех частей народ и собирать в это непонятное подразделение прикрытия (прикрытия чего?), не попали бы в него по странному стечению обстоятельств почти все женившиеся на местных девушках или заведшие постоянных подруг... Наконец, не стали бы держать эти самые «части прикрытия», дожидаясь неизвестно чего по эту сторону дромоса, а вывели бы сразу за основными силами. И особенно подозрительно, что в этом заслоне не оказалось ни одного особиста, хотя в подобных частях они обычно имеют место быть в сверхкомплектном количестве.

Но, не подавая виду, Александр поддерживал в своих товарищах и подчиненных веру, что несчастье произошло случайно, что их не бросят, не могут бросить, что вновь пробьют проход между мирами — как когда-то на Большой земле спасали вопреки всему нуждавшихся в помощи из полярных льдов и штормового моря.

Делал это не из чувства долга, хотя и продолжал чувствовать себя офицером Советской армии, а потому что не мог отнять у тех, за кого отвечает, еще и надежду с верой.

Напротив, они старательно готовились к выводу, время от времени отрабатывая быструю эвакуацию; по его приказу выставили специальный пост с рацией и сигнальными ракетами в месте, где дромос выходил в Аргуэрлайл.

Но одновременно, как бы на всякий случай, Макеев принимал меры на предмет, как казенно формулировал он на совещаниях, «долговременного пребывания в точке базирования».

И как теперь понимал, он был прав на все сто, ибо надежда вернуться давала землянам силы.

Но нельзя бесконечно обманывать себя и других. И все чаще на штабных посиделках при дежурных словах о возвращении майор ловил на себе взгляды подчиненных. То злые, то исполненные тихого отчаяния, то насмешливые, мол, видать, полный дурачок их командир.

Александр в отличие от большинства сокурсников не игнорировал занятия по специальной психологии в училище и поэтому знал несколько нехитрых правил. Во-первых, в критической ситуации за командиром пойдут, пока ему верят, а верить ему будут, лишь пока он верит сам в себя. Во-вторых, в критической ситуации можно отдавать приказ, который будет выполнен, потому что первый же невыполненный приказ станет, скорее всего, последним приказом, отданным тобой.

И поэтому он и начал по очереди беседовать то с одним, то с другим офицером, сержантом, рядовым, приглашать к себе магов и местных старшин.

Так вот и родился этот документ.

И прежде чем встать и выйти в соседнюю комнату этого бывшего дворца давно забытых властителей, где сидит его штаб, еще не знающий, что с этой минуты они все уже по сути перестали быть солдатами, Александр вспомнил, как это начиналось...

— Итак, товарищи, — оглядел Макеев собравшихся.

Хотел было пошутить, добавив что-то вроде: «Юбилейное заседание, посвященное благополучно прожитому четвертому месяцу существования нашего дивизиона, прошу считать открытым», но уж слишком усталыми и осунувшимися были лица у людей.

— Чтобы даром не терять времени, думаю, что настало время подвести некоторые итоги. По месячной давности распоряжению штаба каждый из вас собрал информацию о, так сказать, ситуации на своем участке ответственности. Чем мы располагаем, и соответственно из чего следует исходить при планировании дальнейших действий. В различных вариантах и ситуациях, — многозначительно добавил он, — Пусть начнет... ну, хотя бы ты, Иван, — обратился он к капитану Бровченко, своему зампотеху.

— В распоряжении сводного дивизиона, — слегка грассируя, начал тридцатилетний танкист, нервно одернув китель, — имеется три танка Т-64, правда, к сожалению, два из них не на ходу, собственно, почему они тут и остались.

Собравшиеся закивали — история с двумя танками, застрявшими на Двадцать третьем форпосте из-за того, что по милости придурка-комвзвода с говорящей фамилией Гадлоев у них спалили передачи, была известна всем. Кстати, сам взводный благополучно эвакуировался, а вот оба экипажа кукуют тут...

— Как вытащить их, мы пока не придумали, но работаем над этим. Но не волнуйтесь, товарищи, — зачастил Бровченко, — в крайнем случае снимем с них все ценное, сдернем башни и приспособим в Октябрьске под доты.

Танкист явно нервничал, хотя и не из-за службы. Скоро предстояло рожать его супруге, юной Читтак из рода Хоррисан, а с медициной, между прочим, у землян конкретно ухудшилось.

— Имеется также... — Он взял со стола неровно обрезанный лист неважной бумаги. — Бронетехника — двадцать четыре БТР-30 и семнадцать БТР-1, шесть БМП-2; КШМ — две, МТЛБ — одна. Автомобили УАЗ-409А — восемнадцать штук. Грузовики ГАЗ-66 — сто тридцать пять штук, грузовики ЗИЛ-130 — пятьдесят шесть штук. Наличиваются еще передвижные ремонтные мастерские марки ПАРМ-1 — одна, мотоциклы «Урал» с коляской — четыре, автоцистерны — семь, из них две — водовозные, и два заправщика. Тягачи артиллерийские — два, хотя один еле жив, трактора универсальные «Беларусь» — три.

— Неплохо, — одобрительно произнес кто-то.

— Да, товарищи, — почему-то слегка покраснел капитан, — но вот какое дело... В основном техника битая, у иных машин ресурс выработан процентов на пятьдесят, а ЗИЛы в большинстве вообще не на ходу.

Макеев молча кивнул — да, они оказались счастливыми обладателями кучи битой и ломаной техники, которую эвакуация застала разбросанной по площади в десятки тысяч квадратных километров. К тому же часть из нее попала к ним уже после ремонта... («А в ремонт — из Афгана», — для себя добавил Александр.)

— А что у нас по горючке? — осведомился начальник штаба, не по-балтийски смуглый и усатый капитан Роальд Вилкас из последнего пополнения.

— Вот с этим хуже всего, — вздохнул Бровченко. — Фактически только то, что было в НЗ, да еще двенадцать тонн бензина из застрявшего под Тремя Скалами бензовоза. Во время сбора техники в Октябрьске мы сожгли почти все, что было.

Собравшиеся встревоженно загудели, пара человек вполголоса выматерились. И. было от чего. Без горючего техника практически бесполезна. А без техники им не продержаться не только до становящегося все более проблематичным нового открытия дромоса, но и, что называется, «вообще»...

— Постой, Иван, — буркнул Вилкас, — но горючее должно быть на Тринадцатой точке, у соседей на руднике? Туда его до фига возили, как я помню.

— В том-то и дело, — вздохнул зампотех. — Мы тоже так думали, но когда прибыли на рудник, оказалось, что там только груда пустых бочек. Как я понял, все истрачено на Эвакуацию. Разве что в главной емкости на дне было с полтонны — еле-еле ручным насосом выкачали.

— И шо будем делать? — едко спросил старший прапорщик Довбняк. — Или шо, лошадок станем в танки запрягать? Семен Васильич, — обратился он к Лыкову, дотоле молчавшему, — товарищ хан, у тебя там нигде во владениях нефть из земли не вытекает?

— Нет, — замполит воспринял вопрос всерьез, — ничего такого вроде не слышал, хотя могу поспрашивать... Нет, точно нет.

— Так шо делать будем? — повторил вопрос прапор.

— Ну, — нервно вздохнул Иван, — можно на спирту или газогенераторах, хотя с дровами тоже неважно... Дизель в принципе, как я помню, можно запустить на конопляном или подсолнечном масле, на ворвани.

— На сале! — хихикнул Довбняк.

— Я могу попробовать переделать движки, но тут есть свои проблемы...

— А конкретнее? Самогона не хватит?

— Это тоже, но главное — от нестандартного топлива механизмы будут глохнуть почем зря, гарь безбожно забьет картеры... В общем, ресурс сильно упадет, а с запчастями тоже проблема.

— Та-ак! — зловеще протянул Вилкас. — А с чем у нас еще проблемы?

— Остынь, Роальд, — осадил его Анохин. — Тут тебе не особый отдел.

Начштаба фыркнул, но заткнулся.

— Еще не хватает смазочного масла. Обычного всего пять бочек, а солидола нет совсем. Смазки для кардана тоже нет, и масла один-тринадцать, тоже. И консталина. Плохо со смазкой, — виновато закончил зампотех, словно сам был причиной нехватки. — И с шинами... некоторая нехватка. Правда, есть серная кислота — шесть сотен литров, и кислота для аккумуляторов — тонна.

— Ну, чего еще у нас нет? — позволил себе пошутить Макеев.

Под его взглядом поднялся молодой человек в форме без знаков различия — и тому была причина. Старшина медслужбы Гена Тупиков, в прошлом ротный санинструктор был главврачом дивизиона. Из всех трех равным счетом ротных санинструкторов, он единственный отучился в мединституте — причем вылетел аж с пятого курса, как смутно припоминал майор особистские разговоры, за политику (не то ругал ввод войск в Афганистан, не то поссорился с комсоргом из-за девушки). В обществе офицеров старшина явно терялся и, чтобы хоть немного смягчить положение, ходил в стандартной «песчанке», у которой погон нет.

— Что говорить, — вздохнул он и, словно спохватившись, добавил: — Товарищ майор. Говорить нечего. В наличии примерно две тысячи перевязочных пакетов, вата, бинты, зеленка — пять больших банок, два комплекта инструментов для военно-полевой хирургии, шесть упаковок пенициллина, шприцы — девять штук и еще некоторое количество разбитых — вытащили из мусора... Есть еще пара коробок таблеток кучей: аспирин там, димедрол — все, что не успели использовать в санчасти и госпитале. Но мало. Спирта медицинского...

— Сколько? — с усмешкой спросил Лыков.

— Не имеется, — убито закончил старшина. — И с обезболивающими никак. В смысле тоже не имеется. Вывезены как препараты строгой отчетности. Есть еще бормашина в зубном кабинете. Почти весь кабинет вывезли, а вот се оставили.

— Ничего более веселого сказать не можешь? — ехидно рассмеялся все тот же Довбняк.

— Могу, товарищ старший прапорщик, — вполне серьезно ответил Гена. — Позавчера с караваном пришла послушница ковена Грайни, направлявшаяся проездом в Крехсор. Явилась ко мне и сообщила, что целительницы сняли запрет на помощь нашим.

— Это хорошо, — обрадовался майор и тут же осведомился: — А почему сразу не доложил?

— Виноват, был занят по службе, не мог отвлечься, — отрапортовал начмед.

Майор вспомнил, что их отрядный медикус был действительно занят — как раз вчера рожала одна из горожанок, молодая вдова его солдата Кости Акинфиева, растерзанного месяц назад какой-то хищной нетварью в отрогах Клангорана, когда громили решивших угнездиться в тех краях разбойников.

— Насчет обезболивающих, — вмешался Артем Серегин. — Я вот думаю, может, нам использовать местный мак?

— Морфий неочищенный получить не так уж сложно, — кивнул Гена. — В принципе я знаю, как это делается. Хотя и теоретически, конечно, — зачем-то спохватился парень.

— Еще чего! — набычился вдруг Макеев. — Ты хоть понимаешь, какого джинна хочешь выпустить? Видел я в Афгане... Лучше уж самогоном пользоваться. Стакан засадил — и давай, как в древние времена.

— Да местной сивухой только крыс морить! — скривился медик.

— Все, я сказал, никаких опытов с дурманом! — повысил голос майор. — У нас тут УК еще пока никто не отменял! А с обезболивающими — не смертельно. Магов будем привлекать для этого дела, того же Аора. Ладно, садись Нет, можешь быть свободным, товарищ Тупиков, твоя помощь может понадобиться в любой момент.

Довбняк проводил парня недобрый взглядом, буркнул в усы что-то вроде:

— Вот умник выискался! Дрянь всякую делать, студент!

Макеев решил, что хитрована пора бы поставить на место.

— А что у нас по хозяйственной части, товарищ старший прапорщик? — как бы невзначай выделил он невысокое звание острослова.

— С ней усе довольно неплохо, в свете того, шо могло быть и хуже, — крикнул, поднимаясь, зам по тылу. — Вот, зачту докладную записку по провианту. Еды у нас пока хватает, и недостатка

не наблюдается. Есть кофе индийский и даже никарагуанский, и какао «Серебряный ярлык» — не особо много, но есть. Правда, сахару маловато, и чай только грузинский второй сорт, хотя его и побольше, чем кофею. Но и его, когда весь выпьем, взять будет неоткуда, как и кофий с какавой. С шоколадом те же дела — как сожрем те сто шесть кило, что от летунов остались, так придется о нем забыть. Но вообще муки у нас полсотни тонн, перловки хоть жо... завались, ну и пятьдесят тысяч банок тушенки — НЗ нашей Особой Группы. Тушенка, правда, с истекающим сроком годности, но прошу заметить — не с истекшим. Гречка, пшено, рис. Кстати, полагая, шо мы тут надолго, по своей инициатива приказал вверенным мне солдатам перебирать потихоньку оные крупы на прэдмэт отыскания пригодных к посеву зерен, каковые были высажены мной на соответствующие дэлянки. Также под мою ответственность имеющиеся пятнадцать мешков высеяны в грунт, и заявляю ответственно, что урожай с тех мешков есть не дам — думаю использовать, как посевной материал. Еще мною обнаружены и изъяты подсолнечные семечки, какие были в посылке у одного нашего бойца — так что будет у нас масло постное, правда, не рафинированное. Ну, еще налажены отношения с местными крестьянами, а также горожанам оказана помощь в обработке пригородных участков полей. Но хочу сказать, шо желательно ничего у них пока не забирать, хотя бы в этот год. Потому как...

Макеев махнул рукой. Все и так понимали, что хорошие отношения с аборигенами важны как никогда, так что пусть пока лопают свою репу и прочие овощи.

— На крайний случай, — продолжил Довбняк, — думаю, товарищ капитан нам из своих стад барашков подгонит, — кивнул в сторону замполита. — Так что с голоду не помрем.

— Это всегда пожалуйста, — подтвердил Лыков. — Могу, кстати, предложить верблюдов, у нас их больше обычного в этом году. Так сказать, хороший урожай верблюдов выдался. Не молочный поросенок, конечно...

— Ничего, — покладисто согласился прапор. — И это сожрем, не до жиру... — Он усмехнулся, видимо, вспомнив идею Бровченко насчет топлива. — Но это еда. А вот с вещевым довольствием хуже. Если фактически, то только то, шо на бойцах, да в вещмешках. В наличии на складах имеется тысяча банок черного крема для обуви, два тюка холодного нижнего белья солдатского — трусы и майки, один тюк кальсон зимних и мыло хозяйственное. Вот и все. Правда, мыла много. Двадцать тонн.

— Что ж это получается? — тоскливо произнес Роальд. — Штаны с гимнастерками вывезли, а нас не успели?

— Да нет, товарищ капитан, просто у нас и до Эвакуации на складах было шаром покати. Вы же понимаете — секретность. Из-за этого нормального требования написать было ни на шо нельзя, все приходилось по фиктивным ведомостям в десяти местах получать — и без того кое-где бойцы уже обмундирование третьего срока носки надевали. Но вот что самое поганое — зима настанет через три месяца, а зимнего обмундирования у нас не имеется — вот его вывезли. Кончено, тут не Заполярье, и полушубки вроде как без надобности. Но вы же помните, тут даже и снежок выпадает.

— Шкуры и войлок для пошива верхней одежды я могу поставить, — с готовностью предложил замполит.

— Ладно, об этом нужен отдельный разговор. Что по вооружению?

Начальник службы боепитания Сергей Буров вставать не стал — сломанная нога еще давала о себе знать.

— В общем и целом ситуация такова. На сегодняшний день в распоряжении сводного дивизиона имеется, не считая штатного вооружения бронетехники... — Он углубился в бумагу. — Пистолеты Макарова 9 мм — сто штук, пистолеты ТТ — двести пятьдесят штук, пулеметов ручных ПК — девяносто восемь штук, гранатометов РПГ-7В калибра сорок миллиметров — двести, пулемет ДШК — один и еще три в нерабочем состоянии. А вот патронов к ним много. Еще обнаружено триста автоматов ППШ и шестнадцать ящиков карабинов СКС — итого двести шестьдесят пять штук. Видимо, предназначались для вооружения союзников. Из артиллерии имеем две горные пушки, и по сто двадцать снарядов на каждую, батарею горно-вьючных минометов калибра 82,4 — даже и не думал, что это старье где-то хранится. Правда, пользоваться

этим особо никто не умеет, — добавил он, вздохнув. — Есть еще одно 106-миллиметровое безоткатное орудие Б11 — предназначалось для вооружения морской экспедиции, но было оставлено у нас из-за поломки системы горизонтальной наводки. К нему двести снарядов. Стрелять из него, правда, придется, поворачивая всю пушку целиком, как в старину, но хоть что-то.

— Что еще?

— Серия плакатов по стрелковому вооружению для оформления учебного класса — десять комплектов, — закончил Сергей под тихие смешки собравшихся.

— А с патронами как?

— Патроны? Есть пока...

Он заглянул в бумажку.

— Патроны 7,62-мм к ППШ и ТТ — триста тысяч, патроны 7,62-мм образца сорок третьего года — в пинках и россыпью триста с чем-то тысяч, патроны для «калашей» калибра 5,54 — триста тысяч. Выстрела для гранатометов восемь тысяч, ручные гранаты Ф-1 — две с половиной тысячи. Еще есть восемь тысяч сигнальных ракет четырех цветов, и выстрелов к танковым пушкам калибра сто миллиметров — триста. Чего мало, так это патронов калибра четырнадцать и пять для КПВТ — от силы по три сотни на каждый ствол. К пулеметам Громова и того меньше — но двести семьдесят. Также с объекта тринадцатого управления КГБ вывезено тысячу двести килограммов аммонала и двести детонаторов.

Собравшиеся приободрились — с таким арсеналом ни одно войско в этих краях им пока не страшно...

А майор уже готовился опрашивать начальника службы связи и сигнализации, младшего лейтенанта Николаева...

...И вот сейчас, за дверью его, Макеева, ждут те же самые люди — чтобы услышать о перемене в их судьбе. С тех пор стало меньше патронов и почти не стало бензина, а место надежды на возвращение окончательно заняло понимание, что теперь их дом здесь.

Начиналась новая жизнь...

А какой она станет — это зависит от него.

От них.

От удачи.

От судьбы.

Октябрьск/Тхан-Такх. Дом офицеров имени Г.К. Жукова

— Не пей. Вино отравлено, — улыбаясь, словно сообщала что-то очень приятное, прошептала ему на ухо Алтеи, нарушив политико-этнографические размышления.

Руки Макеева, только что принявшие от Гохосс-Са тяжелую золотую братину с вином, традиционно завершавшую пиршество, непроизвольно дрогнули. Хорошо, что сосуд уже не был таким полным, как сначала, а то непременно пролил бы рубиновую влагу, что считалось у степняков дурным знаком.

Но как такое могло быть? Ведь он сам же и наливал напиток в братину из бурдюка и сделал первый глоток перед тем, как пустить ее по кругу. Тогда все было в порядке, а сейчас, выходит, кто-то успел подсыпать отраву, пока сосуд передавался из рук в руки. Кто? И зачем?

Ну, второе-то, положим, понятно. Кому-то не хочется, чтобы союзный договор между племенами и чужинцами был подписан. А вот кто? И главное — когда? Сколько человек до Александра уже успело отведать отравленного вина.

— Ты уверена? — так же негромко молвил майор.

Чародейка пожала плечами. Уж ей ли, главной специалистке по отравам в своем колене, не знать. Ядовитые вещества имеют ни с чем не сравнимую ауру, которую профессионал не может не заметить.

— Это Зуб Шеонакаллу, — убежденно заявила девушка. — Гадость редкая! Использовался высшей аристократией Сарнагарасахала для сведения счетов друг с другом. Действует медленно, но верно. Интересно, кто это решил раскошелиться?

— А что, так дорого? — любопытствовал Макеев.

— Безумно! За одну порцию нужно отдать сто лучших скакунов.

— Ого! — чуть не присвистнул Александр.

Цена для прижимистых степняков и впрямь несусветная — тут даже выкуп за невест обычно в овцах назначали.

Все это время он продолжал держать сосуд в высоко поднятых руках, демонстрируя братину — символ единения — всем присутствующим и отвечая церемонные поклоны особо почетным гостям.

— Что же делать? — растерянно прошептал землянин. Само собой, пить это дерьмо ему не хотелось. — Может, сделать вид, что споткнулся, да и вылить все это на фиг?

— Нельзя, подумают — плохое знамение.

Майор и сам понимал, что не годится.

— Пей, сардар! — осклабился Гохосс-Са. — Время позднее. А завтра рано вставать, начатое дело заканчивать.

Делегаты-степняки утвердительно загомонили. Дескать, и впрямь пора на боковую.

«Вот же гнида, — подумал о хане Макеев. — Не иначе, как сам и подсыпал. Он ведь из гостей пил последним».

— Слушай, — уже чуть не в голос взмолился Александр, плюя на маскировку, — от этой мерзости какое-нибудь противоядие есть?

— Естественно, — пожала плечами магичка. — Только надо принять его практически сразу после отравления.

— Как быстро?

— Минут через пять-шесть. Максимум — десять. Иначе...

— Мать моя женщина! Где ж мы его так быстро найдем?! За десять минут добежать до грайниток, расспросить, выпить. Если у них оно, конечно, найдется...

— Зачем так далеко? — удивилась девушка. — Все свое ношу с собой.

Достала из поясного кармашка кусочек то ли дерева, то ли кости и продемонстрировала майору.

— Так чего ж ты?.. — Александр недоговорил, но его взгляд был очень и очень красноречивым. — За вечную дружбу между народами Великой Степи и... великим советским народом! — торжественно провозгласил майор и припал устами к братине.

Странно. Как на его вкус, так вино как вино. Ничего подозрительного. Впрочем, дегустатор из него хреновый. Всегда по-армейски предпочитал рюмку-другую обычной водки всяким там изысканным напиткам. Даже шампанское не уважал. Разве что полбокальчика на Новый год.

Вытер тыльной стороной ладони рот и поставил сосуд на стол.

Гохосс-Са одобрительно захохотал. Его смех, клопочущий, похожий на кудахтанье наседки, по понятной причине показался Александру дьявольской симфонией.

Повернувшись к Алтен, майор протянул руку за вожаком противоядием и наткнулся на лукавый взгляд черных очей магички.

Что такое?!

Лоб Макеева моментально покрылся испариной.

И тут он увидел, что искомое им, точно папироска, торчит изо рта чародейки.

Вот же ж... В такую минуту поиграть вздумала?!

Впрочем, он тоже был не прочь. Кто осудит воина, алчущего сорвать поцелуй с уст прекрасной девушки?

Жадно приник ртом к ее губам.

Зрители разразились восторженными криками, скабрезными комментариями и звучными хлопками. Если б они только могли оценить, насколько важным для Макеева было это лобзание.

На секунду оторвался, чтобы проглотить антидот, а потом в порыве радости от сознания того, что угроза миновала, еще крепче стиснул в объятиях хрупкую девичью фигурку, так, что Алтен даже ойкнула, и снова впился в ее уста.

«А не придумала ли она эту историю нарочно, — промелькнуло у Александра в мыслях, — для того, чтобы всем продемонстрировать, насколько она близка к нему?..»

— Да, здесь был яд, — подтвердил Аор Мак Арс, отведя взгляд от колбы, в которую был помещен остаток вина, находившегося в братине.

Алтен предусмотрительно велела одной из прислуживавших за столом степнячек унести сосуд на кухню, откуда потом и забрала его, чтобы более подробно исследовать в своей лаборатории.

Узнав о чудом предотвращенном покушении, за нею последовали Аор, Артем Серегин и Лыков. Само собой, не пожелала отставать от них и сама жертва. Хоть друзья и упрашивали Макеева отправиться домой и хорошенько отдохнуть.

Тщетно.

Единственное, на что согласился майор, так это прилечь на топчанчике прямо в лаборатории и отдаться в руки магов.

«Красный мирза», нахохлившись, наблюдал за тем, как трое чародеев манипулируют с полураздетым разведчиком, ощупывая и пощипывая его, размахивая над ним руками в причудливых пассах. Его рука машинально тянулась то к сабле, то к «Макарову», а по лицу блуждала тень раздражения и ненависти.

— Суки! — сплюнул он. — Такое дело чуть не угробили!

— Ты не ошиблась, сестра по Силе, — продолжил Аор, подержав колбу с вином над горячей спиртовкой. — Это именно Зуб Шеонакаллу. Но где ты умудрилась раздобыть Лунное сияние?

— Я применила Свет небес, — ответила девушка.

У мага челюсть отвисла чуть ли не до пола. Он недоверчиво уставился на коллегу:

— Хочешь сказать, что у тебя было это средство?

— Имелось, — удостоверила Алтен.

— И ты так просто рассталась с таким сокровищем?! — не поверил Мак Арс.

— Да, — пожала плечами магичка. — А что было делать?

Аор перевел взгляд на недоуменно созерцавшего их перепалку Макеева, оценивающе осмотрел его, словно видел в первый раз, и вновь обернулся к чародейке:

— Высокое небо, девочка! Ты таки потеряла голову...

— Что за Свет небес-то? — вмешался Лыков.

— Универсальное противоядие, — пояснил Серегин, уже изрядно поднаторевший в магических премудростях. — Очень редкое и жутко дорогое.

— Насколько? — поинтересовался Александр, памятуя о цене отравы.

— Ну, не знаю, с чем сопоставить, — помедлил Артем. — Какой эквивалент взять.

— Давай в местной валюте, в лошадях, — предложил майор.

Серегин прищурился, что-то прикидывая:

— Пожалуй, табуна в сто голов хватит.

— Екарный бабай! — не удержался танкхен, хорошо знающий степные расценки.

И восхищенно посмотрел на Алтен. Надо же, какая щедрая.

Макеев же встал с топчана, проковылял к девушке и, не стесняясь посторонних, нежно обнял ее. Чародейка доверчиво прильнула к его широкой груди.

— Вот еще нежности! — фыркнул Аор. — Не до того сейчас, молодые люди. Лучше давайте подумаем, кто мог совершить подобное злодеяние.

— Да кто ж, кроме этой поганой собаки Гохосс-Са? — хмыкнул замполит. — Ему наша затея с самого начала не нравилась.

— Я тоже так думаю, — кивнул Мак Арс. — Зуб Шеонакаллу — сильное средство. Если бы его насыпали в сосуд раньше, а потом передали вперед, то пока братина дошла бы до нашего

друга, первоначальные симптомы отравления у пивших из нее уже можно было бы заметить людям сведущим.

— Разве это не яд замедленного действия? — вспомнил слова Алтен Макеев.

— Да, — согласился маг. — Однако ж на отравленном тотчас же проступает знак укуса Темного Владыки. Специалисту по считыванию человеческих аур ничего не стоит заметить его.

Серегин и девушка подтвердили слова старшего.

— Я, конечно, не приглядывался к другим гостям, — задумчиво потерев кончик носа Аор, — но полагаю, что ни у кого мы этого знака не обнаружим. Впрочем, подождем до завтра. Тогда будем знать наверняка.

— Ой, что тут гадать! — стукнул кулаком по столу Семен так, что жалобно зазвенели банки и склянки. — И без медосмотра ясно, у кого рыльце в пушку. Прирезать суку потихоньку, чтоб белый свет не поганил.

— Нет! — отрезал Александр. — Не время и не место. Негоже великое дело начинать с пролития крови. Даже такой черной!

— Прямо ты у нас ангел! — саркастически изрек замполит. — Образец всепрощения.

— Нам нужен его голос, — твердо молвил Макеев. — За ним стоит не одна тысяча людей. Я думаю, что он завтра будет сидеть тише воды и ниже травы и проголосует за все, что мы ни предложим. В полной уверенности, что после моей смерти все равно все развалится. Кстати, а когда должен был бы наступить мой каюк?

— Месяца через полтора, — подала голос Алтен.

— Ну вот. Значит, полтора месяца затишья с той стороны нам обеспечены. А за это время все может произойти.

— Это уж точно, — ухмыльнулся Лыков, погладив своего «Макарова».

А черные глаза магички полыхнули зловещим пламенем.

Макеев как в воду глядел.

На следующий день хан-отравитель (Аор с Алтен проверили ауры всех степных аристократов и не нашли там признаков яда, окончательно уверившись в своих предположениях насчет личности покушавшегося) сидел тише воды, ниже травы, и как пионер с готовностью проголосовал за принятие договора.

Договора о мире, дружбе и вечном союзе. Именно так — между степными ханствами и Октябрьском был объявлен вечный мир и вечный союз, «пока светит солнце и плодоносит земля».

Одновременно все десять ханств объявляли о мире между собой, о том, что не будут ходить друг на друга войной и захватывать пленников, разве что кто-то похитит девушку, чтобы на ней жениться, ну и угонять верблюдов и коней (о баранах речи, понятно, не было, нужно быть реалистами). Если возникнет спор из-за пастбищ или водопоев, то прежде, чем решать его силой, обратятся к суду старейшин.

Также все должны были поклясться стоять друг за друга и выступать все, как один, если на кого-то из них нападут.

Кроме того, предполагалось еще кое-что — объявить, что поскольку никто не рождается рабом, то все дети рабынь получают свободу. Именно такой закон был принят еще при деде Ильгиз у народа Волка.

Большого сделать бы не удалось никому. Зарываться тоже не надо. Ибо нравы тут простые. Если хан пойдет против течения жизни, легко может стать одиозным хоть из двадцати, хоть даже и из ста, если такие бывали. Ибо если вождь недоволен ханом, он может в согласии с советом старейшин и мнением батыров и глав родов перейти под руку другого хана. Для этого всего и надо, что послать старому хану разорванный кушак или уздечку, а новому преподнести в дар лучший клинок из имеющихся в племени или клане, лучшего скакуна из своих табунов, лучшую овцу из отар и лучшую девушку. В знак того, что его воины готовы биться под бунчуком хана, его девушки — рожать для хана воинов, его овцы могут попасть на его пир, а кони — под седло. Вот такой символизм вполне в духе древних скифов. Таков был стандартный набор. К нему могли прилагаться и сюрпризы вроде ожерелья для любимой жены хана или искусного шамана, который

будет помогать его чародеям. Если хан принимал эти дары, сделка считалась заключенной, и властитель даже отдаривался. Обычно какой-нибудь красавицей, потому что девушки в степи были бесплатные, в отличие от коней и клинков.

Да, простые нравы. Вчера рубились без пощады, сегодня пируют-братаются, дочерей и сыновей женят, завтра — вместе набегом идут на третьих, потом ссорятся из-за добычи, и все заново. Нападут на город и разграбят. Не выйдет взять его, через месяц приедут на торг, как ни в чем не бывало. Удастся ли хоть что-то изменить?

Если и да, то не скоро.

А то есть тут... энтузиасты...

Десять дней назад, когда еще только прибывали гонцы с сообщениями о согласии ханов явиться на собираемый Совет, группа молодых офицеров представила проект переустройства жизни в Великой Степи и окрестностях.

«Что там Степи! — горячо убеждал Макеева главный энтузиаст, младший лейтенант Николаев. — Для всего Аргуэрлайла!».

Прочтя доклад, Макеев впал буквально в ступор. Спешно вызванный Лыков отреагировал примерно также. И было от чего.

Макееву предлагался не просто пост сардара города и председателя городского совета. Его предполагалось сделать... Президентом СССР. Да, именно так, ибо на собравшемся курултае нужно было провозгласить ни много ни мало создание Степной Советской Социалистической Республики со столицей Октябрьск (для степняков великодушно предлагалось сохранить параллельно другое название — Тхан-Такх). Понятное дело, что аббревиатура СССР ничего не говорила уху номада. Но для землян это звучало по-особому, как воспоминание о далекой Родине.

В территориально-административном плане Степная Республика должна была быть разделена на десять областей-аймаков, управлявшихся соответственно ханами проживавших на данных территориях племен.

Общее управление новообразованным государством возлагалось, естественно, на Верховный Совет — курултай, в который для начала должно было войти по десять представителей от каждой области и пятнадцать депутатов от столицы. При этом было оговорено, что через год или два пройдут выборы в целях ротации депутатского корпуса.

Был также предусмотрен Президиум Верховного Совета-курултая в составе пятнадцати человек — по одному от аймака и два от столицы. В замы Макееву предлагались Аор Тахрис Мак Арс, как представитель союзных магов, и бывший телохранитель Лыкова Кайтур — от степняков.

Самому замполиту, ныне танкхену, предлагался, как старшему из партийцев по должности, пост Первого секретаря ЦК КПСР.

Для партийного строительства молодой республики не было, как полагали инициаторы, важным то, что глава коммунистов не жил непосредственно в столице. Наоборот, территориальное разделение двух ветвей власти имело свои достоинства. То, что духовный лидер государства жил в самом сердце Степи, придавало его должности сакральный характер. Опять же таки нужно было заниматься пропагандой и агитацией, привлекая в ряды «руководящей и направляющей силы» новых членов из числа «беднейших скотоводов и сочувствующей аристократии».

С полчасика, наверное, Макеев и Лыков сидели над этой бумагой и смотрели на нее как любимое животное местных пастухов на главные ворота Тхан-Такх, не зная — то ли смеяться, то ли материться.

В итоге молодых людей вызвали к Лыкову, и Семен на правах политрука прочел им лекцию о текущем моменте, недопустимости «экспорта революции», на что указывал еще великий Ленин, а также о том, что сейчас перед ними стоит вопрос выживания, а вот потом можно будет и подумать о развитии социального прогресса.

А затем до ума были доведены реальные предложения, которые приняты сегодня.

Управление союзом взял на себя городской Совет-курултай, в который, помимо жителей Октябрьска, вошло также по два представителя от каждого племени — соответственно хан и

самый уважаемый из старейшин, так сказать, первый опыт в народной демократии. Потому как всеобщие выборы и равенство были бы слишком уж сильным новшеством, а тут вроде все понятно — старейшин биев и батыров тут уважали, чего же не позаседать. И прежде ханы их сажали с собой рядом. Главой союза стала, единогласно, Ильгиз — у кого больше бунчуков, тот и главный, тут и говорить нечего.

Но и тут земляне нашли хитрый способ, как улучшить свои дела, поскольку вроде как неприлично верховному правителю быть одновременно и представителем племени, он как бы над всеми. Так что места «депутатов» от народа Волка заняли Лыков и его побратим Сурдоб — самый молодой из старейшин. Тут даже Гохосс-Са не стал воздерживаться и проголосовал за.

Был также сформирован «консультативный орган» (тьфу, как смешно и нелепо звучат тут все эти земные термины). Опять же идея была Костюка и Ильгиз, но вброшена через все того же Лыкова. Дескать, уже давно пора, чтобы голос тех, кто стоит между миром земным и небесным, звучал наравне с голосом правителя. Так появился Совет Мудрейших — собрание шаманов и магов, выбиравших своего председателя. Как ни смешно, именно так должность и называлась на местном всеобщем — тот, кто «председает», то есть сидит выше всех.

Как ни странно, шаманы сами без подсказки выбрали не кого-то из своих, а решили, что им лучше подойдет Аор Тахрис Мак Арс.

Степные шаманы всегда предпочитали вести замкнутый, отстраненный образ жизни — так лучше свалить все дела на городского и явно сообразительного мага.

Были между делом официально решены и вопросы управления Октябрьском.

Городом управлял все тот же Совет, и главой его стал конечно же Макеев — Сантор Макхей, теперь носивший титул сардара — что-то вроде князя по земным меркам. Тоже пойдет на пользу — сардар, понятно, не какой-то там майор.

Закрепив решения курултая еще одной веселой пирушкой (прошедшей на этот раз под пристальным присмотром Аора с его магической братией), делегаты из числа нездешних разъехались по местам проводить постановления «партии и правительства» в жизнь, а гарнизон, так себя называли по привычке горожане, естественно, стал делать то же самое у себя дома.

А что выйдет из всех этих затей — время покажет. В конце концов, сами придумали, сами и переделают, ежели что не так пойдет.

Как в старой песне: *«Нам ли стоять на месте?*

В своих дерзаниях всегда мы правы...»

А если кто станет на их пути... ну так сам виноват!

Великая Степь. В трехстах километрах к северо-западу от Октябрьска/Тхан-Такх

Никакой особенной необходимости в сегодняшней охоте не было.

Мяса в кладовых вдоволь, гостей, которых следовало развлекать, не имелось, докучных дел, до того изматывающих нервы, что не знаешь, куда бы сбежать, тоже.

Просто захотелось подумать, побыть наедине с мыслями. А где еще так славно думается, как не в Степи?

Поэтому выбрался налегке, без особой экипировки и привычной, полагавшейся его сану свиты. Кликнул с собой трех верных нукеров, велел ехать так, чтобы он их не замечал.

Немного подпортил настроение шаман, старая кляча, сунувшийся к нему с какими-то предзнаменованиями. Отговаривал сегодня ездить куда бы то ни было. Привиделась ему, дескать, гиена, сожравшая Священную Луну.

— Не ездил бы, повелитель. Дурной знак. Прогневал ты кого-то из сильных.

Хан только отмахнулся от назойливой мухи. Вздумал советы давать. Никакого проку от него в последнее время. Одряхлел, ясность ума и сноровку утратил. Пора, пора менять его на нового, молодого и цепкого, да чтоб владыке не перечил, а верным и усердным слугой был.

Раздражение на вещуна прошло, едва кочевье скрылось с глаз и бескрайняя Степь приняла своего сына в материнские объятия.

Вот так всегда. То ли ветер выдувает из головы дурные мысли, то ли запахи от буйного разнотравья умиротворяюще действуют на душу, кто знает?

Сначала несся, сломя голову. Но отъехав от стойбища на приличное расстояние, пустил скакуна шагом. Пусть отдохнет верный друг, а хан тем временем о делах подумает.

Что-то там не срослось с его попыткой отправить на тот свет мерзкого чужинца. То ли дозу яда не рассчитал, то ли отраву недоброкачественную всучил ему проходимец-жрец Неназываемого, то ли пришлец оказался заговоренным от подобных покушений. Так или иначе, но два месяца прошло, а из Тхан-Такх никаких вестей даже о болезни тамошнего сардара.

Нехорошо. Придется держать ответ перед нанимателем по всей строгости. А тот шутить не любит. Велел любыми путями устранить Сантора Макхея, пообещав взамен не трогать территорию племени Гохосс-Са, а самого хана оставить во главе его двадцати бунчуков. Серьезное обещание, требовавшее серьезного подхода к решению проблемы.

Он же просчитался, не сочтя задание весьма сложным. И ведь какая возможность была. В ближайшее время подобная вряд ли еще представится.

Можно, конечно, напроситься к нойону в гости под видом того, что решил проверить, как работает его представитель в курултае. Однако ж это то же самое, что соваться голышом в муравейник. Сожрут и не поморщатся. Чего тогда будут стоить все его договоренности с новым хозяином?

Подослать наемных убийц? Это вернее. И кое-какие шаги он уже предпринял. Но кто поручится, что и злодеи не оплошают, как опростоволосился он сам? По рассказам, сардара охраняют так, словно тот сам Сын Бездны. И такие меры предосторожности были приняты чужинцами как раз два месяца назад, после окончания курултая.

Неужели они что-то пронюхали? Но почему тогда хан благополучно уехал оттуда — ведь за попытку отравить на пиру любого по законам Степи ждала смерть? Ну ладно, они не решились бросить ему вызов открыто — но ни тебе тех же убийц, ни даже косога взгляда.

Коварные пришельцы не хотят зря ссориться с могущественным владыкой? Вполне возможно. Он и сам затаился бы на их месте. Им есть чего терять. Без союза со Степью, как это верно подметил наниматель, чужинцам здесь не выжить даже с их чудесными металлическими нетварями. Потому и спешат навязать степнякам дружбу, заставив играть по своим правилам. Оттого и нужно разрушить их план в зародыше, чтобы не укрепились они здесь, на Аргуэрлайле.

Мудр, мудр его союзник. А вдвойне мудр, что сам не пытается убрать врага, предпочитая действовать его, Гохосс-Са, руками... Потому что если дело всплывет наружу, то не оправдается хан, потому что хан, слушающийся чужого приказа, еще хуже, чем хан, травящий на пиру хозяина праздника!

Из-под копыт скакуна порскнул заяц.

Ага, можно развлечься. Все-таки на охоту выехал.

Ну-ка, держись, ушастый!

Достал из седельной сумки пару легких дротиков. Примерился. Отвел руку, чтобы нанести верный удар.

И тут, дико заржав, конь встал на дыбы.

От неожиданности хан не удержался в седле. Однако натренированное тело степняка вовремя среагировало, и Гохосс-Са не сверзился кулем наземь, а сумел спланировать на корточки и сразу же встать на ноги.

Погрозив кулаком скакуну, хотел схватить его за узду и вновь запрыгнуть на спину, но не тут-то было.

Животное с каким-то жалобным всхлипом понеслось прочь от хозяина и вскоре скрылось с глаз.

Пожал плечами. Ничего, нукеры нагонят беглеца. Но что это приключилось с гнедым? Никак испугало что-то.

Огляделся по сторонам и вдруг, парализованный ужасом, застыл на месте. Почувствовал, как от страха зашевелилась на бритой голове прядь волос — примета знатного воина-степняка.

Прямо на него двигалась нетварь.

С виду она напоминала помесь ящерицы и скорпиона. Только вот лап было поменьше, чем у первой и второго. Всего две, похожие на петушиные — о трех когтистых пальцах и с когтем-шпорой. От скорпиона был длинный членистый хвост, заканчивающийся острым жалом, с которого капала слизистая жидкость. Наверное, яд.

Но самым страшным в монстре была его пасть. Огромная, треугольная. Причем в каждом углу помещалось гигантское жвало, искривленное будто сабля. От всех трех жвал в глубь пасти уходило по два ряда черных клыков.

Налитые кровью глазки с ненавистью смотрели на хана.

— Аш-ш-ш, — издала мерзкий звук гадина и засеменила к намеченной жертве.

Кочевник понимал, что нужно убираться прочь с гиблого места, однако не мог пошевелиться. Ноги отяжелели, словно на них колодки привесили.

— Повелитель, мы здесь! — слышался из-за спины крик одного из его нукеров.

И вот уже трое всадников встали между Гохосс-Са и нетварью, наставив на зверюгу пики.

— Аш-ш-ш-ш!!! — еще громче зашипела тварь и плюнула в одну из лошадей зеленой вонючей жижей.

Едва эта дрянь попала на круп благородного животного, то словно взбесилось и, подмяв под себя всадника, упало наземь, принявшись перекатываться на спине с боку на бок, бешено дрыгая ногами. Внезапно шкура лошади запузырилась, задымилась вонючим смрадом, и через несколько мгновений от скакуна и наездника осталось два черных обуглившихся костяка.

Остальные двое нукеров одновременно ударили пиками. Одна попала монстру прямо в пасть, и была перекушена клыками, другая впилась в левую ногу.

— С-с-са-а! — возопило чудовище и взмахнуло хвостом.

Жало впилось в грудь рослому усатому нукеру и, насквозь пробив тело, вышло со спины. Словно и не было на теле прочной стальной кольчуги, усиленной бронзовыми пластинками.

Подняв труп воина в воздух, монстр закрутил хвостом так, что нукер завертелся, словно бунчук, треплемый ветром.

Освободившаяся от седока каурая кобылка попыталась скрыться, однако не преуспела в этом, поверженная еще одной порцией едкой зеленой дряни. И вскоре еще одним черным скелетом стало больше.

Не в силах сдержать ужас, третий телохранитель помчался прочь с места бойни, но был сбит метким броском нетвари, запустившей в беглеца телом его товарища.

Гигантский прыжок, и монстр опустился прямо на пирамиду из двух живых и одного мертвого тела и принялся топтать их, кромсая острыми когтями лап. Превратив жуткую куча-малу в подобие фарша, животное стало жадно поглощать мясо, обильно поливая его слизью желтого цвета.

Расправившись с обедом, монстр повернул морду к все еще продолжавшему стоять каменным изваянием хану.

— У-ш-ш-с, — словно с издевкой шепнуло чудище.

Гохосс-Са мог поклясться Вечным Небом, что в алых очах мелькнуло что-то похожее на торжество.

Медленной вразвалочку походкой нетварь стала приближаться к степняку.

Перед тем как смертоносное жало пронзило его печень, хан еще успел подумать, что прав таки был шаман и зря он его не послушался.

Эуденоскаррианд. Танира — третья столица империи

Протянув невысокому торговцу лет тридцати с чем-то бляху низкопробного серебра на бронзовой цепочке — знак, обязательный для всех иноземцев, и получив «мзду на счастье» в размере, вдвое превышающем обычный, стражник доброжелательно улыбнулся.

— Счастливо вам провести время в высокобашенной Танире, почтенный господин! Удачи вам в торговых делах и да будут наши боги к вам благосклонны!

И Синти Роча, купец средней руки, торгующий медью, войлоком, каракулем и прочим товаром, что производят в землях на границах с Бесконечной Степью, ведя под уздцы своего

некрупного конька, вступил на мощенные блестящими известковыми плитами улицы Таниры — северной столицы империи Эуденоскаррианд.

Позади было полтора месяца медленного покачивания то в конском седле, то между горбами верблюда, то в повозке, запряженной быками.

Путь его лежал мимо красных стен имперских крепостей на перевале Фансо, по соляной пустыне Рак'Хас. Через черный каменистый простор плоскогорья Хонго-Че, где злобные ветры сдувают целые караваны в пропасти, и через щебнистые расселины предгорий Шаргон-Тага, где в штольнях, вырытых древними искателями серебра и самоцветов, прячутся подстерегающие караваны разбойники и хищные гулары.

Чудесные зеленые живые изумруды — оазисы Камми, с их сочными дынями и персиками, и подлинным сокровищем — чистой водой из звенящих ручьев. И снова в путь, через новую пустыню, где, если верблюды вдруг начинают сбиваться в кучу и ложиться на песок, нужно не зевать, а быстро замотать лицо в край плаща или уткнуться в душно воняющий верблюжий бок — иначе яростный ветер, несущий мириады песчинок, наждаком сотрет твои глаза и забьет ноздри и легкие, принесет смерть от удушья.

Еще страшнее участь того, кого незримые демоны и миражи пустыни уведут с караванной тропы, заставив блуждать среди песчаных гор и глинистых растрескавшихся оврагов. Иссохшее его тело найдет лишь такой же, как он, обреченный — только для того, чтобы лечь рядом и умереть.

Но прошедшего пустыню ждет достойная награда. Нефритовый Полумесяц — созвездие торговых городов с белокаменным Тормасом во главе, с их рынками рабов, лошадей, тончайших тканей и драгоценных камней, амулетов и чудодейственных снадобий, созданных здешними магами. Где в харчевнях гостям прислуживают полуголые девицы в золотых подвесках, а жрецы двенадцати богов правят службы в древнейших храмах.

И где живут люди, изъясняющиеся на древнем языке, на котором больше никто не разговаривает за пределами Полумесяца.

Может быть, они потомки тех, кто построил в незапамятные времена те исполинские башни и города, руины которых возвышаются на заросших низким колючим кустарником холмах вблизи города?

И опять дорога под дребезжащий лязг грубых медных бубенцов на шеях верблюдов, через перевалы, мимо огромного озера, среди синих елей и снежных гор, и вот, наконец, имперские земли, с изобильными фруктовыми садами и щедрыми полями.

Еще один чужеземец вступил в этот город золота, изобилия, богатейших менял и ростовщиков, множества улиц, где дома богатых купцов превосходят дворцы князей и королей не самых бедных стран, где обитает миллион с лишним человек.

Город, откуда страной управляли уже почти двадцать столетий, был наполнен веселыми и довольными жизнью людьми.

Площадь у ворот на востоке столицы гудела от веселого народа, по внешним признакам не имеющего никаких особых занятий, но не испытывающего от этого ни малейших затруднений.

Судя по его лицу, на котором нет-нет да и проглядывало изумление, варвар явно был в этом великом городе, да и вообще в империи Эуденоскаррианд, впервые в жизни.

Он время от времени останавливался, глядя то на пару хохочущих толстушек, ехавших куда-то в тележке, запряженной двумя крошечными длинноухими осликами белого цвета. То на важно выступающих верблюдов, на горбах которых на плетенных из ивы платформах восседали флейтисты, цимбалисты, барабанщики — целые маленькие оркестры, веселящие публику и собиравшие с прохожих медяки, сыпавшиеся в специально подвешенное на шею животного кожаное ведерко.

Танирцы не раз даже посмеивались, созерцая удивленную, заросшую бородой физиономию купца — мол, вот же принесло забавную деревенщину.

Но, видимо, хотя иноземец тут ни разу и не бывал, но куда идти — знал.

Он безошибочно вышел к кварталу харчевен и гостиниц.

Он успокаивающе погладил своего конька и, вскочив в седло, начал неторопливо продвигаться по относительно тихой, обсаженной тополями улочке среди толпы женщин, одетых как редкостные бабочки, и важных мужчин, каждый из которых выглядел будто родич самого императора. При этом внимательный взгляд мог бы заметить, что человек этот при всей внешней безмятежности нет-нет да и заглянет украдкой в лица прохожих, словно кого-то высматривая.

Остановившись возле ворот одной из гостиниц, Синти Роча бросил поводья подскочившему слуге и вошел за ворота.

Начиналось время обеда, и под натянутым во дворике среди деревьев тентом за столиками расположились на лежанках, застеленных толстыми коврами, постояльцы — жители различных провинций империи, иноземцы из-за уже не такого далекого Лилового моря, северные кочевники в светло-зеленых одеждах, мелкие чиновники и просто странники.

Пряные запахи заставили гостя сглотнуть слюну, но он не остановился, а вошел в полутемный зал.

Сбоку от сидевшего за конторкой приказчика стояли водяные часы.

Несколько стеклянных сосудов, по которым, из одного в другой, вечно бежит вода; а когда один из сосудов наполняется, хитрый механизм издает тонкий громкий мелодичный звон — деревянные кулачки соприкасаются со стеклянными дисками. Этот безумно дорогой в варварских землях предмет, который имели лишь очень богатые торговцы и властители, тут украшал заурядную гостиницу.

— Что угодно почтеннейшему? — с привычным профессиональным подобострастием осведомился слугитель.

— Лучшие покои, какие есть, желательно — с собственной уборной и купальней, — сообщил гость.

— Но они стоят не меньше двух серебряных тигров, почтеннейший, — было произнесено в ответ.

— Беру. — На вытертую доску благородного кедра упал кошель.

— В день... — несколько ошарашенно произнес приказчик.

— Я же сказал — беру...

— О-о-о, досточтимый, конечно же, конечно... — подскочил угодливо кланяющийся приказчик. — Да, да, низжайшие и недостойные к вашим услугам.

— Эй! — рявкнул он в глубину коридора. — Варпинг, Сайтон, живо, живо, бездельники, проводите драгоценного гостя в его покои!

— Да, почтеннейший, прислать ли вам для омовения девушку... Или, может... мальчика? — справился лакей у дорогого гостя уже у дверей выбранного номера, оснащенных еще одним чудом имперской цивилизации — встроенным замком, ключ от которого болтался на яшмовом брелке.

— Нет, я желаю отдохнуть, — высокомерно бросил купец.

— А... — замешкался лакей, — но тогда... если вы будете один... Понимаете, низжайше прошу прощения, но у нас в уборных несколько отличное от... э-э-э... принятого в ваших краях устройство...

— Это что, вода сама течет из трубы, а испражняться нужно в особый сосуд, где струей уносит все добро? — ухмыльнулся варвар. — Я умею этим пользоваться...

Выбравшись из ванной и обтершись суровым полотном, почтенный торговец всякой всячиной с окраин Бесконечной Степи Синти Роча, он же начальник разведслужбы княжества Тхан-Такх Алексей Игоревич Костюк блаженно растянулся на широком ложе, застланном ворохом покрывал.

Вот и еще один путь подошел к концу...

Октябрьск/Тхан-Такх. Городские стены

По мнению Артема Серегина, уже давно надо было проделать это. Ведь в последний раз (да и, наверное, в первый и единственный) подобная процедура проводилась пару лет назад, еще в начале операции «Порог».

Как раз тогда произошло сближение одного из ковенов Конгрегации, Холми, с землянами, и кормчий Эйгахал Коцу в качестве дружественной помощи новым союзникам предложил проверить древние стены города Тхан-Такх на предмет наличия магической защиты и в случае чего восстановить или поставить ее заново.

Сорок лучших магов было отправлено тогда на эту операцию. Аор, Алтен и едва только оперившийся, еще не вошедший в свою настоящую Силу Серегин наблюдали за работой холмийцев. Понятное дело, что Артем фактически состоял на посылках у старших товарищей. Однако ж, словно прилежный ученик-стажер, он жадно впитывал новые и новые знания о природе и возможностях магии.

Многого тогда еще не понимал, удивляясь, чего это убеленные сединами мужи и величественные дамы играют в непонятные игры. Например, берут камень, закладывают его в пращу и мечут снаряд в сторону крепостной стены, наблюдая за тем, как и куда он летит, что с ним происходит и т. п. Даже сам вызывался поработать камнеметом (заодно и стрелком из лука, метальщиком копий и дротиков, таранобойцем) в надежде, что постигнет суть происходящего.

Кое-где брезжило озарением, но больше помогали комментарии Мак Арса и Алтен. Главным уроком стало осознание того, что магическая защита не универсальна и помогает только против магии же. Вот один камень спокойно перелетает через стену и может зашибить ее защитника, а другой, не долетая до преграды, рассыпается яркими искрами. Это потому, поясняли наставники, что первый — обычный булыжник, выпущенный из обычного камнемета или пращи. Второй же заряжен магией, если вообще не является ее полным порождением. Именно против таких и нужна защита, потому как, несомненно, они намного опаснее ординарного валуна, который может достичь или не достичь цели. Магический же заряд *всегда* находит мишень.

За прошедшее время защита могла ослабеть, особенно после того, как неведомо куда подевались союзники-холмийцы, подпитывавшие ее своей Силой. Нужно было найти «прохудившиеся» места и наложить заклинания вновь.

Это сделалось особенно актуальным в последние несколько месяцев, когда участились набег из Степи всевозможных нетварей, выпущенных то ли слугами свергнутого землянами Шеонакаллу, то ли насылаемые союзниками новоявленного Потрясателя вселенной хана Ундораргира. Естественно, их отбивали, хотя госпиталь уже наполнился ранеными, а на городском кладбище даже появились свежие могилы. Не в силах пополнять отряд дозорных профессионалами, глава разведчиков капитан Анохин в категорической форме потребовал у исполкома городского Совета принять неотложные меры, иначе он сложит с себя полномочия по охране городских стен.

Макеев согласился, что положение дел серьезное, и поручил своему первому заму Аору заняться безопасностью столицы и ее граждан. Мак Арс без особого восторга принял свою первую миссию на новом посту, ибо дело было, мягко говоря, хлопотным.

Надлежало чуть ли не сантиметр за сантиметром прощупать городские стены, общая протяженность которых составляла более десяти километров. Для участия в операции надо было привлечь едва ли не весь контингент магов, находящийся у него под рукой. При этом многие участки, за которые отвечали кудесники, останутся без присмотра.

— А как же холмийцы справились силами сорока человек? — осведомился градоначальник.

— Они были настоящими мастерами, — пожал плечами Аор. — У меня таких раз-два и обчелся. Большинство недавно инициированные ученики. Пусть бы занимались своими делами, заботясь о ремеслах и урожае, а?

Однако градоначальник (или как его стали называть кочевники, сардар — владетельный князь) не счел такую аргументацию убедительной. Лучше сейчас недополучить пару центнеров корнеплодов, тонну-другую зерна или десяток арбалетов, чем рисковать безопасностью тысяч людей. Атаки нетварей — это, может быть, пробный шар, запускаемый кем-то в предстоящей большой игре.

Только после того, как прошло несколько дней с начала процедуры осмотра стен, Артем понял, насколько Мак Арс был прав.

Хлопотно — это не то слово.

Работа просто изматывала, не оставляя никаких сил на что-либо иное. Дарика сначала обижалась на мужа, но потом извечным женским чутьем поняла, что нынешнее служение отнюдь не забава, и как могла, старалась помочь, применяя свое мастерство целительницы.

Для начала нужно было изготовить неимоверное количество заряженного магией осадного снаряжения: камней, крючьев, копий, стрел.

Потом выбирался определенный кусок стены метров в сто, и на нем расставлялись мишени для пристрелки. В качестве стрелков выбирались наиболее опытные воины. С одной стороны, чтоб не попасть в стоящего на стене мага, проводящего осмотр, а с другой, чтобы не тратить экспериментальное вооружение зря, ведь на создание каждого экземпляра шло немалое количество Силы.

Самым тяжелым, конечно, был процесс наблюдения. Следовало на глаз определить, где находился пробой магической защиты, отметить его, а затем провести повторное наложение заклинаний. Причем в каждом новом случае могло понадобиться свежее, непохожее на предыдущее заклинание.

— От чего зависит природа пробоя? — полюбопытствовал Серегин у Алтен.

Спрашивать о чем-либо у мрачного Аора молодой человек не решался. Уж больно занят и измучен был зам градоначальника.

— Есть несколько факторов, — объяснила девушка. — Самый существенный — это характер заклинания, наложенного на оружие. Еще, конечно, важно противодействующее ему заклинание. Бывает, что Сила могущественнее той, которая ей сопротивляется. Да вот сам смотри...

Артем смотрел и видел.

Вот стрелок-степняк мечет камень.

Сначала со снарядам вроде бы ничего не происходит. Некоторое время он летит, как самый обыкновенный булыжник. Однако по мере приближения к стене что-то неуловимо меняется в его очертаниях. Вокруг камня появляется синеватый ореол, попыхивающий разноцветными искорками, напоминающими блески бенгальских огней. И вот до стены остается с полметра. Едва заметное колебание воздуха, и навстречу снаряду вырывается язычок оранжевого пламени. Мгновение, и от камня остается лишь щепоть черной пыли, медленно оседающей на землю. Все в порядке, можно переходить к следующему участку.

На сей раз пущена стрела.

Сначала все происходит как и с камнем: свечение, искры... Но при сближении со стеной ответного удара не случается. Стрела продолжает неумолимо приближаться к мишени, а когда пролетает над зубцами стены, над древними кирпичами образуется нечто, напоминающее микроскопический смерч. Он пытается поглотить стрелу. Тщетно. Та с угрожающим воем впирается в пятидюймовой толщины щит и буквально прожигает его насквозь, едва не задев при этом стоящего тут же Аора, чудом успевшего отскочить в сторону.

— Уд Шеонакаллу! — слетает с уст мага. — Какой кретин накладывал заклятие?

Узреть все это обычным зрением было невозможно. Лишь обученный искусству считывать ауры живых и неживых тел способен заметить такое.

— Теперь следующий этап, — продолжала урок Алтеи. — Следует выбрать подходящие чары для зашивки пробоя.

— А как ты определишь, против чего надо накладывать заклинания? Вдруг в следующий раз это будет не стрела, а, допустим, артиллерийский снаряд?

— Артиллерия на службе у магов? — удивилась чародейка. — Откуда ж ей у них взяться? Мы же не собираемся торговать своей?

— Ну, допустим, — упрямо настаивал Артем.

— Всяко может быть, — буркнул Мак Арс. — Не исключено предательство. Потому и чары следует накладывать универсальные, широкого спектра действия.

— Ты полагаешь, брат по Силе? — взлетели черные девичьи брови.

— Лучше перебдеть, чем недобдеть, — ответил маг подхваченной у чужинцев поговоркой.

Составление универсального заклинания дело нелегкое. Это Артем знал из теории, а нынче убедился и на практике.

Уж насколько доками были в военной магии Аор и Алтеи, и то больше двух недель не вылезали из лабораторной библиотеки, шурша древними свитками и фолиантами. В новые пособия по магии не заглядывали.

На вопрос Серегина, отчего так, Мак Арс ответил, что на стены Тхан-Такха изначально были наложены очень мощные чары, своими корнями уходящие как бы не в магию альфаров и прочих древних рас, некогда здесь обитавших. Холмийцы, восстанавливая защиту городских стен Октябрьска, вмешались в то, что было сделано до них, зачастую не понимая природы того, с чем имели дело. Теперь нужно исправлять их оплошности и огрехи.

Артем заметил, что Алтен не гнушалась и новых пособий. Правда, когда молодой человек заглянул ей через плечо в книгу, то обнаружил, что это пособие не совсем по фортификации, а манускрипт, посвященный вредительской магии, в частности, вызыванию и наведению нетварей.

— А зачем...

— У меня остались неоплаченными долги, — твердо сказала девушка и приложила палец к губам, скосив глаза на погруженного в расчеты Аора.

Лейтенант не стал уточнять, что она имела в виду.

Этап повторного наложения заклятий прошел уже намного быстрее, чем два подготовительных.

Над каждым проблемным участком сосредотачивались два-три мага из наиболее опытных и, приложив руки к городской стене, произносили магические формулы, изливая на кирпич часть своей Силы.

Хотя и это, безусловно, был весьма энергоемкий труд. Маги после каждого сеанса походили на выжатые лимоны. Приходилось обращаться за дополнительной помощью к грайниткам, поскольку Дарика и ее подручные просто не справлялись с таким объемом работы.

Благо чародейки-целительницы в поддержке не отказывали, поскольку речь шла исключительно об обороне, направленной не на уничтожение, а на защиту людей.

К концу второго месяца Аор Тахрис Мак Арс отпраповал перед городским Советом об успешном окончании операции.

Довольный Макеев потер руки и сказал: — Надо бы вас всех представить к орденам и медалям, однако наша молодая республика еще не обзавелась таковыми. Поэтому отложим это до лучших времен, а пока выражаю вам благодарность от себя лично и от имени всего личного состава вверенного мне гарнизона.

— Служу Советскому Союзу! — вытянувшись, откозырял Серегин.

Маги же попросту поклонились.

Октябрьск/Тхан-Такх. Артмастерские

Еще было далеко до заморозков и холодных ночей месяца Инея, когда на увядшие пожелтевшие травы падает изморозь, но промозглый ветер с гор уже чувствовал себя полным хозяином на улицах Октябрьска, заставляя горожан торопливо конопатить щели тряпьем и соломой и чаще подбрасывать в очаги дрова или черные булыжники огненного камня — еще один дар пришельцев этому миру.

Макеев невесело усмехнулся.

Помнится, в местных легендах много говорилось о том, что на Тхан-Такх издревле лежало проклятие, а в уже давние времена ОГВ историки, пришедшие в армейском обозе, все спорили о причинах гибели здешней культуры и запустения вроде вполне целого города.

А загадки-то никакой и не существовало — достаточно было прожить тут несколько лет. Просто-напросто город этот стоял на неудобном месте, зимой продуваемом ледяным южным ветром из предгорий, а летом — иссушаемом жарким дуновением Великой Степи, бравшим разгон над тысячекилометровой прокаленной солнцем равниной.

В месте, где земля была не столь плодородной, а воды еле-еле хватало.

Наверное, даже не захлопнись дромос, столица местной Аргуэрлайлской ССР переехала бы в Сарнагар или Шори-Сай.

А Октябрьск так и остался бы всего лишь стражем врат из мира в мир.

Так же, как когда-то он был построен, чтобы быть стражем караванного пути, идущего вдоль великого хребта, для его охраны и сбора пошлины. А может быть, как место расквартирования гарнизона сгинувшего уже государства — одного из тех, что возникали у подножия Небесной Стены, да пропадали, смытые кочевыми нашествиями и междоусобицами.

А потом то ли рухнула метрополия, то ли сместились караванные тропы, и люди ушли отсюда. Возможно, они еще возвращались сюда не раз и не два: когда еще при ОГВ рылись котлованы и расчищались колодцы, то находили изъеденные патиной бронзовые статуэтки то ли богов, то ли чертей, и древние черепки с незнакомым никому из аборигенов орнаментом.

Но затем уходили все равно...

А вот *им* уходить некуда.

Макеев сегодня, как и было принято у него, обходил свои «владения».

На очереди у него были нынче механики, торговцы и проверка службы ближних дозоров. Кроме того, следовало лечь пораньше и хорошо отдохнуть — завтра предстояло совещание с десятком старейшин ближних кочевых родов насчет организации очередной осенней охоты на сайгаков и диких джейранов, а значит, будет выпито немало араки и запито не меньшим количеством вина.

Проходя мимо кладбища, Александр остановился. На краю погоста он заметил сгорбленную женскую фигурку, возле которой сиротливо жались двое малышей в одинаковых войлочных плащиках с капюшончиками. Даже не приближаясь, знал, что Ирава Чао и ее маленькие дочки-близняшки стоят у могилы отца и мужа.

Там, под белым могильным камнем, лежал Миша Шкуратов, бывший рядовой из его роты, застенчивый веснушчатый парнишка из Хабаровска. Он погиб два месяца назад, разбившись на самодельном планере. На гражданке Михаил успел немного позаниматься дельтапланеризмом и вот решил, что сумеет повторить опыт здесь.

Макеев не сразу разрешил ему эксперименты, но воздушная разведка или, допустим, курьерская почта были бы очень нелишними — опять же и авторитета у аборигенов прибавится: здесь даже маги летать не умели.

И Михаил действительно построил дельтаплан, используя старый тормозной парашют и алюминиевые трубки, а затем и планер из промасленного шелка и реек, стянутых стальной проволокой. На нем он и разбился, когда уже на посадке налетевший с гор дождевой шквал швырнул его этажерку наземь с тридцатиметровой высоты.

Майор так и не решился подойти к вдове. И некстати вспомнил, что, конечно, пожалел тогда о гибели одного из своих, но к скорби прибавилась и досада, ибо теперь продолжить работу над полетами было некому.

Он ускорил шаги и через пять минут кривыми улочками вышел к воротам Артмастерских.

У входа невольно остановился, заметив, что на карауле стоял не боец силы самообороны, а кто-то из амазонок Дарики, причем не с луком и даже не с ППШ, а с АКМ через плечо.

— Хайс, шархир! («Здрав будь, князь!») — поприветствовала она Макеева, приложив кулак к груди.

— Тарк на, йосди! («И ты тоже, волчица!») — ответил майор, краем глаза отметив пренебрежительное раздражение на лице тенью следовавшего за ним Гриши Сурова.

Это он зря. Не для того Александр в свое время решительно (гауптвахтой и штрафными работами по очистке сортиров) пресек появившуюся было тенденцию — называть в разговорах между собой местных жителей «рюками» и «чуреками».

А навстречу уже спешил, кланяясь на ходу, Эгорио Самтар, ставший в последнее время почти официальным заместителем Бровченко.

— Эй, бездельники!! — проревел кузнец. — Как владыку встречаете?!

Самтар что-то хрипло выкрикнул в полутьму, и оттуда выскочил подмастерье, неся на медном чеканном подносе большую фаянсовую кружку, исходившую ядреным кофейным духом. Само собой, кофе был не настоящим — смесь из толченых желудей и жареного ячменя с цикорием.

Кивнув, Макеев отхлебнул пару добрых обжигающих глотков — пройдоха кузнец знал, чем угодить, ведая о любви сардара к этому напитку.

— Ну, спасибо, а теперь показывай свое хозяйство.

— А что будешь смотреть, светлейший? Большая мастерская закрыта — сейчас ваши отдыхают, в кузнице пятеро работают...

— Все показывай, я у вас уже месяц не был.

И они двинулись в глубину Артмастерских, в лязг и грохот, мимо ворот кузницы, где здоровенные молотобойцы в кожаных фартуках лупили по извлеченной из печи заготовке меча.

Тут же на пороге лежала охапка клинков, приготовленных для последнего каравана. Немало, если вспомнить, что за каждый платят цену двух верблюдов.

— Железа-то хватает? — осведомился Макеев у Эгорио.

— Почему не хватает, хватает, милостивый, — ответил тот. — Будет нужда — еще руды накопаем, жила большая. А кончится — новую найдем. Да и запасы у нас вот какие!

Указал на низкий приземистый каменный амбар, куда старательно стаскивали весь «земной» металл — от стреляных гильз до брони и пришедших в негодность запчастей.

— Вот завтра новую партию привезут. Правда, Гурди-Ко говорил, что деревья вокруг шахты на уголь скоро все пережгут...

Макеев мысленно сделал отметку в памяти — нужно будет потрясти академиков.

Ибо как выяснилось, никто в бывшем отдельном дивизионе не знал, как превращать каменный уголь в кокс, включая и Колю Гурденко, потомственного донецкого сталевара. Знали лишь, что надо его как-то по-особому подогреть в герметично закрытом сосуде, но опыты закончились лишь получением некой рассыпающейся черной пакости и большого количества вонючего (и горючего) газа — однажды лаборатория чудом не взлетела на воздух.

Заглянул Александр и в машинный зал, где возле пыхтящего и воняющего горелым маслом движка возился чумазый полуголый бородач — его бывший мехвод сержант Юртанов.

— Смотри, сардар, все работает, как я и обещал! — облизнул губы Эгорио. — Я еще раньше знал — чугун вещь полезная.

— Ты уверен, что механизм не рассыплется? Все же сила немалая!

— Не должен, сам тоан Брофдже-Ко расчет сделал. Говорит, будет работать еще лет сто! Но зачем нам сто лет, и девяноста хватит!

Вначале и мастерские с молотом и кузницей, и мельница с аварийной электростанцией работали от автодизеля, через снятую с одного из Т-62 передачу, кое-как восстановленную. Для тяжелой машины она уже не годилась, но кузницу и мельницу с крупорушкой кое-как обслуживала. Дизель, кстати, сняли с найденного в степи брошенного КраЗа, угодившего во время ночной поездки в балку и в нескольких местах сломавшего раму — причем никто из солдат или командиров не мог вспомнить, кто и когда умудрился эту машину потерять. Но три месяца назад передача полетела окончательно, и пришлось изобретать самим. Вначале Бровченко лишь крикнул и сказал, что выковать и нарезать шестерни должного качества не сможет даже сам. На что мастер ответил, что он и не станет их ковать, а отольет из чугуна.

И ведь отлил, не соврал. Кстати, о литье...

— А как главный заказ? — осведомился майор.

— О, — мечтательно вздохнул Самтар, — взгляни сам, повелитель...

Они вошли в стоящую на отшибе глинобитную постройку, кузнец повернул какой-то рычаг («Вот, — подумал землянин, — освоился с электричеством»), и подвешенная к потолку автомобильная фара осветила чуть мерцающим светом тесноватое помещение, где на грубых козлах из толстых деревяшек стояло нечто напоминающее на первый взгляд глыбу из серого чугуна. И лишь человек, знакомый с техникой, да и то не сразу, определил бы, что это такое.

— Она что, уже готова? — зачем-то спросил майор.

— Да, — любуясь на дело рук своих, торжествующе молвил Эгорио. — И я ее сделал сам — никто такого не сделал во всем мире, ни один кузнец, а я сделал! Осталось присоединить котел, и можно запускать.

Александр подошел поближе, зачем-то потрогал холодный ноздреватый чугунок.

Покосился на чуть не лопающегося от гордости мастера.

Положим, сделал тот это чудо техники не сам, а с помощью Бровченко и по его эскизам. Но действительно сделал.

Собственно, паровая машина была им сейчас не очень нужна, но Макеев, верный старому принципу дедов-прадедов — сибирских охотников: идешь на день, запасайся на неделю, — и тут решил сработать на перспективу. Как и с выплавкой железа, так и со многим другим. Ему хотелось узнать, смогут ли они создавать сколько-нибудь сложную технику сами, без применения земных запчастей и даже станков.

И вот всего за три месяца была сооружена эта машина.

Отлить блок цилиндров труда не составило, даже ухитрились сделать его целиком, с перепускными патрубками.

На поршне дело застопорилось, ибо нужной точности отливки с этим чугуном и мастерами не получались, а на имеющихся станках обработать болванку весом в две сотни килограммов было невозможно. Но тут Эгорио внезапно предложил: «А зачем мы будем мучиться, давайте отольем поршень прямо в цилиндр».

Правда, пришлось ждать следующей плавки, но все получилось как нельзя лучше — мастер даже додумался заодно и приделать шток шатуна, воткнув его прямо в цилиндр и загнув на наковальне конец для лучшей прочности.

Чтобы поршни не оказались припаянными к цилиндру, хитрый абориген придумал обложить стенки тонкими листками слюды. Слюда само собой сгорела, но дело свое сделала.

Заминка единственно вышла с золотником и перепускными клапанами — упрямец Самтар так вошел во вкус, что захотел сделать их без применения токарных станков (к которым он, надо сказать, испытывал глубочайшее почтение). И добился-таки своего, изведя то ли пять, то ли шесть комплектов заготовок, собственноручно отлитых из лучшей бронзы.

Тут же на дубовых брусках стояла здоровенная бочка из красной меди — котел, собранный Эгорио на заклепках и сваренный расплавленной латуной — тоже придумка хитрого аборигена. Да, воистину, как запомнил Александр со школы: «Умудряет Бог слепца, а черт — кузнеца»!

— Ну ладно, молодец, Эгорио, хвалю. Если чего надо, проси...

В ответ Самтар молча поклонился. Ему нечего было просить у градоначальника — у него и так было все, что мог бы пожелать.

Он был оружейником при Западном воинском корпусе императора Сарнагарасахала возле реки Уриргай. Вернее сказать, был насильно забран в войско по жребью за три года до того, как пришельцы сокрушили государство потомков Идущего по Звездам.

Атак был Эгорио потомственным кузнецом (как и отец его, и дед, и прадед, и вообще — все пятнадцать колен предков, живших возле Бурой Горы и добывавших для императора железо), то и на новом месте, хоть и погрузив, трудился честно, ибо иначе просто не умел.

Он даже был пожалован правом жениться до истечения урочных для императорского военного ремесленника семи лет — за то, что научился лить из чугуна детали механизма арбалетов и катапульт, которые прежде делали из дорогой бронзы. (А его начальник был даже вознагражден за сметку своего подчиненного домом и двумя кровными конями.)

После падения столицы Западный корпус просто разбежался кто куда, прихватив все, что плохо лежало, потому как командиры были в массе разосланы собирать ополченцев, а командующий при невероятном известии покончил с собой на алтаре Шеонакаллу. И через пару недель, как раз когда к ним явился мотопатруль пришельцев, в разграбленном лагере осталось всего несколько сот человек. Тащиться по рухнувшей стране домой было не с руки, и Самтар обосновался в ближайшем городке, благо без кузнеца никак не обойтись — и коня подковать, и круторогим быкам во время молотбы копыта шипами подбивать — этому же ремеслу цены нет!

А в его роду хотя и восхваляли Черное Солнце, но по-настоящему чтили лишь Тал бая — бога кузнецов, первым научившего людей выплавлять железо. А когда ворота за грань захлопнулись, он присоединился к уходящим в Тхан-Такх остаткам войска пришельцев.

Потому что чужинцы ему весьма нравились. По их закону, как выяснилось, кузнеца, как и прочего работающего человека, обижать не полагалось. По крайней мере, на его памяти никто из них ни разу ни одного кузнеца не обидел!

Жизнь в этом княжестве для хорошего мастера не хуже, чем в лучших городах сгинувшего Сарнагарасахала — не роскошная, но сытная, а главное — мирная. А в родных краях-то его сейчас творится невесть что...

Но, пожалуй, главное — он ведь теперь может работать с удивительными механизмами и машинами, которые могут двигаться сами! И что занятно — если вникнуть в дело, то хитрости в их починке и работе с ними никакой особой и нет. Была бы голова на месте да руки откуда надо росли! А какая у них сталь — такой никакая магия не сварит! Правда, и они пока не могут ее здесь делать — по их словам, нужны особые печки и еще всякие руды и камешки, которые надо добавлять в расплав. Однако, верил Самтар, они рано или поздно смогут это сделать. Построили же чудесный горн, за один раз выдающий железа больше, чем в их поселке выплавляли чуть ли не за месяц!

Макеев еще посмотрел на отлитые из чугуна жернова для новой водяной мельницы, которую собирались строить в селении Арви, что в двадцати километрах от города, и новую конную жатку, наконец изготовленную механиками, и распрощался с Самтаром.

На очереди у него были визиты к купцам и в госпиталь.

Неожиданно для себя решил заглянуть в трактир.

Трактиров с харчевнями в его городе (на взгляд майора) было вообще-то неприлично много — ровно тринадцать, не учитывая трех постоянных дворов.

Если считать со всем населением, включая Махаловку, выходило примерно по одному значному месту на триста пятьдесят человек, включая женщин, по традиции эти заведения не посещающих, и детей.

В них, как водится, к услугам желающих были и танцовщицы — веселые и нестрогие девушки, и вино, крепленное самогоном, и нехитрая закуска — от вяленой сурчатины с сусликами, до сайгачьей вырезки.

Но, само собой, «повелитель Сантор» шел туда не ради сомнительных развлечений или дрянного вина. Просто... Горожане до кабацких завсегдатаев включительно должны знать, что градоначальник знает все и бывает везде. А потом месяц, а то и полгода хозяин заведения будет всем рассказывать, что сам сардар удостоил его посещением.

Толкнул дверь, постоял на входе, чтобы глаза привыкли к полумраку, obeжал помещение взглядом и удивился — посетителей в заведении было всего шестеро или семеро, но трое из них были ему знакомы — старший лейтенант Шмаков, тридцатилетний командир взвода быстрого реагирования сил самообороны, и двое его подчиненных.

Троица встала, приветствуя командира, хотя как показалось Макееву, старлей приподнялся со своего места чуть позже остальных и без должного рвения. Но это ведь могло и показаться...

— Отдыхайте, ребята, — махнул рукой.

— Да мы уже уходить собрались... — пожал плечами Шмаков.

По выражению лиц его компаньонов Александр понял, что парни как раз намеревались провести тут немало приятных часов. И причина того, что они так спешно ретируются, не укрылась от его взгляда — на затоптанном ковре рядом с командиром взвода лежала глиняная трубка. Ну а сладковатый аромат яснее ясного говорил, что набита она смесью из горькой степной конопли и листьев сагги — кустика самого по себе безвредного, но по какому-то капризу природы в сочетании с любым наркотиком резко усиливающего его дурманные свойства. Эту траву использовали в местной медицине давно... А вот смешать ее с анашой догадались только его подопечные.

Макеев нахмурился. Взвод Шмакова, кажется, представляет все большую проблему. Задним числом ему уже давно стало понятно, что идея собрать столько бывших «афганцев» в одном взводе была не лучшей. Да уж очень соблазнительной выглядела мысль создать пусть маленькую, но воинскую часть из людей с настоящим боевым опытом. Но вот ее реализация...

Вначале как-то само собой оказалось, что там собрались самые отпетые... Потом незаметно вышло, что поселились они в одном месте, выбрав самый дальний конец Октябрьска. Что еще любопытно — семьи мало кто завел, так что даже пошли разговоры, будто прежний их командир — капитан Файзуллин, подбирал их не только по афганскому опыту, но и... хм, по половой ориентации.

Но это чушь, само собой, потому что именно люди Файзуллина были самыми частыми гостями у кабацких девочек. Но вот то, что там было не все ладно — факт.

Пожалуй, размышлял градоначальник, он все же сделал ошибку, после той дурацкой гибели Файзуллина не раскассировав взвод оперативного реагирования по оставшимся подразделениям сил самообороны. Во всяком случае, не назначив им нормального офицера. С другой стороны, уничтожать едва ли не лучшую штатную единицу из-за каких-то смутных подозрений и слухов? Да и прав был Лыков, рекомендовавший Шмакова. Эти люди не приняли бы чужака. А плодить конфликты на пустом месте внутри маленькой общины гарнизона...

Пусть уж живут, как знают. Не устроят же они бунт, в самом деле.

«Но все же некий неприятный душок от этого афганского кубла тянет», — размышлял Макеев, уже оставив далеко позади корчму.

Он вспомнил, как накануне своей командировки в Аргуэрлайл ехал в одном купе поезда Душанбе — Ленинград с майором из Минобороны, специалистом по военной психологии. Тот как раз направлялся в столицу с докладом о ситуации с личным составом в ограниченном контингенте и кое-чем поделился с попутчиком.

Выходило по его словам что-то невеселое.

Современный молодой человек вырос, как ни крути, в тихом благополучном мире, где худшая неприятность — разнос у директора или отсутствие повышения в должности; опять же — по большей части единственные сыновья у матерей. И сунуть такого вот вчерашнего школьника в самое пекло настоящей войны, со всеми ее прелестями — до этой самой анаши включительно, это с высокой вероятностью получить на выходе человека с большими проблемами в психике, да еще приобретшего неприятную привычку к убийствам.

Да и сам Александр уже начал приходить к подобным выводам.

Насмотрелся на всякие безобразия — от скандалов из-за немногочисленных женщин — служащих Советской армии с драками и чуть не дуэлями, и питья вроде как почтенными отцами-командирами, седыми полковниками жидкости из тормозной системы КаМАЗов, и заканчивая особо зверской дедовщиной. А уж если заводится дедовщина в воюющих частях, то не зверской она быть не может. Он-то подобного у себя в роте не допускал, хотя приходилось воспитывать особенно обнаглевших кулаками, а у соседей бывало, что обиженный солдат расстреливал своих сослуживцев, по несколько человек сразу, а родителям убитых сообщали: «Ваш сын героически погиб, выполняя свой интернациональный долг».

Интересно, как там земляки в их бывшем мире, справляются ли они с ситуацией? А может, уже закончили все дела «за речкой».

Но вот в гарнизоне результат налицо — у них под носом завелось этакое специфическое «темное братство».

Геннадий Тупиков оправил белый застиранный халат. Швы угрожающе затрещали, и лейб-медик Октябрьска, как его иногда называли «господа офицеры», подумал, что, пожалуй, придется таки скоро заказывать новый, уже у городского портного, из здешнего грубого полотна.

В этот час он был в горсанчасти почитай что один. Двое его помощников, Вася Ромов и Зиновий Сумской, отпросились на пару деньков отдохнуть, а третий, Саня Ермолаев, срочно

укатил на горные пастбища, где начался падеж скота — по первой специальности он был ветеринар.

Во всем помещении оставалось только полдюжины больных и два медбрата — оба местные уроженцы из числа караванщиков, заболевших в дороге и, как тут водится, оставленных своими караван-баши на произвол судьбы. Исцелившись, они так и остались при больнице. И хотя так толком язык пришельцев и не выучили, но компенсировали свою воистину средневековую темноту редкостным трудолюбием и почти мистическим преклонением перед главврачом. То есть им, Тупиковым Гэ Рэ, который, видимо, казался им чем-то вроде жреца или мага.

Ну а раз вроде нет серьезных больных, новых пациентов тоже не ожидается, то можно вернуться к работе, порученной шефом (так Тупиков звал Макеева — не князем же, в самом деле, титуловать майора), — написанию учебника по медицине.

Гена разложил перед собой аккуратно нарезанные листы газетной бумаги, макнул перо в чернильницу, привычно пожалев об оставшихся в ином мире шариковых ручках, как вдруг услышал за спиной грубоватый смешок.

Признаться, первой, пришедшей в голову, была мысль о ПМ, давно валявшемся без толку в ящике стола.

— Ну, старшина, как, принимать страждущих больных будем?

Тупиков мысленно выругался.

Манера командира взвода быстрого реагирования являться в гости бесшумно и наслаждаться эффектом бесила не только его одного.

— Заходите, Виктор Петрович, присаживайтесь, — тем не менее вежливо предложил Тупиков, внутренне подавляя позыв вытянуться перед старшим лейтенантом по стойке «смирно». — На что жалуемся?

— На Аргуэрлайл, — коротко бросил Шмаков.

— Ну, это, увы, неизлечимо, — ответил бывший старшина шуткой на шутку пациента.

— Да понятное дело... — криво ухмыльнулся взводный. — Но от простых-то болезней медицина наша чем-то может помочь?

«Неужто венерологию поймал наш герой?» — с неожиданным злорадством подумал главврач.

— Голова что-то стала кружиться и болеть, приступы временами — как в тиски башку зажали! И в ушах не то чтобы звенит, а как будто... шепчется кто-то. Знаешь, как... ну, не знаю, вот мыши летучие так пищат, слышал когда-нибудь? Еле-еле слышно, а как будто... И еще — чувство временами такое нехорошее, будто смотрит на тебя кто. Нехорошо так смотрит. Помню, так в Афгане бывало, когда «духи» тебя выцеливают из «зеленки»... Может, думаю, контузия разыгралась... А? Что посоветуешь, лепила?

— Что посоветую? — Гена сжал губы. — Посоветую, Виктор Петрович. Просто надо бросить курить ту дрянь, которой вы дымите как паровоз.

— Так и знал... — фыркнул старлей. — Дрянь у тебя в голове, а я анаши этой мешок уходил еще когда парился под Гератом — и ни в одном глазу. А анаша та была со здешней не сравнить — термоядерная! И вообще, ты, салага, этого не поймешь, потому что настоящей войны не нюхал. А я вот был в таких делах, что без травки бы точно свихнулся! Знаешь, как после боя трясет и корежит? Так что «мотор» твой вот-вот сдохнет. А затынулся пару раз — и отпустило.

Тупиков в ответ лишь молча развел руками, показывая всем видом, что, дескать, мое дело предупредить...

— Ладно, пан доктор, — вздохнул офицер, — видать, и в самом деле медицина наша только банки ставить умеет. Эх, не догадались наши начальники хоть одного нормального военврача в дивизион запихнуть, да кто ж знал...

— Раз вам медицина наша не нравится, то сходите к шаманам или в храм Грайни, — почему-то потупившись, ответил Гена. — Может, они чего посоветуют.

— Ага, посоветуют, — фыркнул спецназовец. — Шаманы завывать начнут да чертей своих гонять. А грайнитки эти зеленые посмотрят, как Ленин на буржуазию, да и скажут так, губки кривя: ты, дескать, много людей убил, а детей ни одного не сделал — оттого Хозяйка Жизни на

тебя и сердится. И вообще, на тебе печать какая-то стоит... Детей, ха! Я, что ли, виноват, что ни одну здешнюю шлюшку не обрюхатил?

— Подательница, — механически поправил медик.

— Чего? — наклонился к нему Шмаков.

— Подательницей Жизни ковен Грайни зовет свою небесную покровительницу.

— Да по мне хоть подательницей, хоть продавщицей, хоть кладовщицей, — махнул рукой Шмаков. — Дел мне только все это запоминать...

— А что за печать-то? — переспросил вдруг Тупиков, потому как смутно припомнил что-то такое, связанное с печатью, что мелькало в разговорах грайниток.

— Я-то откуда знаю? — раздраженно передернул старлей плечами. — Ладно, медицина, уж если посоветовать толкового все равно не сможешь, так, может, хоть лекарства дашь?

— Это какого? — встревожился Гена, ибо лекарства были его настоящей головной болью — куда там выдуманной шмаковской.

— Какого-какого? Будто сам не знаешь? Того, которое вы, доктора, глушите почем зря, — осклабился гость. Ну, в соответствии с эмблемой. — Он довольно невежливо ткнул пальцем в ворот песчанки с латунными значками мед службы. — Знаешь, как ее называют? Змея в стакане, ха! Короче, спиртяшки не плеснешь?

И каким-то непонятным чутьем старший лейтенант выразительно посмотрел в сторону тяжелого резного шкафа, где бывший санинструктор как раз недавно поставил большую двухлитровую бутылку настоящего девяностоградусного спирта — тройной перегонки, дважды профильтрованного через толченный древесный уголь и вымороженного в больничном леднике. И не далее как завтра с утра он собирался приступить к приготовлению на этом спирте настоя специально подобранных им степных лечебных трав. Так что покушение на его сокровище вызвало неподдельное возмущение медика.

— Вам, Виктор Петрович, пить нельзя, — как можно тверже выговорил Тупиков, стараясь смотреть прямо в глаза.

— Так и знал... — сказал спецназовец, поднимаясь. — Ну и медицина у нас, прямо как в том анекдоте. «Гиви, почему ты нэ пьешь?» — «А мне доктор запрэтил...» — «Вах, ну дай йему сто рублэй, он тебе разрэшит!» Ну бывай, клистирный командир. — И внушительно хлопнув Тупикова по плечу (оно враз заныло), он покинул кабинет октябрьского главврача.

Спустившись с каменного крыльца, Шмаков зло сплюнул.

Да чего тут ходить вокруг да около! Чертов салага ведь ни в чем не виноват. Это ему, матерому бойцу, стыдно прятать голову в песок.

Не в контузии и даже не в плане дело. И самое лучшее пойло тут не поможет!

Потому что печать на нем и в самом деле стоит — поставленная кем-то или им самим, его буйной и жестокой жизнью — неважно уже...

Перед внутренним взором старшего прапорщика как в живую встал тот вечер...

Тогда, полгода назад, их взвод стал лагерем неподалеку от селения, название которого он уже запомнил — у него была вообще дрянная память на эти идиотские здешние имена и названия.

Макеев тогда после спора на совещании решил поставить возмнившего о себе много летеху на место и выгнал на внеочередные учения. Спор, кстати, был из-за этих чертовых баб-амазонок, которым все же решили выдать земное оружие.

Изо всех лишь Шмаков высказался против, да еще имел неосторожность что-то ляпнуть про «обезьяну с гранатой» и дикарей.

Особенно взвился Серегин, муж этой... ладно, проехали.

Как водится, их высадили с трех грузовиков, бросив на пять дней в серой скучной лесостепи. Шмаков честно погонял своих гавриков вокруг холма и по пересеченной местности, лично выбрал три места для засад, в одном из них заняли оборону и условно победили прорвавшуюся конную тысячу. Застрелили попавшуюся на дороге самку тростникового кабана, разнообразив меню в виде похлебки из вяленого мяса нормальной свежатиной, и улеглись спать, не забыв выставить дозоры.

А следующим утром, пока Виктор совершал личную пробежку, наматывая не стандартный километр, как его подчиненные, а три, он и встретил... того человека. Он взял и просто вышел из-за куста горького ореха на лесную тропинку, подняв руку, — как тут приглашали к разговору.

Обычный ничем не примечательный тип — одетый наполовину как степняк, наполовину как оседлый дикарь — так тут часто ходят. То ли небогатый торговец, то ли приказчик, то ли мастер. Оружия при нем не было — даже ножа на поясе, что было необычно для туземцев — те, если имели возможность, всегда таскали что-то смертоубийственное. Даже мальчишки в селениях носили с собой заостренные палки с обожженным на костре для прочности концом.

Виктор на автомате, что называется, вытащил из-за пояса «гюрзу». Незнакомец только улыбнулся в ответ. И почему-то землянин сразу понял, что означает эта улыбка — пока он тут бегал по лесу, его при желании можно было прикончить стрелой из превосходного степного лука, имеющего перед АКМ то преимущество, что выстрела не слышно.

— Здравствуй, человек из Тхан-Такх, — сказал незнакомец, и Виктор невольно попятился.

Потому как сказано было, пусть и коряво, и с диким акцентом, но по-русски.

— Я — Зорт, ученик слуги великого повелителя Ундораргира, старшего буандигис-шамана Ортас Хака, сына Сайнорги, сына Рорридда, наследник знания истинного и древнего. В храме Подземного Хана меня зовут Наездник Черного Коня — если переводить на ваши чины, это... ну пусть будет к'хапитан.

— Ну а я старший лейтенант, — хмыкнул Шмаков, пытаюсь собраться с мыслями.

«Не трус, — подумал гость. — Но глуп».

— Давай без чинов, тоан, — улыбнулся, не выдав тени своих мыслей, Зорт. — Я думаю, нам есть о чем поговорить?

— Я в этих ваших ведьмовских штучках ничего не понимаю, — бросил в ответ Виктор. — Мое дело — война. И то надо мной есть мой начальник. С ним и говори.

— Только лишь война? Или ты никогда не думал, что достоин большего? Слушай, друг, может, сядем и поговорим? Пока твои воины начнут беспокоиться, у нас ведь есть время?..

Эуденоскаррианд. Танира — третья столица империи

— Итак, история ковена имперских ведьм началась с великой ведьмы Рао, — произнес собеседник Костюка, важно огладив усы. — Историю эту следует начать со времен правления императрицы Кхэмоа Уно...

Почтенный Притос Сенно поднес к губам сосуд.

— Что за чудесное вино, мой драгоценный друг! Попробуйте, такого наверняка нет в ваших диких, прошу меня покорнейше простить, краях, где из средств увеселения духа имеются лишь грязные варварки да бурда из кобыльего молока.

Заговорщицки подмигнул собеседнику.

— Это «Поцелуй пери» — его положено выдержать несколько лет в сосуде из дерева хотер, запечатанном воском. Именно воском, а не деревянной пробкой или глиной, как делают эти невежды из Тазалайской долины! Только так оно дает настоящий вкус! Чувствуете, очаровательное сочетание терпкости, кислоты и легкой сладости! Чувствуете? Оно совсем не похоже на вино из Оус, хотя вроде бы куда уж лучше оусского. И совсем не талино, потому что талино — вино пурпурное, почти черное, а тут розовое. Это, конечно, не вино с императорских виноградников, но так ведь и цена другая — одна амфора того вина стоит как хороший ездовой конь... И, кстати говоря, это вино надо пить из стеклянной чаши — именно так, как пьем мы. Именно в стекле оно дает настоящий благородный цвет!

Костюк усмехнулся про себя. Стеклянная чаша и в империи считается изрядной роскошью, а уж в Степи стоит как раз в цену хорошего коня.

— Так вот, о ведьмах... Императрица Уно взошла на трон в семьсот шестьдесят шестом году правления Великого Дома, то есть девяносто лет назад, — неспешно продолжил Притос — Она уже тогда была весьма немолода, и как говорили, почтенный возраст государыни уже начал мешать ей править. Несколько влиятельных родов, объединившись, решили уговорить ее оставить трон, передав его принцу Милио из младшей ветви Великого Дома...

Собеседник вновь прервался, вкушая дорогое розовое вино из драгоценной стеклянной чаши, «в которой только и дает оно настоящий цвет», между прочим, вино купленное на его, Костюка, вернее, скромного иноземного торговца Синти Роча, серебро.

Алексей не возмущался и не торопил собеседника, чье многословие его почти не раздражало. В обычаях Эуденоскаррианда была именно такая манера разговора — долгая, обстоятельная, с намеками, отступлениями и подробным описанием всяких мелочей.

Что ж до истории императрицы Уно, то разведчик ее уже и без того неплохо знал. Многие из тех, с кем ему довелось пообщаться в Танире, еще помнили рассказы своих дедов о жуткой старухе с перекошенным после паралича и по обычаям высших жриц культа богини Р'гины раскрашенным и разрисованным лицом, которая медленно проезжала по широким улицам Нурой в огромной повозке, запряженной слоном.

Правила она не столь и дурно. При Уно не было больших войн, и империя жила в целом благополучно. Но вот в столице ее поминали совсем по-другому, ибо не проходило недели, чтобы какого-нибудь чиновника или даже члена правящего Дома не казнили каким-то особо жестоким способом, а уж простолюдинов, вздернутых за обсуждения похощений ее величества или даже неосторожное слово в ее адрес, и не считали.

К концу ее правления в семействе почти не осталось взрослых мужчин, кроме нынешнего императора, племянника грозной Уно. Впрочем, к этому времени он из могучего бодрого воина, прославившегося когда-то подвигами на северной границе, превратился в жалкую человеческую развалину, шарахавшуюся от каждого прибывавшего к нему курьера с мыслью, что тетушка, наконец, решила разделаться и с ним.

Императрица, как гласили слухи, до самой смерти не утратила аппетита к мужчинам, развлекаясь в постели с двумя или тремя любовниками одновременно. Не угодивших ей любовников или, не дай Вечное Небо, выказавших хоть тень брезгливости к дряхлой прелестнице, ждала ужасная участь — их скармливали хищникам из дворцового зверинца, а перед самой своей смертью государыня даже якобы завела для этого дела семейку дикарей-людоедов из каких-то заморских стран.

— Императрица, — вещал Сенно, — окончательно потеряла всякий стыд, приближая к себе самых недостойных людей. По мере того как старело ее тело, она все силы направила на то, чтобы сохранить ускользающую жизнь. Канцлером при ней стал маг Гоу Фор, бывший секретарь палаты надзора за чародейством, преуспевший в некромантии. Самым влиятельным человеком сделался целитель Кэмао Луин, позор сословия магов-целителей, известный лекарь, ставивший противоестественные опыты в поисках эликсира жизни. Наконец, Торко Ранд министр императорских развлечений, бывший сводник из сомнительного квартала...

«Сколько имен, сколько имен, — неодобрительно пожал плечами Алексей. — И как эти бедолаги их все запоминают?»

Речь собеседника текла плавно, многословно, и вскоре Костюк поневоле запутался в творившихся при дворе кошмарах и разнузданном разврате.

Он не без труда вернулся к повествованию, когда речь пошла уже о той самой Палате Чародеек. Перед этим Притос потратил минут пятнадцать, рассказывая, как мимолетный муж Удо, ее троюродный дядя Букур Сайонос, скончался от разлития желчи, хотя в городе открыто говорили, что на нем испытали свое искусство наведения смертечар Гоу Фор и Кэмао Луин.

И только после этого императрица Удо формально удалилась от власти, посадила на трон еще одного принца из неисчерпаемого рода, Ингао Расга, думая править из-за его спины.

Но император, которого давно считали полубезумным, оказался хитрее тетушки. Не прошло и трех недель, как министры и уцелевшие члены Дома предъявили вдовствующей императрице обвинения в убийствах, узурпации трона, нечестии и поклонении демонам. Сразу после этого население северной столицы толпами повалило на улицы, вооружившись кто чем, а войска обложили Летний Дворец, где угнездился двор старой распутницы.

Во главе отряда отборных солдат Ингао вступил во дворец и собственноручно прикончил дряхлую родственницу, высокопарно заявив, что не может позволить пролить венценосную кровь простолюдином. Так что солдатам досталась лишь обязанность зарезать ее верных слуг. А для

приближенных Удо, Гоу Фор, Кэмао Луина и Торко Ранда, новоявленный государь решил определить особое наказание. Само собой, смертную казнь, тут вопросов не было. Но вот для определения способа оной Ингао даже созвал целый консилиум самых старых и опытных палачей, включая и отошедшего от дел прежнего верховного палача, девяностодевятилетнего Гору Канна, и даже нескольких жестоких убийц из столичных тюрем, которым за дельные советы обещали смягчить приговор до обычного расчленения.

— Это, как вы знаете, произошло ровно семьдесят семь лет назад! Да, мой дед помнит это, как началось славное правление нашего нынешнего всесветлого императора, — закончил Сенно, переводя дух.

— Да, удивительная история! — выразил Костюк свой безграничный восторг. — Но простите невежество иноземца из диких мест, я не очень уловил, какое это отношение имеет к имперским ведьмам...

— Вот именно к этому я и подхожу! — всплеснул руками Притос. — Хотя, честно говоря, история эта хотя и замысловата, но вряд ли интересна. Признаться, не пойму, зачем она вам? Мне вот всегда казалось, что по части магии и чародейства ваши края куда занимательнее, чем наша держава, где, как говорят мудрецы, волшебство выродилось.

— Да, — мечтательно закатил глаза имперец, — меня всегда влекла Бесконечная Степь. Эти великие пространства, населенные древними народами и хранящие древние тайны, чудовища... Скажите, а вы сами видели змею гаа? Говорят, она может пожрать слона? А зверя ннил'хага, он и в самом деле похож на крысу размером с медведя? И что, воистину с легкостью перекусывает человека? А четырехрогий волк дуруг — я читал, что он приманивает путников, подражая плачу новорожденного? Я видел их изображения во многих манускриптах, читал о них и слышал от заслуживающих доверие людей...

Притос пылливо заглянул в глаза собеседнику.

— Увы, мой дорогой друг, я ведь не из самой Степи, а из Южных Танств... — пробормотал в ответ разведчик. — Слышал лишь рассказы о них и видел шкуры и черепа удивительных созданий, но не более. Глубины Бесконечной Степи для нас такая же тайна, как и для подданных вашей спасаемой богами империи. Мы простые люди, и у нас хватает забот и без всех этих тайн.

— О да, — закатил глаза хозяин дома, — наслышаны. Вот взять этих ужасных демониц женщин-воинов. Они и в самом деле так ужасно пытаются захваченных врагов?! Мой друг, караванщик Китер, передавал рассказ одного доблестного наемника из Таргийской области. Тот поведал, как эти отродья Подземных обходят поле боя, ища раненых. Затем они прибывают заранее заготовленными колышками несчастного к земле, затем рассекают на нем одежду и наводят чары или делают еще что-то, вроде бы даже перетягивают шнурком из человеческой кожи мужское достоинство. И дальше они, не снимая доспехов, лишь приспустив штаны, да простит мне моя стыдливость... садятся верхом на несчастного и скачут на нем, пока не насытятся. А потом... Мне страшно это говорить, но напоследок они отрезают уд... Отсекают одним ударом особого кремневого ножа...

— И съедают сырым! — не выдержал Костюк, изо всех сил стараясь не засмеяться.

— Что вы говорите?! — с неподдельным ужасом всплеснул руками Притос — Мой друг ничего такого не вспоминал, но, может быть, тот достойный воин пощадил его чувства и благопристойность.

Алексей лишь неопределенно пожал плечами, про себя представляя, что бы сказал тот «достойный воин», скорее всего мечтавший отведать хмельного за счет караванщика, окажись он перед лицом любой из сословья женщин-воинов Бесконечной Степи, что нашли приют в их городке, — великолепной Дарики, отважной Саритты или так же мастерски слагавшей песни, как и стрелявшей из лука, большеглазой Ринги.

— Впрочем, простите, для вас это, конечно, самое обычное, — налил себе снова вина Сенно. — Это мы развращены долгим миром и порядком! У вас же там не в диковинку не только чудища с нетварями или эти кошмарные дикарки, но и настоящие демоны! У нас так много говорили несколько лет назад про каких-то демонов из-за Грани Мира, что разгромили царство поклонявшихся Неназываемому... Ах, дай предки памяти... Кажется, царство это называлось

Сарнагарасахал. Говорят, этих демонов вызвали некроманты отвратной страны, и те и до сих пор свили гнездо в тех краях?

Костюку почудилось, что в голосе Притоса прозвучала какая-то странная нотка, что-то вроде заинтересованности.

— Это не совсем так, — произнес разведчик. — Сам я живу за две недели конного похода от границ земель, где обитают... упомянутые вами. Но торговавшие в их владениях говорят, что те, кто правит брошенным городом Тхан-Такх, это обычные люди. Возможно, они слуги демонов — или, как знать, богов, которым надоело нечестие и жестокость поклонников темного властелина. Не знаю. Так же, как не знаю, что они и их хозяева не поделили с Сарнагарасахалом, но...

— Значит, слухи правдивы! — сжал руки на груди писарь. — О, расскажите же мне об этих странных событиях! Правда ли, что пришельцы уничтожили войско союза магов, заставив его провалиться под землю?

— Да ничего подобного! — не слишком погрешил Костюк против истины. — Они просто сговорились с частью магов и те ударили в спину своим. Признаться, я не знаю точно, как там было и что, я был в то время в Ориассе по торговым делам. Самому мне не довелось бывать в Тхан-Такх. Знаю лишь, что эти демоны, или кто бы там они ни были, живут себе мирно, не трогая соседей, и, по слухам, сторожат врата в свой мир...

— Тогда скажите... — начал было Притос.

Но тут, перекрывая шум торжища, где расположилась харчевня «Шесть рыб», прозвучал долгий мелодичный удар колокола с квартальной Часовой башни, одной из отмерявших время для жителей северной столицы Эуденоскаррианда. Потом еще один, и еще...

Время перевалило за полдень.

— Ах, простите вашего ничтожного собеседника, — вскочил, поклонившись, чиновник. — Дела велят, чтобы я вас покинул. Начальник канцелярии требует присутствия вашего ничтожного собеседника. Вы не разгневаетесь, достойнейший Синти?

— Нет, что вы, я понимаю... служба, — кивнул Костюк, снисходительно прищурившись. — Думаю, мы сможем продолжить наш очень интересный разговор в удобное для вас время. Скажем, завтра между вторым и третьим утренними часами?

— О да. Разумеется...

Оставшись один, Алексей тяжело вздохнул.

Этот тип, мелкий чиновник из канцелярии Поземельной Палаты, стал для него весьма ценным источником информации о местных особенностях.

Любящий поговорить, потомственный горожанин, знающий весьма много о здешней истории, обычаях и порядках, постоянно бывший в курсе последних сплетен из высших сфер, да к тому же страдающий извечным недугом всех мелких канцелярских крыс — отсутствием звонкой монеты.

Наверное, он и рад-радешенек тому, что встретил купца-инородца, решившего тут обосноваться и поэтому нуждающегося в полезных знакомствах, а значит, готового платить за лучшее вино и даже за внимание танцовщиц к рассказчику.

Подходил к концу второй месяц пребывания его в этом городе — огромном даже по земным меркам; городе нищих поденщиков и купающихся в роскоши ростовщиков, городе, считавшемся третьей и самой младшей столицей, хотя Правящий Дом Эуденоскаррианда уже как два поколения почти все время проводил тут, в обнесенной высокой стеной части города.

Это была его третья по счету дальняя экспедиция за время, минувшее с момента Эвакуации.

Собственно, из них, этих походов, и состояла его жизнь. И хотя он убедил Макеева и всех прочих, что это нужно всем им — маленькой горсточке бывших советских людей, но, прежде всего, эти путешествия были нужны ему.

Ибо только так, в странствиях, в познании мира и ворохе новых впечатлений он мог приглушить тяжелую пустоту, которая с новой силой пробуждалась всякий раз, когда за ним закрывались ворота Тхан-Такх, который упорно не хотел превращаться в Октябрьск. Которую он острее всего ощущал в своих апартаментах, пахнущих пылью и мышами, хотя что было делать мышам в этих нежилых комнатах?

По-настоящему ведь он, Алексей Костюк, глава стратегической разведки гарнизона, жил лишь в дороге. Когда на ночных привалах над его головой горели громадные звезды — как бриллиантовая пыль на дне черной чаши. Когда в ушах звучал свист ветра, гуляющего среди руин, куда уже бог весть сколько веков не ступала нога человека. Когда ноздрей касался запах разнотравья весенних горных лугов, а в глазах отражались рыжие искры походных костров.

Дорога, вечная дорога, та самая, без начала и конца, успокаивала давнюю неизбывную тоску и придавала жизни смысл.

Потому что когда, вернувшись, он писал на неровно нарезанной газетной бумаге отчеты о «командировках», украшая ритуальной надписью «При первой возможности передать руководству КГБ СССР» при свете тусклой электролампочки — они еще оставались в самых важных штабных помещениях, или когда лежал без сна на продавленной койке в своем пустом доме, ощущение бессмысленности того, что он делал, буквально подступало с ножом к горлу.

И некуда было деваться от тяжелых мыслей, что, по сути, работа его бессмысленна, что ему вот-вот стукнет сорок, а он один, как перст; и самое, может быть, худшее, что как бы они ни старались, а волны времени не сейчас, так через полвека поглотят их крошечный осколок иного мира, и их потомки будут с боязливым суеверием слушать рассказы про великих предков и созерцать остовы машин, не веря, что созданы те были людьми, а не высшими существами.

Утро следующего дня застало Синти Роча в квартале увеселительных заведений средней руки.

Прогулявшись с час по узким пыльным улочкам, вопреки городскому обыкновению даже не замощенным, он остановил свой выбор на харчевне «Пьяный родник».

Название это было написано ярко-красной киноварью на коньке крыши. Для грамотой не владеющих оное сообщала большая недурно нарисованная вывеска — толстяк в кольчуге, с длинными по степной моде усами, подставлял кружку размером с небольшое ведро под вытекающую из расщелины скалы винную струю.

Возле заведения толклись люди явно схожих профессий и образа жизни — с выдубленными ветрами лицами, при оружии, зачастую — в неснятых поддоспешниках.

Постоял, прикидывая в уме. С точки зрения старого опытного торговца Синти Роча, поход сюда мог быть чреват неприятностями, вроде битья обнаглевшего торгаша храбрыми солдатами империи. Но капитан ПГУ КГБ СССР и начальник стратегической разведки Октябрьского особого территориального образования Алексей Игоревич Костюк решил, что в подобном заведении он как раз и может найти то, что ему нужно, — информацию, и главное — людей, которые станут в будущем основой его сети.

Ведь именно за этим он прибыл сюда, в Эуденоскаррианд — страну, чем-то похожую на Древний Китай, хотя населяли ее племена вполне европейского вида.

За это время он не так чтобы безупречно, но в общих чертах изучил Таниру.

Огромный город, насчитывавший не менее полутора миллионов человек, а поговаривали, что и все два, привольно раскинулся на пару десятков верст от одного края до другого и располагал тремя только одними речными портами.

Город окружали поля, дававшие по два урожая в год, ухоженные сады и во множестве рыболовческие хозяйства, не уступающие тем, с какими сталкивался Костюк в своем мире (во всяком случае, размерами). Рыбные садки создавались в озерных заливах, которые перегораживали насыпными плотинами с дренажными трубами, а дно устилалось покрытием, соответствующим видам рыбы, для которых они предназначались, — илом, песком, камнями, либо водорослями. Живую рыбу даже привозили за сотни километров с ближайшего моря на специальных судах — плавучих цистернах (своего рода рыбных танкерах).

А прямые мощеные улицы с ливневой канализацией, не уступавшей древнеримской, и превосходившим по величине и техническим характеристикам акведуки Вечного города водопроводом?

А пяти-шестиэтажные дома, причем иные — с «лифтами» (правда, кабинки из резного дуба поднимали воротами, вроде рудничных, куда были впряжены ослики).

Но больше всего Костюка поразил гигантский крытый рынок, превосходящий размерами те, что ему доводилось видеть не только на родине, но и за ее пределами — в Бразилии, Франции, Италии.

Там было одних лифтов ровно три дюжины, причем каждый вмещал по десятку человек. А тянули их не люди или ослы, а гидравлические колеса, работавшие от водопровода. (Вода, кстати, в городе подавалась не только в фонтаны или городские колонки, как в Риме, но и прямо в дома.)

Самой забавной достопримечательностью города ему показались местные общественные уборные.

Вопреки принципу «деньги не пахнут», были они бесплатными и при этом строго разделенными по сословному признаку. Для важных людей было роскошное отделение, чьи стены покрывала роспись или майолика, и где дымились лампы с ароматическими курениями. Отделение поплоче — для рядовых граждан и воинов. Наконец, для бедняков и рабов предназначались самые убогие — из грубого кирпича, неприятно напомнившие ему бразильские тюремные сортиры (довелось и там побывать).

Одним словом, в лице империи перед ним был пример в полном смысле высокоразвитой цивилизации.

Правда, до паровых машин они тут пока не додумались, но зато у них было кое-что другое — магия. И очень мощная. Судя по всему, что он узнал, казавшийся земля нам в этом смысле сверхдержавой Сарнагарасахал сильно уступал Эуденоскаррианду.

Войдя в полутемный зал, Алексей внимательно огляделся.

Обычный местный дизайн — низкие столики со скамейками, две стойки в противоположных концах зала, в центре — подиум, где выступали по вечерам полуобнаженные танцовщицы под аккомпанемент трех-четырех музыкантов.

Подумав ровно минуту, Костюк сделал то, что его преподаватель тактики сбора информации не без иронии называл «вариант номер ноль пять» — с намеком на стандартную емкость посуды. А именно — подсел за свободный столик, рядом с компанией веселящихся офицеров, у которых явно иссякало хмельное, и заказал кроме изрядного блюда бараньего жаркого еще и большой кувшин вина. Не драгоценного розового, каким поил своего приятеля чиновника (и вероятно — будущего агента), но тоже недурного — с пригородных виноградников.

Предположение не обмануло.

— Хэй, купчина, не позволишь ли воинам промочить горло, — хрипло рявкнул над его ухом голос, сорванный не на плацах, а в схватках, когда нужно было перекричать грохот боя.

— Отчего же нет, почтенные? — с готовностью откликнулся Алексей на просьбу немолодого усаха в поддоспешнике с нашитыми золотыми шнурами. В местной запутанной военной иерархии это означало что-то вроде командира эскадрона.

— Почту за честь!

Уже через минуту разношерстное сборище перебралось за его стол.

Как понял землянин, слегка научившийся различать знаки и символы местных военных, все это были командиры вспомогательных войск приграничного корпуса, который набирался из инородцев да чужеземцев и чьей главной задачей было — в случае вторжения врага лечь костями, дав возможность прийти из глубины Эуденоскаррианда одной из отборных армий, знаменитых далеко за пределами империи, где служили потомственные воины и куда попасть для пушечного (вернее, копейного) мяса из вспомогательных сил было величайшей наградой за доблесть.

Однако ж с тех пор, как две сотни лет назад император Ринорин сделал Таниру своей третьей столицей, местные вояки заняли привилегированное положение среди себе подобных, хотя с настоящей имперской армией и не сравнялись.

Тем не менее дистанция между офицером, как ни крути, второразрядных частей и чужеземным купцом была не так велика, чтобы не выпить вместе за возникшую дружбу. Этим Алексей и решил воспользоваться.

...— Стало быть, торгуем, степняк, — бурчал час спустя Ордоон Сайно — командир левого крыла красного бунчука Второй Нуройской хоругви стражей рубежа. — Дело хорошее... Думаю, еще года три прослужу и тоже торговлишкой займусь. В мощне-то не пусто! В долю возьмешь?

— А отчего бы не взять хорошего ч-человека? — старательно изображая куда более пьяного, чем он есть, закивал Алексей.

Слова его вызвали у собравшихся взрыв одобрительного энтузиазма и дружеские тычки и похлопывания по спине, от которых у неслабого разведчика болезненно екала печенька.

— Да, это верно, — вступил в разговор негромкий голос какого-то мелкого тощего офицера лет двадцати пяти, чьи знаки различия были землянину незнакомы. — Воин война всегда поймет. А раны-то не болят?

— Э-э-э, не понял, почтеннейший, — поднял на говорившего взор Костюк, из всех сил пытаясь скрыть удивление.

— Да чего там этим ранам болеть? — вступил сидевший рядом с незнакомцем седоватый человек с такими же знаками различия. — Всего-то пара болтов в плечо, да два в бедро, да другое бедро распоротое слегка, да один скользящий в бок. Вот если бы чуть выше клинок пришелся, вот тогда... Можно было сразу в евнухи поступать! А раны добрые, боевые, не разбойничьи.

— Вот, Тарк и Саири, вечно шуточки у вас дурацкие, небось напугали доброго человека, — нарочито обиделся Ордоон.

— Ну, так ведь Степь, разбойники, всякое бывало, — дал Костюк правильный ответ, уже догадавшись, кто перед ним.

Имперские маги, тем более военные, были предметом его особого интереса. Но вот как не показать этого раньше времени?

— Да чего там, — смутился тот, кого звали Тарком. — Раны я с детства вижу — это дар у меня такой. Я-то маг слабый, вот дед мой мог наложением рук распоротое брюхо заживить. Ты вот лучше скажи, где ты их получить ухитрился? Ведь чую, бой был нешуточный — пять болтов поймать!

— Далеко отсюда, — не солгал Костюк-Роча. — Далеко на востоке, на островах тамошнего океана. Почти десяток лет тому.

— О-о, куда тебя занесло, — одобрительно рыкнули офицеры.

Это опять был правильный ответ, и собравшие снова поднимали чаши.

Разговор о хороших ранах сменился беседой о хороших людях.

Из нее скоро выяснилось, что среди сидевших тут много тех, кто уже не в строю, а пребывают в отставке и бессрочном отпуске, ведя торговлю или владея участком земли, положенном каждому защитнику империи после десятка лет беспорочной службы. И что хоть Танира всего лишь третья столица, но в коренные имперские земли никто переселяться не спешит — народ там кичливый и не любит понаехавших чужаков, хотя, между прочим, уже лет пятьдесят как становится все труднее набирать имперцев в элитные войска. Даже и на работу в полях или, например, по уборке улиц приходится завозить народ, ибо сами имперцы, которые делятся на десяток племен, грызущихся втихую друг с другом, не то что работать не шибко горазды, а даже детей рожают все меньше. А еще в старых столицах и в центре империи все дорого. Тут же за медную монету можно купить молодого барашка, какой в империи стоит чуть не десяток медяков! А какая тут охота!

А девушки! В здешних жителях смешалась кровь многих народов, так что иной раз встретишь такую красотку, что пояс сам развязывается!

Уважительно поддакивая и кивая, Костюк удовлетворено хмыкал про себя, потому как эти люди вполне годились стать звеном в цепи некоего плана. Плана, который пришел ему в голову всего несколько дней назад и поразил самого Алексея невероятной дерзостью и на первый взгляд полной абсурдностью.

Но который сулил выход из тупика, куда попали он и его товарищи. И возможно — весь этот мир.

Бархатное парчовое платье грудой лежало на полу у постели. Белая изящная рука, словно птица, опустилась на тяжелые складки материи. Пышная ткань рекой скользнула вверх по стройным ногам женщины, по круглым коленям и замерла.

Алтен, уже перехватившая платье поудобнее, чтобы одеться, вдруг забыла о нем, обернулась к полулежащему на кровати Александру, улыбнулась той особой улыбкой женщины, которая очень довольна собой и избранником.

А Сантор Макхей испытывал чувства человека, который переплыл ревущий горный поток и теперь наслаждается покоем и гордостью за свое крепкое, сильное тело.

Да что за женщина была сейчас в его объятиях?! Тигрица, бешеная степная кобылица, ожившая гроза! И вот она сейчас смотрит на него кротким, нежным взглядом добродетельной супруги...

Сколько же времени они потеряли даром?

Кольнула мысль: повторится ли это когда-нибудь?

А почему он сомневается? Конечно, повторится!

— Проводи меня, — попросила Алтен. — Темнеет. Пока дойду, ночь будет.

— Нет, ты не пойдешь никуда, — твердо молвил Макеев. — Как владыка этого города я повелеваю тебе остаться.

Она не ответила...

Он внимательно посмотрел женщине в глаза. И замер — они вдруг полыхнули силой и мощью потустороннего мира, его темными ветрами и вечностью...

— Алтен, ты...

А волшебница вдруг забыла, отринув от себя все мысли и чувства, оглохла, ослепла и потеряла способность говорить. Неведомая сила легко втянула ее в омут и закрутила в разноцветном вихре. Женщина не ощущала тела, она летела через синие, лиловые, изумрудные, черные, розовые бурные потоки...

Потоки реальности, целые миры и пространства, которые перепутывались между собой... Она видела Аргуэрлайл в руинах, людей — измученных, оборванных, с детьми на руках, огромный, застилающий все дым исполинских пожаров. И над всем этим, в развевающемся плаще, с воздетыми к багровому небу руками человека с лицом, изуродованным давним пламенем... Видела тело человека, изуродованное, сожженное, за искореженным пулеметом и почти узнавала его...

Но уже через секунду она пришла в себя, обретя спокойствие и равновесие. Увиденное хотя и напугало ее, однако она не сомневалась, что Высшие приоткрыли ей тайну будущего. Но как все, владеющие магией и тайными знаниями, она знала, что будущее может измениться или его можно изменить.

— Все в порядке, — бросила она, — мой повелитель. Твоя подданная повинует... И спрашивает, не против ли ты дать ей кров, защиту и... детей?

Октябрьск/Тхан- Такх. Академия

Этот просторный флигель во дворе Замка мало чем отличался от обычных домов Октябрьска. Разве что крыша была застлана рубероидом, да окна застеклены хорошим стеклом, а не собранным из осколков или бычьим пузырем, как у аборигенов, и к коньку крыши подходили провода.

Медная чеканная табличка на массивной двери гласила: «Академия». И располагался за ней городской центр научной мысли.

Заводить ее или не заводить — проблем особых не было, хотя немало пришлось поспорить на тему — зачем именно она нужна и чем будет заниматься.

Всплывали вопросы: подчинять Академии школы или не надо; включать ли в ее президиум глав инженерной или медицинской службы и т. п. Под конец все же решили, что пусть умники занимаются более-менее чистой наукой и перспективными вопросами. При организации этого храма науки за образец взяли бывшую секретную лабораторию 13-го управления КГБ СССР. Ее

же не вывезенное во время эвакуации на Большую землю оборудование пошло в ход для создания академических отделов.

В настоящий момент в Академии состояло восемь человек — все бывшие солдаты и бывшие студенты, по той или другой причине загремевшие в армию в интервале от первого до пятого курса.

Один историк, один химик, один филолог, один биолог, один астроном, один агроном и один математик — почти что всякой твари по паре. Кроме того, имелся один геолог, Султан Хамидов из грозненского нефтяного, но особой пользы от него, увы, не ожидалось. Ибо мало того, что он отучился два неполных курса, так еще основным занятием его было капитанить в институтской сборной по волейболу.

Сейчас он по обыкновению отсутствовал — вместе с компанией местных рудознатцев отправился в очередную поездку в поисках каких-нибудь полезных ископаемых. Причем непонятно было: то ли старики Серто Сеи и Танобар были при нем в качестве свиты, то ли он у них в обучении.

Нет, бывших студентов разных институтов, университетов и техникумов здесь набиралось человек тридцать — сорок, но в итоге большую их часть разобрали технические службы и гарнизонная школа, так что в Академию попали либо гуманитарии, либо знатоки уж совсем далеких от практики специальностей. Даже выпускника ветеринарного техникума, добряка Колю Тарина Макеев своей командирской волей определил в медслужбу — набираться ума у Гены Тупикова.

А возглавлял это почтенное заведение старший научный сотрудник, специалист по волновой оптике Вечный Вадим Павлович, тридцати пяти лет от роду.

Надо сказать, оказался он тут случайно — его выдернула в Аргуэрлайл научная группа при штабе Тихомирова. Те с чего-то решили, что исследование свойств здешней ионосферы (и впрямь довольно странных) может сильно пригодиться при решении вопросов дальней загоризонтной локации. Для чего с ближайшего объекта и был затребован специалист соответствующего профиля — одинокий и не имеющий близкой родни. Тамошним начальникам, само собой, никто ничего не объяснял, поэтому те поступили так, как обычно поступают в таких случаях — прислали самого никудышного из подвернувшихся под руку, а ко всему прочему, еще и склонного время от времени впадать в запой (из-за чего Вечный и развелся незадолго до вызова). Брак не был обременен детьми, родителей он давно похоронил — чем не кандидат?

По причине пьянства он-то и остался тут после Эвакуации. Уже свернув и отправив исследовательскую аппаратуру, новоявленный завлаб обнаружил ни много ни мало — полуторалитровую емкость с чистым спиртом для протирки контактов. Недолго думая Вадим Павлович наскоро составил акт о списании спирта в «результате естественной убыли» и принялся употреблять его, разводя водой и закусывая вялеными сусликами.

При этом итээровец наивно думал, что уж его-то, ценного спеца, тут не забудут и в крайнем случае погрузят в транспорт в бесчувственном состоянии. Но, увы, подвел обычный в таких случаях бардак, когда научники решили, что Вечный Вэ Пэ был эвакуирован по военной линии, а военные — что по научной. В итоге его, только-только протрезвевшего, обнаружил в полуподвале бывшей лаборатории патруль, первым выдвинувшийся в город после схлопывания дромоса.

На штатского интеллигента факт того, что он остался в чужом мире и, видимо, навсегда, произвел весьма угнетающее впечатление, в результате чего его, пропившегося не то что до трусов, а даже и спустившего и самые трусы, через неделю пришлось забирать из местного шалмана...

После отсидки на гарнизонной гауптвахте и торжественного обещания Макеева, что при повторении подобного безобразия он приставит к нему круглосуточный конвой, Вадим Павлович зарекся притрагиваться к хмельному. А вскоре занял место сперва главного научного консультанта при штабе, а затем и главы новосозданной Академии. И с головой ушел в работу, ибо ее было, что называется, непочатый край.

Потому как проблемы им предстояло решать почти неразрешимые.

Вечный, как и почти всякий советский итээровец, почитывал в своей земной жизни научную фантастику и, конечно, был знаком с книгами, в которых группа космонавтов на чужой планете или просто людей, перенесенных еще каким-то непонятным способом черт знает куда, принималась бодро строить цивилизацию на пустом месте.

Сейчас он бы мог многое сказать авторам сих сочинений об их умственном уровне и практической пригодности советов.

И что самое простое — никто не предусмотрел такой проблемы, как отсутствие необходимых книг. Потому как из всех научных трудов в распоряжении октябрьских академиков оказалось ровно три замусоленных автотехнических справочника, один древний справочник по электротехнике, обнаруженный в сортире (половина страниц уже была использована), и большая пачка медицинских брошюр, посвященных опасности венерических болезней, брошенная в госпитале.

Были еще обнаруженные на антресолях политотдела разрозненные тома Полного собрания сочинений Ленина, несколько томов «Ленинским курсом» пера покойного Брежнева да с полдюжины книг по марксистско-ленинской философии, дополненных руководством по комсомольской работе.

Но пользы от последнего не было даже теоретической, поскольку комсомольская организация гарнизона, согласно постановлению общего собрания, приостановила свою деятельность.

Подумав, Вечный с командой, при подсказке кого-то из ребят, нашли выход. Всякий — будь то солдат или офицер, получил по самодельной тетрадке из газетной бумаги и строгий приказ Макеева — один на всех — записать в нее все, что он вспомнит полезного из школьного курса наук.

Заодно новоиспеченным академикам поручили переписать в специально для того заведенные журналы, кто из офицеров и бойцов гарнизона какие книги читал в прошлой жизни, чем интересовался, чем занимались родители, чтобы в случае чего не искать, кто может хоть чего-нибудь подсказать. Эти тетрадки, аккуратно переплетенные, заняли почетное место на алюминиевых стеллажах в библиотеке Академии, расположившейся в каменной пристройке флигеля, куда был строжайше запрещен вход с открытым огнем.

И вот сейчас, в самой большой комнате флигеля сидели пятеро — почти все действительные члены Академии, за вычетом филолога Владимира Васильевского, который в компании бывшего сарнагарасхальского писаря Ирметты был занят составлением полного словаря всеобщего языка. Сидели они тут в ожидании визита высокого начальства, обсуждая текущие дела — и, между прочим, разговор сейчас касался как раз любимого детища Владимира — разработанной им для местных наречий азбуки на основе кириллицы.

«Составлением» — это, пожалуй, громко сказано. Васильевский всего лишь добавил к обычным буквам десять значков местного слогового письма для обозначения звуков, неизвестных в русском, да снабдил каждый значок изображением животного или предмета, на него начинающегося, вот и вся азбука. Но именно ее стали изучать с нового учебного года в обеих городских школах.

— Вот вы зря говорите, что все это ерунда, — вздыхал агроном Борис Загородный. — Возимся мы, возимся с этой резиной, корешки эти — сагыз поганый — выжимаем и выпариваем, ночей не спим, в архивах роемся, а между прочим, запомнят-то не нас, а Васю — его азбуку будут и через тысячу лет изучать.

— А без нашей резины, — буркнул химик Степан Стойкий, — машины уже через год встанут. Ну и рассуди, кто полезнее?

— А я так скажу: Володька, между прочим, зря на этом алфавите заиклился, — рассудительно изрек Петр Пустынный, по прозвищу Петюня. — Дело оно хорошее, но его мало: нужно тут книгопечатанье внедрять. Потому, как говаривал наш профессор Фридман, книгопечатанье — это величайшее изобретение рода людского, наряду с колесом, огнем и выплавкой металла. Оно-то цивилизацию и перевернуло!

— Так вроде ж тут есть какое-то? — подал голос Павел Хромов, астроном. — Мне тут привезли местный звездный каталог — Гордур все никак не переведет. Так он напечатан, хоть и скверно.

— Да знаю, — махнул рукой Петр. — Вырезают, как наши древние китайцы, целиком на досках и штампуют — замудохаешься, пока свиток один выпустишь. Нормальную печатню нужно делать, с литерами, с наборной кассой. Бумагу тут делать умеют, так что... Книга — это рычаг, которым можно перевернуть мир, — важно поднял он вверх указательный палец. — Не зря всякие мракобесы с ней боролись, да печатников первых на кострах жгли!

— Складно говоришь! — преувеличенно восхитился историк Вадим Резник. — Слушай, ну все-то ты знаешь, умник! Давно хочу тебя спросить: и за что только тебя, такого умного, выгнали из института?

— За аморалку, — ответил Петюня и грустно уточнил: — К доценту по пьяной лавочке приставать начал.

— Ййоо!! — синхронно издали неопределенный звук Вадим и Павел, только что не открыв рты от изумления.

— На дне рождения, — продолжил между тем Пустынный. — Пригласили меня к профессору Фридману, я и выпил крепко. Не знаю даже, как вышло, целоваться полез к доценту Поричкиной да еще блузку растянул. Хорошо хоть юбку не успел задрать, а то исключением не обошлось бы...

— Тьфу ты! — сплюнул Вадим. — А я уж подумал...

Он не стал уточнять, что именно он подумал, все и так было ясно.

— Старушку-то инфаркт не хватил? — усмехаясь, спросил кто-то.

— Какая старушка? — пожал плечами бывший филолог. — Ей всего тридцать три года было; разведенная, ребенок. Про нее говорили всякое, ну я и подумал...

— Ага, подумал он! — хохотнул Стоцкий. — Понятно, чем ты думал! Известно, какой головой думает наш брат в такой момент!

— А вот и нет! — не согласился Резник. — Петр-то наш Германович как раз думал, чем надо! Думал небось, что теперь все экзамены будет сдавать в постели у доцентихи!!

— Вот потому-то у нас наука и отстает от американцев, — рассудительно указал Борис, — что мы зачеты с экзаменами пытаемся сдать в обход правил.

— Да ладно, отстает, — заступился за отечественную науку Хромов. — Это все разговорчики.

— А почему тогда у нас нормальный магнитофон сделать не могут? — едко осведомился Загородный.

— Еще спроси, почему нормального лекарства от насморка до сих пор не изобрели?

— Ты лучше скажи, отчего средства от похмелья до сих пор не изобрели?! — воскликнул математик ефрейтор Круглов. — Почему эти умники нормальным мужикам помочь не хотят?

— А чего? — нашелся Павел. — Ты рассолу попей — лучше этого все равно ничего не придумаешь...

Запнувшись, он вскочил, и примеру его последовали остальные — в дверях появился Макеев в сопровождении Вечного.

— Ну что, товарищи *прохфэссоры*, — иронически начал майор, садясь. — Все гогочете так, что на полгорода слышно? А дело делать кто будет? Науку и прогресс двигать? Вы, между прочим, паек по высшему разряду получаете, отборное вино из государственных погребов жрете, да еще жалованье платят. По три монеты в месяц! И где результаты? Вот даже товарищ Вечный на вас жалуется! Может, вас монет лишить? А то сил слишком много на веселых девок уходит?

— Обижаете, товарищ председатель городского Совета! — поднялся Круглов. — Вот!

И жестом фокусника вытащил из-под стола обтянутую сафьяном коробку, водружая ее перед Макеевым. — Заказ партии и правительства выполнен!

— Ну, зачем так официально? — поморщился Александр.

С любопытством заглянул внутрь и увидел закрепленную на полированной сосновой дощечке солидную катушку тонкой медной проволоки, намотанную на вырезанный из коры

горного дуба цилиндрик. В катушку упирался гнутый медный стерженек с набалдашником резной кости, закрепленный на дощечке медной заклепкой, на которую в свою очередь была насажена рамочка из такой же проволоки. В гнезде, закрепленный застывшим копытным клеем, тускло поблескивал серый кристалл.

Все это дополнялось проводом в лакированной суконной оплетке, один конец которого крепился к катушке, а на другом сидела увесистая обтянутая кожей корзинка.

— Прощу любить и жаловать! — жестом фокусника Круглов воздел указательный палец к трещиноватому потолку. — Командование заказывало надежное средство связи — и вот оно. Детекторный приемник Октябрьск-1. Хочу особо отметить, товарищ Макеев, все сделано исключительно из местных материалов. Проволока вытянута в наших Артмастерских почтенным Эгорио из красной меди, кристалл — сульфид свинца из местных свинцовых рудников.

— И наушники? — подозрительно спросил майор.

— Так точно, — отрапортовал вступивший в разговор Вадим. — И железо сами намагничивали, и мембрану подбирали — слюда в дело пошла... И все — сами!

(Тут он слегка погрешил против истины, ибо в работе над этим чудом техники им здорово помог бывший сослуживец по хозроте Вениамин Иртенин — на гражданке радиолюбитель, ныне трудившийся в магической школе у Артема Серегина.)

— Вот с этой антенной, — указал он на стоящий в углу шест с натянутой на раму паутиной проволоки, — аппарат спокойно ловит наши стандартные армейские радиостанции на сто или сто двадцать км! По крайней мере, дозор у Трех Скал принимал наши передачи. Сейчас экспериментируем с ртутной антенной — при удаче радиус уверенного приема возрастет до тысячи.

— Понятненько... — удовлетворенно протянул Макеев. — А как с передатчиками?

— Вот с этим хуже, — нахмурился Резник. — Сами понимаете, Александр Петрович, ни ламп, ни транзисторов мы делать не можем, а схему искровой рации никто толком не вспомнил. Но мы работаем...

— Хотя бы с магами пообщались, что ли, — недовольно пожал плечами Макеев. — Может, они какую-нибудь финтифлюшку сообразят. Ну, ладно, хвалю, — кивнул он напоследок. — Закажите у кого-нибудь в слободке для этого чуда ящик покрасивее — отвезем Ильгиз, подарит какому-нибудь хану. А что со всем остальным?

— Работаем, — повторил Вадим и умолк под посуровевшим взглядом отца-командира.

— Товарищ Макеев. — Вечный решил, что самое время выручать подчиненных. — Мы уже почти закончили установку вулканизации каучука. И хотя с сырьем проблемы, но в течение месяца-двух дадим первую партию. Мы бы все сделали и раньше, но в этих чертовых корешках исходного продукта кот наплакал, да и расширить плантацию нет возможности — просто не хватит людей.

— Так, а что с лекарствами?

— Александр Петрович, вы же понимаете, — заблеял Вечный, — нормальной химической посуды нет, никого, кто знал бы фармацевтику даже приблизительно, тоже нет.

— Да, как ни хватишься, ничего нет... И, товарищи, вот этот приемник, — хлопнул Макеев по крышке приемника, — кажется, первый полезный продукт, который вы выдали.

— А как же железо? — обиженно проворчал Петюня.

— Железо железом, но там половина заслуг не ваша, а опять же уважаемого Эгорио Самтара.

Тут Макеев пожалел о сказанном, ибо заслуга главы городских кузнецов, конечно, имелась, но не столь великая. А дело было не такое уж простое.

Как они имели возможность убедиться, железо тут производили тем же способом, что и в древние времена в их мире. В земляных горнах — просто выкопанных ямах, где огонь раздували ручными мехами, научно выражаясь — «сыродутным способом».

Дымная кузня, два-три молотобойца и батрак-углежог — вот и все производство.

Если удобные для разработки залежи руды имелись поблизости, то и целая деревня могла заниматься производством железа, но такое было возможным только при наличии устойчивого и выгодного сбыта продукции.

В ходу кое-где, как с удивлением узнали земляне, были каменные топоры и костяные наконечники стрел.

Впрочем, как сообщила все та же Академия в лице Резника, каменным и костяным оружием всякие чухонцы и пруссы отбивались от крестоносцев еще в тринадцатом веке (с исторической точки зрения — совсем недавно). У тех же степняков сословие бродячих кузнецов пользовалось неприкосновенностью во всех больших и малых усобицах, и лишь крупный и богатый род мог позволить себе иметь своего мастера — притом, что они сами железо не добывали, а покупали у соседей.

Поэтому-то торговля, например с Южными Танствами, была жизненно нужна Степи — именно они давали львиную долю всего железа. Кузнецы высокого класса могли хорошо выполнять кузнечную сварку, тянуть проволоку, лить медь и бронзу — не более. Имелись и настоящие искусники-оружейники, из-под рук которых выходили истинные произведения искусства, но таких было немного.

Ознакомившись с ситуацией, Макеев решил, что свое металлургическое производство Октябрьску просто необходимо. И не потому, что им грозил недостаток металла — запасов лома, если не транжирить, должно было хватить надолго. Но, во-первых, Александр думал о перспективах, а во-вторых, как он уже знал, железо тут стоит дорого, и торговля им может стать неплохим подспорьем для гарнизона. К тому же у коренных обитателей Степи появится лишний повод дружить с городом — дешевое железо.

Свое доменное производство было, собственно, первым, чем он загрузил академиков. Предварительно пообщавшись с землянами и порывшись в заветных тетрадках, а заодно побеседовав с городскими кузнецами. Через полгода академики выдали на-гора проект. До полноценной домны он недотягивал, но на голову превосходил все, о чем слышали умельцы мира Аргуэрлайл.

Позже кто-то вспомнил, что разработанное ими чудище именовалось штукофен и было изобретено в Китае чуть не двенадцать веков назад. Но, поглядев на получившееся и недоверчиво похмыкав, старшина железоделов Эгорио Самтар вдруг истово, в пояс поклонился оторопевшему Вечному.

Да и сам Александр впечатлялся. Это действительно была всем печам печь — высотой метра под четыре, с четырьмя огромными мехами из верблюжьих шкур, качавшихся здоровенным колесом, к которому был приспособлен двигатель от мотоцикла. Печь имела дверцы для вытаскивания крицы и мощное поддувало.

Несмотря на все опасения, первая же плавка дала раз в двадцать больше, чем обычные тигли, — крицу с трудом вытащили ломом восемь самых сильных молотобойцев. В ней оказалось почти сорок пудов.

Причем мало того что железо было куда лучше качеством, чем местное, так еще обнаружилось, что крицу покрывает слой самой настоящей стали.

А был еще и чугунок, из которого удалось отлить в заранее приготовленные формы с дюжину неплохих наковален, несколько котлов и жаровен. А получившаяся сталь вполне годилась для качественного инструмента.

Только с одной плавки они обеспечили городских кузнецов работой на месяц.

Покинув Академию, Макеев вернулся к себе, размышляя, что все же, как ни крути, а самым сложным оказалась не выплавка железа и даже не радиосвязь — сделали приемник, рано или поздно сделают и передатчик. Придет время — будут и свои движки, в крайнем случае паровые машины.

Но вот люди...

Как быть с людьми? И со своими соотечественниками, которые уже привычно покупают себе наложниц-рабынь у окрестных жителей и рассуждают, что недурно бы, если бы этот товар начали привозить купцы. И с аборигенами, которых можно заставить повиноваться, но которых нельзя заставить понять, казалось бы, простые вещи...

А из-за этого были уже немалые проблемы.

Вот хотя бы школы.

Одним из первых приказов Макеева, как гражданского правителя, стал приказ об организации школ и обязательном их посещении детьми.

Почесав затылки, жители Октябрьска из числа местных (земляне-то еще не успели обзавестись потомством школьного возраста) смирились. Ну, взбрело владыке города учить их детей грамоте и счету — может и пригодиться. Нойон в своем праве: хочет — сдирает налогами семь шкур, хочет — заставляет детей чертить значки на черной доске.

Но что началось, когда объявили, что в школы должны ходить и девочки!

Признаться, Макеев даже оробел, увидев явившуюся к Замку толпу в несколько сотен взрослых ражих мужиков — отцов семейств.

Он принял депутацию и битый час пытался что-то им доказать. Даже под конец перешел к угрозам...

Все одно даром — эти медные лбы ничем нельзя было прошибить!

Правитель, конечно, ты, и власть твоя, но только всегда так было: князь, сардар или хан — владыка в земле, а отец — владыка в семье. Нет на то нашего согласия, чтобы девки учились! Да слыханное ли то дело?! Чтоб соплюхи грамоту знали! Или баба ученая будет лучше детей рожать да мужика ублажать, или там похлебка у нее вкуснее будет? Грайнитки да прочие магички? Это ихние дела, те девки, что к ним уходят, — ломоть отрезанный, для семьи они что умерли. Чтобы женщина была купцом? Может, в каких тридевятих странах это и бывает, хоть и не верится, но в их земле такого отродясь не водилось! Нет нашего согласия на такое. Ежели, сардар, такова твоя воля, то мы тут жить не будем, а уйдем, куда боги да предки укажут...

Макееву пришлось уступить — единственное, что он отстоял, — это обязательное обучение грамоте и русскому языку местных жен землян. Тут, как ни странно, возражений не было — разве что главы семейств потребовали, чтобы явиться в школу тем особо приказали их мужья — ведь муж господин в семье. Захочет — выгонит из дому в чем стояла, захочет — в школу отправит, захочет — в бордель, деньги зарабатывать.

Так что, кроме девчушек из поселившихся окрест кочевых семей, — у тех почему-то не было предрассудков ни относительно школы, ни насчет того, чтобы обучаться вместе с мальчишками — образование слабый пол Октябрьска успешно игнорировал. Разумеется, могло показаться, что дело не столь важное. Ну, не хотят дочерей в школы отдавать — рано или поздно поймут. Не они, так их дети, сами в школах учившиеся.

Александр даже находил своеобразное утешение, вспоминая рассказы прадеда, воевавшего в уже далекие двадцатые в Средней Азии. Тот тоже говорил, как даже беззаветные борцы за власть Советов из числа узбеков и туркмен, храбро шедшие под басмаческие пули и не щадившие ни себя, ни других в бою и вроде как вполне одобрявшие снятие паранджей с чужих жен, вдруг оказывались на удивление косными, когда речь заходила об их собственных супругах или дочерях, или, скажем, вставал вопрос о желании взять вторую или третью жену.

Но это помогало лишь на время, потому что из таких вроде мелочей складывалась удручающая картина. И приходило все острее понимание, что против них, против Октябрьска, против гарнизона — весь Аргуэрлайл.

И никакая Академия, будь в ней даже не пара студентов-недоучек, а даже дюжина настоящих академиков тут, скорее всего, ничем помочь не могла.

Эуденоскаррианд. Танира — третья столица империи

— Я вот что хочу давно спросить, досточтимый Шарго. — Костюк поднес крошечную чарку разведенного «ледяного вина» к губам...

Его собеседник, весьма уважаемый в Танире негодичант и глава насчитывавшего уже четыре поколения торгового дома, полулежал, опершись на локоть, на лежанке в одной из гостиных своего дома в Речном квартале северной столицы.

Жилище у Шарго было по старой имперской моде круглое, глухими стенами наружу, они окружали внутренний дворик. Во двор выходили приемная, кухня, кладовки, купальни, комнаты

челяди, а наверху вилась галерея с дверями в жилые покои хозяина, его жен и детей. А еще в домовую молельню с фигурками предков и духов покровителей.

Сейчас Шарго принимал гостя на втором этаже, в личных покоях, а не в гостиной, что являлось доказательством особого внимания и расположения.

На столе перед почтенным купцом ютились две маленькие чарочки и бутылка черного стекла с дорогим непростым напитком — вином, вымороженным по зиме на вершинах гор Миразу. Тут же стояла и недешевая, под стать напитку, закуска: нарезанные колечками вяленые щупальца красных головоногих из Серого моря и тертая с пряностями и маслом редька.

— Так вот, давно хочу спросить...

Костюк подсчитал выпитые чарки и удовлетворенно хмыкнул про себя. Ему-то, особо обучавшемуся пить не пьянея, да к тому же в своем мире привычному и к более крепким напиткам, это, что называется, было как слону дробина, а вот у купчины нос покраснел и глазки заблестели.

— Ведь ваш дом ведет обширную торговлю с Западом... Я смею думать, что недурно знаю Великую Степь, по крайней мере, до восточных границ бывшего Сарнагарасахала. Знаю Южные Танства и государства побережья Лилового моря, хоть и нечасто там был. Смею думать, что и порубежье вашей хранимой небом империи тоже знакомо мне. Но вот о том, что лежит за ее закатыми пределами, представления у меня самые смутные. А вы отправляете караваны и в такие сказочные земли, вроде царства Чарнар или Зеленого побережья...

— Ох, друг мой Синти... — Дородный торговец искренне рассмеялся так, что живот его под складками парчи дорогого кафтана ощутимо заколыхался. — Очевидно, новости доходят до ваших краев с большим опозданием, ибо Чарнара уже нет. Он завоеван пришедшим с севера, из долин Фраччи, диким и воинственным народом — алыми поясами. Хотя странно, друг мой, что вы спрашиваете о Западе. Им и в нашей стране мало кто интересуется, а уж в ваших землях... Да я вообще удивлен, что вы о нем что-то знаете! — рассмеялся собеседник.

Разведчик лишь изобразил на лице полное внимание.

Западом тут называлась вся совокупность больших и малых варварских держав и державок, раскинувшихся по горам и лесам от трех южных морей до нагорья Фраччи.

— Потому и спрашиваю, что находится там, за Чарнаром, поскольку у нас о тех краях почти никто не слышал. Так что же там дальше, почтенный Шарго?

— Где? — удивился тот.

— Так за Чарнаром же. Какие города, какие великие царства там есть?

Вопрос гостя поставил хозяина в тупик.

— Собственно... — замялся он с усмешкой на губах. — Некогда там существовала большая империя, великое царство — за морем Зари. Наши императоры прошлой династии торговали с ней. Не помню, как она называлась, но столица ее была сравнима с городами Эуденоскаррианда. Город этот и сегодня есть, уважаемый Синти. Но раньше он был огромен и богат, а теперь на месте прежних улиц пасут коз и сеют хлеб. Там много развалин, а людей мало. А ведь он был густо населен, вы не поверите, чуть не в половину нынешней столицы. Но потом держава пришла в упадок, ее захватили варвары, все те же алые пояса... Откровенно сказать, — он понизил голос, — очень хорошо, что Фраччи не может дать прокорм для слишком уж большого числа народа. Иначе эти проклятые всеми светлыми богами дикари добрались бы и до наших земель. Нет, конечно, я не сомневаюсь, — словно спохватился купец, — что наши воины отогнали бы этих дьяволов обратно, до их бесплодных гор, но зачем нам лишние хлопоты.

Негоциант Синти Роча закивал, соглашаясь с этой мудрой мыслью, но замаскированный под его личиной разведчик Алексей Костюк лишь улыбнулся про себя, потому как Фраччи было изрядной проблемой для соседних народов.

Это огромное ледяное нагорье стеной вздымалось в двух месяцах пути к закату от пределов империи. Его северные отроги, говорят, соединялись с местной Гипербореей. Или как тут говорили, Раара-Танхрисо. Название пришло даже не из прошлого, а из позапрошлого мира, и значение его было неизвестным. Этот молчаливый материк, окаймленный тайгой и лесотундрой,

считался в местных мифах обителем всякого древнего зла, спящего и ждущего своего часа на дне замерзших внутренних морей и в глубине пещер.

Так это было или нет — сказать нельзя, но жители этой части мира свято в оное верили, полагая аборигенов Фраччи наследниками древнего зла. Те были почти непобедимыми в бою жестокими воинами, владеющими непонятым колдовством, и поклонялись особо кровожадным богам во главе с великим Цо, лучшим подношением которому были черепа убитых врагов. Воины Фраччи, угрюмые рыжеволосые исполины, закованные в железо до глаз, издревле спускались со своих вздымающихся до небес гор грабить и громить города и веси, чтобы вернуться с добычей для себя и черепами для своего бога.

— Ну а еще дальше? — нетерпеливо осведомился Синти-Костюк.

— Там тоже есть города, уважаемый. Говорят, что часть этих городов захватили все те же пояса. Множество маленьких царьков и князьков правят этими городами и теми землями, куда могут быстро доскакать их кони. День пути, не больше. Эти цари постоянно ссорятся друг с другом... А о прошлом величии напоминают лишь руины стен и громадных каменных храмов — они похожи на выдолбленные горы. Ну вот. А кроме этого, боюсь разочаровать вас, уважаемый, кроме этого... ничего. Ни-че-го. Увы...

Хозяин с грустными вздохами поправил складки тяжелой дорогой одежды, украшенной шитым бисером нагрудником с большими тонко вышитыми птицелюдми.

Костюк благодарно склонил голову, всецело признавая превосходство подданного просвещенного и великого царства над собой, всего лишь слегка пообтесавшимся варваром.

На Шарго он вышел с помощью Притоса Сенно. Подумав, он прикинул, что для начала ему нужен будет именно такой человек — достаточно влиятельный и с именем, но одновременно не вознесшийся еще слишком высоко, чтобы без пренебрежения отнестись к иноземцу. Дальше уже в ход должны были пойти связи нового знакомого в местной верхушке...

Все как обычно, как знал он еще из земной истории. Мелкие чиновники, их жены, наложницы их начальников, их евнухи и поставщики двора. Подарки, лесть, выгодные заказы... И лишь потом — нижайшая просьба замолвить словечко перед господином.

Но это, естественно, лишь в том случае, если его план будет утвержден Макеевым. А вот если градоначальник вдруг упрется...

Вообще-то и на этот случай у капитана были кое-какие соображения.

Додумать эту мысль толком Алексей не успел.

Тишину особняка нарушил громкий настойчивый стук, и через минуту в дверь просунулось лицо слуги с округлившимися глазами.

— Хозяин, — прошептал он страшным шепотом, — там снаружи стража... С ними какой-то человек из Лазуритового дворца — с пайцзой. Спрашивают вашего гостя.

Никакое предчувствие Костюком не завладело. Он просто поднялся следом за Шарго и вышел.

Во дворе его глазам предстала такая картина — шесть человек держали на плечах крытый паланкин, а за ними стояли еще четверо слуг с какими-то длинными свертками на плечах. Чуть дальше маячили четыре конных стражника с короткими пиками у седла.

Человек, выбравшийся из паланкина, был одет как чиновник невысокого ранга — ничем не примечательный внешне тип лет под сорок.

— Здесь ли присутствует инородец, гость хранимого богами Эуденоскаррианда, торговец Синти Роча? — надменно прозвучал вопрос.

— Да, почтеннейший, это я, — не дожидаясь реакции Шарго, сообщил капитан, выходя вперед.

Страх не было, лишь ощущение нереальности происходящего.

— В таком случае тебе придется проследовать за нами по велению главы палаты иноземцев.

И, повинаясь жесту руки, следовавшие за ним пешие сняли с плеч свертки и принялись сооружать из них простенькие крытые носилки.

«Первый раз в жизни прокачусь в паланкине!» — подумай Алексей, влезая в них.

Чиновник нетерпеливо мотнул головой, конники молча развернулись и тронулись.

Двигались они долго, но что насторожило Костюка — все больше какими-то закоулками и тупичками. С чего бы это посланцам наместника прятаться от глаз народа? А потом они оказались в одном из дорогих кварталов города, перед воротами солидного здания.

Этот дом ничем не отличался от обычного особняка средней руки в северной столице. Двор, подведенный под тяжелую острую крышу, переходящую в кровлю дома, массивные ворота, галереи и окошки-бойницы. Крыша его была крыта потемневшей от времени черепицей, а изогнутые гребни крыши оканчивались мордочками стихийных духов, изготовленными из резного известняка. Жилище солидного богатого купца, в меру знатного дворянина или чиновника высокого ранга — причем из наследственных, а не из выслужившихся и не из скоробогачей (те обычно свои жилища украшают куда внушительнее — тонкая резьба по дорогому дереву, глазурированная черепица, золоченые статуи духов-хранителей)...

В дворике глазам капитана предстал живописный сад с замшелыми валунами. Через прудик был перекинут ажурный мост, с которого по старинным канонам полагалось любоваться отражением луны в воде, а напротив мостика — небольшая ажурная беседка с заостренной кровлей — в таких проводили погожие дни за беседами и рукоделием жены и наложницы хозяина. Но сейчас беседка и мостик были пусты...

Оказавшись в обширной передней, Костюк кое-что отметил. А именно — некий преувеличенный порядок и ощущение безлюдности, словно дом этот был давно оставлен хозяевами. Не было слышно хлопотливой возни слуг, детских криков или шагов обитателей. И еще запах.... Алексей не обратил бы на это внимание, не будь он настороже.

Жильем этот странный дом не пах абсолютно. Ни тебе женских духов, ни благовонных масел и ароматических палочек, ни аппетитного духа кушаний, доносящегося с поварни.

Зато ощущался привычный канцелярский дух — пыльной бумаги и затхлых темных комнат — архивов и хранилищ. А еще — пота, крепко выдубленной кожи и железа с оружейной смазкой. Запах солдат, причем бывающих тут не от случая к случаю, а постоянно. Это не жилой дом, а нечто совсем иное. Конспиративная квартира? Явка какого-то местного тайного общества?

Провожатый отвел Алексея в дальний конец низкой галереи, после чего молча удалился.

Затем открылась неприметная дверь, и в комнату шаркающей походкой вошел старый человек в длинном синем одеянии — форме чиновника. Его седые волосы покрывал чиновничий черный колпак с рожками. Только вот поверх форменной куртки на нем была накидка зеленой парчи с шитым золотом воротником, а на груди алым был выткан большой единорог, что само по себе о многом говорило на фоне обычных символов местных бюрократов. У Притоса Сенно, например, была лисица...

И число рожков на шапке переваливало за десяток.

Человек этот был стар, хотя и нельзя было сказать, сколько ему лет — шестьдесят или все восемьдесят. Тем более что в здешнем мире капитану вообще редко доводилось видеть глубоких стариков. Этот чем-то напоминал пожилую облезлую обезьяну, которая все повидала на своем веку и которая буквально про все могла сказать: «Я это уже видела, тут и смотреть не на что». Он спокойно, как ни в чем не бывало, уселся за столик напротив гостя, где стояла старая и лишенная намека на изящество каменная чернильница. Все три ее отделения были открыты, и внутри них, как и полагалось, масляно поблескивала тушь всех четырех цветов официальной переписки — черная, серо-серебристая, красная и густо-лазорева. Рядом взор разведчика углядел несколько тростниковых каламов и стопу желтоватой камышовой бумаги худшего сорта.

«Старая обезьяна» перевела на Алексея взгляд, на мгновение ставший очень внимательным, а потом ее глаза в складках кожи снова устремились поверх его головы.

Разведчик молча поклонился. Всю дорогу сюда он прикидывал, кому и зачем мог понадобиться.

Конечно, местным могло показаться подозрительным его знакомство с Сенно или расспросы между делом среди офицеров и купцов. Но, в конце концов, он не собирал информацию принятыми тут способами, не пытался пролезть в военную канцелярию или завести знакомство с придворными.

Теперь же дело совсем запутывалось. Пусть в нем, допустим, подозревают шпиона. Но рядовыми шпионами мелких царьков не занимаются столь высокие особы.

— Позвольте же поприветствовать вас, господин Синти, — начал хозяин. — Недостойный слуга государя нашего позволил себе отвлечь вас от важных дел, но извинением послужит то, что и у нас, скромных слуг трона, тоже есть важные дела. И, возможно, эти дела таковы, что будут интересны даже скромному купцу из-за пределов империи. Для начала позвольте предложить вам горячего вина с ледяной закуской...

Костюк мрачно поклонился в ответ, машинально прорабатывая пути отхода... В доме наверняка есть охрана, человек минимум пять-шесть, и, скорее всего, они привыкли полагаться на мечи и кинжалы, а не на луки... Выходы из дома контролируются, и ворота тоже. Но вот задний двор, выходящий в уже знакомый проулок, через который привозят припасы, вывозят мусор и прочие отходы, — вряд ли. Ворота, несомненно, закрыты, но, насколько он помнит, там вроде росли деревья.

Впрочем, с какой стати ему убегать? В чем его могут обвинить?

Опять же неизвестно, сколько человек в доме и не затесался ли среди них искусный стрелок.

Алексей прислушался и с мрачным удовлетворением уловил где-то за галереями еле слышный звон металла. Так звучат пластиночки здешней брони.

— Да, извините мою невежливость, меня зовут Сухун Иворано Ир, — улыбнулся разведчику чиновник, показав редкие зубы. — Можете называть меня джагчер Сухун.

Эта короткая фраза позволяла узнать о собеседнике Костюка немало. Джагчер — один из трех высших гражданских чинов, присуждаемый именным императорским указом. Трехсложное, непривычно звучащее имя указывало, что перед ним не коренной эуденоскарриандец, а инородец. А то, что он дослужился до уровня, когда его судьбой занимается лично местный монарх, говорит, что человек этот имеет большие заслуги. Это в свою очередь означало, что дела Алексея или очень плохи, или совсем наоборот — судьба сделала ему драгоценный подарок.

— Наконец, — продолжил между тем хозяин, — я вот уже семнадцатый год не по заслугам своим занимаю должность начальника палаты по делам иноземцев.

— Вот как... — пробормотал Костюк в некоторой растерянности.

Им с какой-то стати заинтересовался не просто большой начальник, но человек, чьей работой было знать все о землях, лежащих за границей империи, и о гостях из этих земель в столице и других городах. А это означало...

— Ну а маленькое угощение, как вижу, нам уже несут. Ибо я все же пригласил вас как гостя и хочу вам сказать, что вы — очень уважаемый гость.

Тут здоровенный детина без тени мысли на лице, но со слишком умными и живыми глазами для тупого солдата, какого старательно изображал, возник у Алексея из-за спины и поставил перед ним на низкий столик поднос с двумя дымящимися чашами пряно пахнущего вина и блюдом с обложенными осколками прозрачного льда мелко нарезанными абрикосами, залитыми густыми сладкими сливками, — любимый тут десерт. К угощению прилагалась маленькая золотая лопаточка и столь же изящная золотая трубочка, из которой полагалось тянуть вино. Старик лично поставил перед гостем чашу вина, указал на местное «мороженое» и только после этого сел на низкую табуретку.

Костюк отхлебнул хмельного напитка и замер на миг, обнаружив, что его визави не притронулся ни к вину, ни к фруктам. Нет, вздор, зачем местному начальнику контрразведки травить какого-то там варвара? Есть масса куда более простых способов разделаться с ним.

Уловив его заминку, старик чуть улыбнулся и приложился к пиале, сделав большой глоток.

— Не правда ли, чудесный напиток? — осведомился Сухун.

Костюк закивал.

Чего же почти всесильному джагчеру нужно от скромного торговца с окраин Бесконечной Степи?

Отлично известно, что купцы и шпионы — понятия весьма часто совпадающие. Ведомо также, что купец — лицо неприкосновенное во время мира. Но и плата за это тоже известная. Если купца «пригласят в гости» (вот как его сейчас) и вежливо спросят о том, что он видел и знает, —

нужно ответить без утайки и честно. А если уж поймали на лжи, не обессудь — в лучшем случае потеряешь товар и лишишься права торговать в этой земле.

Может быть, его хотят просто завербовать? Тем более в Степи объявился этот, как его, Ундораргир?

— Итак, уважаемый, — произнес Сухун, допив вино, — теперь мы можем приступить к разговору. Да, мой *уважаемый* гость, хотя мало кто в империи знает, кто вы в действительности такой и до какой степени вы достойны почтения. Ну, а я *знаю*, — вымолвил веско, глядя прямо в глаза капитану. И продолжил, как бы ни в чем не бывало: — Здоров и благополучен ли сардар Сантор Макхей?

Костюк похолодел, так и замерев с чашей в руках.

Мелькнула мимолетная и нелепая мысль — кинуться на старую обезьяну и свернуть ей шею, а потом ринуться прочь. И тут же между лопатками выразительно зачесалось — видать, арбалетчик где-нибудь в тайнике под потолком изготовился к стрельбе.

Затем мелькнула мысль еще более нелепая и недостойная...

«Как, эти их мать, эти *первобытные* смогли расколоть меня!»

Но через доли мгновения Алексей вновь был собран и спокоен и, медленно поднявшись, поклонился — поклонился с неподдельным уважением человеку, который сумел его переиграть.

Октябрьск/Тхан-Такх. Дом Клементьевых

Надярга Клементьева сидела за столом, тщательно собирая автомат.

Железку к железке, деталь к детали, как учил ее муж, десятник, или, как тут говорили — «сьержанд».

Да, теперь она даже может сделать это с закрытыми глазами, а как было сложно и непонятно поначалу. Но она справилась, а как же иначе? Ведь она воительница, дочь Луны, и должна, если потребуется, подхватить оружие раненого.

А иначе она проявит неблагодарность к Ночной Лучнице, давшей ей мужа. Ведь у воительниц редко бывают мужья. Так повелось. И не потому, что это запрещали обычаи самих амазонок или иных племен. Просто издревле так повелось, что мужчин меньше, чем женщин. Войны, смуты и тяжелая жизнь забирают их чаще, чем женщин.

То есть мужчины могут выбирать. А кто из них выберет женщину, что под стать ему по силе и духу?

Но спасибо сестре по мечу Дарике. Та передала им весть про место, где мужчин больше, чем женщин.

Причем мужчин крепких да молодых (наверное, даже уж слишком молодых). Конечно, это не просто мужчины, а чужинцы, из иного мира. Но и они, воительницы Степи, не какие-нибудь темные крестьянки, чтобы бояться таких пустяков.

Мужчины как мужчины. Даже хотя и воины, уж больно мягки.

В кровати у глинобитной стены заворочался, захныкал ребенок.

Отложив наполовину разобранный автомат, она тут же взяла малыша, годовалого Павлика, торопливо расстегивая платье. Пора было кормить.

Пока кормила, думала про старшую дочку, Дарику, что опять в компании сорванцов с соседней улицы где-то бегала (нет чтобы матери помочь!).

Воистину храбрость-то у нее материнская, а вот ум не Надярги и не отцовский. Муж-то ее, Сантор, тезка сарадара, целых восемь лет в школе отучился, а Дарика, даром что лицом в него, за полгода учебы только три буквы освоила и считать до двадцати еле-еле! Потому что в голове одни шалости!

Бегают и в городе и за стеной, а там, не ровен час, — нетварь Неназываемый принесет, да и простую гиену или пару шакалов...

Тени за окошком удлинились.

Супругу пора бы вернуться, его стража на воротах уже завершилась. Не случилось ли чего? Ох! Как чувствовала.

Послышалось что-то похожее на стрельбу. Она замерла, напрягшись. На сегодня вроде назначены учения, да и у магов тренировки — выпускной год как-никак.

Да нет, вздор, если бы что-то серьезное, то объявили бы тревогу, и на весь город ревели бы сирены...

Она, стараясь успокоить себя, собрала автомат, как учил муж, примкнула магазин, но передергивать затвор не стада — опасности пока нет.

Возня с оружием ее не успокоила. Мужу пора вернуться из караула, а он задерживается. И стрельба эта...

Вроде не пристало амазонке тревожиться и бояться, но какая замужняя женщина не беспокоится о супруге? Только последняя дрянь, гиена в людском облике...

И про себя Надиярга Климентьева, в списках граждан так и числящаяся без отчества, ибо мать ее умерла, так и не назвав имени отца, начала машинально напевать старую песню амазонок, ждущих любимого из боя...

Небесный Воитель, услышь меня:

Я не трону больше меча и стрел,

Ни доспеха, ни коня,

Лишь бы мой любимый вернулся цел...

— Эй, женка! — послышалось за окном. — Встречай мужа!

Хвала Высочайшим! Вернулся...

Западная граница империи Эуденоскаррианд

На семнадцатый день караванщики увидели с очередного каменистого гребня неподвижно стоящие тоненькие столбики дыма в долине, а вокруг них — серые прямые стены города среди выгоревшей сероватой зелени.

А дальше, на склоне длинной гряды, сотни похожих на пчелиные соты крошечных отсюда пещер.

Это был Каралас — последний город из вассалов империи в восточных землях, стоявший на клубке караванных путей. Город множества гостиниц и пещерных храмов, с их летящими по каменным сводам улыбающимися духами и богами и сотнями и тысячами жрецов и служек.

Длинные буроватые глухие стены городских кварталов перемежались пустырями с десятками юрт и пасущимися степными лошадами.

Город казался странно пустым, лишь уже почти в самом центре его караван вышел, наконец, на базарную площадь с лавчонками, дувалами караван-сараяв, толпами людей и ароматами лепешек и баранины.

И на этой площади было немало вооруженных всадников.

Никто из прохожих не обращал на них особого внимания: видимо, воины на улицах здесь не были чем-то необычным. Да и сами прохожие были чем-то смутно похожи на проезжавших — в основном молодые мужчины. В конце концов, Костюк находился в пограничном округе, где большая часть мужского населения была военными, в свободное время обрабатывавшими свой надел земли или доверявшими это занятие родным.

Выдубленные ветрами лица, знакомые с беспощадным ветром. Эта расслабленная качающаяся посадка, говорящая о том, что в седле такие всадники могут спать целую ночь. Громадные луки, натянуть которые под силу только настоящим силачам, укрепленные у стремени и достававшие наездникам до плеча.

Вопреки обычной степной бритоголовой моде длинные волосы бойцов были распущены по плечам и заплетены в косички. С некоторым изумлением Алексей отметил светлые и рыжие волосы и зеленые или синие глаза.

В войсках империи, как и в любых других, мог служить кто угодно, любой инородец...

И земляне тоже.

Собственно, именно это им и предложили, если отбросить второстепенное.

Уже на узкой лежанке в своей комнате в караван-сараяе Костюк еще раз прокручивал в памяти тот первый и пока последний разговор с одним из столпов Эуденоскаррианда...

— Так как все же здоровье вашего правителя? — Вопрос был задан вежливо, но настойчиво, чтобы как бы между прочим подчеркнуть, кто сейчас хозяин положения. — И какова обстановка в Тхан-Такх?

— Когда я отправился в путь, сардар был вполне здоров и благополучен, равно как и дела княжества, — протокольно ответил Алексей.

— Очень хорошо, — милостиво кивнул Сухун. — А то до нас дошли слухи о нескольких покушениях на его здоровье. Кстати, понимаю, что это излишне, но все же напомним вам о благоразумии. И еще — при вас нет этого вашего удивительного оружия?

Чиновник бросил мимолетный, но выразительный взгляд за спину Алексея. (Взгляд притаившегося где-то стрелка снова напомнил о себе мурашками вдоль позвоночника.)

Разведчик лишь помотал головой.

Он принципиально не брал в свои рейды земного оружия, хотя Макеев выделил было ему из арсеналов гарнизона чешский «скорпион» и совсем новый пистолет — убойную «гюрзу». Не брал по трем причинам: во-первых, такое оружие выдало бы его с головой в случае обнаружения, во-вторых, из-за этого его нельзя было бы носить открыто, а пока его вытащишь из ухоронки, даже самый неумелый лучник всадит в тебя пару стрел. Наконец, оружие порождает в иных ситуациях ложное ощущение силы и неуязвимости, а ему как никогда нужно было беречься от самообмана.

— Было бы любопытно подержать его в руках. У нас есть только рисунки да эти странные свинцовые стрелы к нему. Хотя мы знаем о вас весьма много. Собственно, вы, ваше княжество и все, что с этим связано, — это весьма большая часть моих забот как начальника палаты иноземцев. Прямо скажем, я узнал о вас удивительные вещи. Возможно, если мы придем к согласию, я покажу вам все пятнадцать томов заведенного на ваш Окхтиябрск дела. Там многое требует разъяснения. Кстати, запоздало выражаю вам благодарность — сарнагарасахальские некроманты слишком заигрались в свои игры, ища способы не только поднять из моих мертвых, но и заставить прервать родник вечной жизни. И смерть-чары могли бы оказаться безобидной шуткой рядом с тем, чего они бы могли достичь...

Старик положил себе в рот ложечку мороженных фруктов и довольно прищурился.

— Но, признаться, ваш народ заставил нас беспокоиться не меньше, когда стало ясно, что вы претендуете на большее, чем часть этого мира, и несете с собой слишком сильное искажение судьбы Аргуэрлайла. Однако ж, — с доброй улыбкой развел руками джагчер, — боги, надзирающие за нашим миром, исправили это. И все же малая горсть вашего народа тут осталась. Зачем? Случайно или с какими-то непонятными нашему уму намерениями? Как вы убедились на своем опыте, в мире нет всесильных властителей, всесильных стран, всесильного оружия...

— И всесильных чиновников, — добавил Алексей подчеркнуто равнодушно.

— Да, безусловно, — согласился Сухун.

Костюк ждал продолжения, но собеседник держал паузу, словно о чем-то глубоко задумавшись.

— Как вы сумели... — начал разведчик и тут же одернул себя — в голосе проскользнули злость и обида.

«Теряешь самоконтроль, старина! Видать, и впрямь скоро на покой пора».

Тут старик закашлялся, и Алексей даже не сразу понял, что тот смеется.

— Тут как раз ничего сложного нет, господин чужеземец. Мы еще во времена, когда существовал проход между нашими мирами, ждали ваших шпионов, ибо иначе и быть не могло. А если говорить лично о вас... Ну, во-первых, не знаю, сказали ли вам это ваши маги, но аура ваша и здешнего человека слегка отличается, и отличие это нетрудно заметить.

И, глядя на обескураженного землянина, добавил, вновь посмеиваясь:

— Если знать, как смотреть. А во-вторых... — Он хитро прищурился. — Мы живем рядом с Бесконечной Степью уже две тысячи лет, и если для простолюдинов все люди восхода на одно лицо, то люди вроде меня давно различают не то что народы, но даже племена и роды. Да будет вам известно, у нас в палате даже есть особая канцелярия портретов, где хранятся изображения всех основных ста двадцати с чем-то народов и народцев, с которыми можно столкнуться на

восточных рубежах. И прежде чем поступивший к нам научится отличать хоркита от сарнагарасахальца, ему не видать полного жалования. Так что, в сущности, было достаточно приказать всем соглядатаям докладывать о тех, чьи черты лица им незнакомы. Но мы это тоже обсудим в свое время. А сейчас нам лучше говорить не о прошлом, а о настоящем и будущем.

Костюк подумал, что они с господином Сухуном напоминали, наверное, двух шахматистов, которые не столько играют, сколько любят великолепными ходами противника.

Их разговор, как ощущал капитан, достиг той стадии, когда каждое слово весило чрезвычайно много. И ровно столько же весила длинная пауза, во время которой господин Сухун смотрел на него, не шевелясь и не мигая. Он будто превратился в живую статую, один из тех вырубленных из скал идолов, что попадались разведчику по пути через ущелья и перевалы.

— Честно говоря, ваше княжество не очень беспокоило нас, ибо, как сказали и провидцы, и... люди вашего покорного слуги, искажения, которые вы могли внести в мир, вряд ли были бы слишком сильны и очень опасны. Но примерно полгода назад все начало меняться. Точнее, в Бесконечной Степи появилось кое-что весьма опасное...

— Ундораргир, — понимающе кивнул Костюк. Джагчер промолчал, как будто чего-то опасаясь.

— То, что я вам скажу сейчас, большая тайна, с одной стороны. Но с другой, об этом уже начали говорить на рынках и в харчевнях приграничных городов нашей державы, хотя при дворе об этом даже и не думают. Ундораргиру мало титула владыки Степи. Я даже склонен думать, что Степь ему не нужна сама по себе. Он хочет большего. Хочет править Аргуэрлайлом, жаждет стать, как он выражается, владыкой Окоема. И еще, у него есть мощные союзники, обладающие силами не этого мира. Не буду скрывать, моими подчиненными и высшей стражей было организовано семь покушений на его жизнь. Но никто из убийц даже не приблизился к цели...

«Интересно, а не ты ли организовал те покушения на нашего градоначальника?» — подумал разведчик.

— В общем, не буду утомлять вас, драгоценный гость, подробностями, касающимися высокой магии, но лучшие наши мантиксы и знатоки чаромудрия даже предположили, что... Что он получает помощь от кого-то из Высочайших. Может быть... сам Шеонакаллу решил вернуться.

При упоминании имени темного бога капитан поднял глаза и увидел, что господин Сухун смотрит на него с тяжелым ожиданием. Сейчас должно было произойти что-то очень важное.

— Мне не нравится то, что происходит сейчас в Аргуэрлайле, — еле слышно сказал чиновник, едва шевеля губами. — И многим умным людям, находящимся возле трона, тоже. Все это опасно. Очень опасно. Мир «выходит из суставов», по слову древнего мудреца... Как тысячу лет назад. А император немолод, — как бы между прочим бросил джагчер и отвлекся на мгновение, перекладывая какую-то бумажку. — И, как вы правду сказали, всемогущих чиновников нет.

Снова молчание.

Все стало на свои места.

Сухун был готов предложить кое-что ему, а через него — всем землянам, зацепившимся за старую глинобитную крепость в предгорьях на краю цивилизованного мира.

— И знаете что, — молвил, наконец, имперский контрразведчик, вдруг вполне искренне улыбнувшись. — Я думаю, что мы бы могли помочь друг другу... Что мы *должны* помочь друг другу!

— Мы — это...

— Мы — это вы и я... Мы — это сардар Сантор и император. Мы — это ваша страна и моя страна... Ибо, насколько я знаю, у вас есть то, что сможет надежно остановить полчища Ундораргира на этой земле. Ну а в иных мирах, думаю, имперские маги найдут, что противопоставить силам тьмы.

Костюк не удивился. Если эти люди оказались достаточно проницательными, чтобы вычислить его, агента чужого мира, то уж домыслить остальное труда не составляло.

Вот оно...

Кажется, его план начал срабатывать раньше, чем рассчитывал капитан.

Но предстояло еще прояснить кое-какие моменты, не говоря о том, что сразу соглашаться на такие вещи никогда не стоит.

— Я, конечно, готов передать послание... — осторожно начал землянин.

— Это само собой разумеется, — кивнул собеседник. — Но я полагаю, что простой обмен посланиями — дело долгое и ненужное... Вы передадите вашему правителю послание с предложением прибыть на переговоры с имеющими на то право вельможами нашей хранимой богами державы. Скажем, устроит ли достойнейшего Сантора, если в переговорах будет участвовать, кроме вашего покорного слуги и министра по делам вассалов, еще и второй наследник престола, принц Йоратан?

— Безусловно, — Алексей изо всех сил попытался не выдать своих эмоций.

— Тогда... — Сухун извлек из-под стопки дешевой бумаги лаковый футляр.

Внутри был сверток белоснежного шелка, оплетенный сеткой с несколькими печатями. Как уже знал Алексей, так здесь упаковывали самую важную и секретную почту, чтобы малейшая попытка вскрытия не осталась незамеченной.

— Здесь послание к сардару Макхею с предложением встретиться спустя три месяца в трех днях конного пути от нашей восточной границы — в Караласе. Это место равно удалено как от нашей столицы, так и от вашего города. Насколько я знаю, для князя не составит труда добраться туда на любой из имеющихся у него повозок. Все, что нужно для этих переговоров, ваш владыка узнает из письма. Там же охранный грамота, приказывающая всем подданным империи оказывать ему содействие в пути.

Костюк мысленно покачал головой — вот даже как... Сухун захлопнул шкатулку, внутри что-то шелкнуло.

— Вы знаете, что это за ларец?

— Да, у него нет ключа, — кивнул капитан.

— Ваши знания о наших порядках делают вам честь! Теперь коробочку, выточенную из прочного горного дуба, уже не открыть никакими ухищрениями. Ее можно лишь распилить — дополнительная гарантия того, что письмо не будет тайно прочитано.

— И еще — вот это лично для вас. Я не могу послать с вами человека подходящего ранга, да в этом и нет особого смысла. Поэтому примите, как своего рода залог будущего, знак полномочий нашего посла.

Из-за отворота куртки джагчер вытащил замшевый мешочек на золотом шнурке, развязал его, и перед разведчиком лег аккуратно ограненный крупный рубин.

Все еще не веря своим глазам, Костюк поднес камень к глазам. Так и есть — на самой большой из граней был старательно выгравирован в обрамлении письмен сказочный шестиногий зверь с крыльями и щупальцами — геральдический символ Эуденоскаррианда.

— Кроме всего прочего, князю Сантору будет дана такая же — только изумрудная, — добавил Сухун.

И сейчас, положив под голову хурджин, на дне которого лежал заветный ларец, Костюк сжимал в руке висевший на груди мешочек с печатью.

Для имперской иерархии не было мелочей — каждому чиновнику, каждому рангу полагалась печать из своего материала. Яшмовые и нефритовые для провинциальных наместников, сердоликовые для придворных, топазовые для мелких воевод и сапфировые для воевод покрупнее рангом, ониксовые для судей...

Рубиновые печати, как он помнил, полагались только министрам и самым важным послам, а изумрудные — членам императорского совета и знатнейшим вассалам. Выше их шли лишь алмазные — каждую из которых делали много лет, и полагавшиеся исключительно членам императорской семьи.

Но дело, конечно, не в печатях.

Пожалуй, у них появился шанс всерьез чего-то добиться в этом мире.

Потому как Макеев не может не понимать, что даже будь у них в пять раз больше патронов или танков, гарнизон без настоящих союзников, без ресурсов, без выхода в широкий мир *обречен*.

И не столь важно, будет агония длиться годы или десятилетия.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Москва, Старый Арбат, 198.. год

На Арбате, как всегда, былолюдно.

С тех пор как началась перестройка, эта недлинная московская улочка, воспетая Окуджавой, стала чем-то вроде средоточия нового времени. Сюда, словно в Мекку, тянулись люди со всех концов бескрайнего СССР — вдохнуть полной грудью вольного воздуха гласности и демократии.

Оно, конечно, хорошо. Но каково живущим здесь москвичам выслушивать сутками напролет импровизированные концерты бардов, гул непрерывного стихийного митинга, гомон многоязычной пестрой толпы приезжих, с любопытством рассматривающих выставки-продажи под открытым небом?

О том, каково оно, быть членом братства «старого арбатства», Сергей Сергеевич Байдаков, доктор наук, профессор, заведующий отделением перспективных проблем физики филиала МИФИ, знал не понаслышке. Он здесь родился и прожил уже без малого сорок лет. И всегда гордился причастностью к тому товариществу избранных, которым посчастливилось быть аборигенами этой поистине исторической части Москвы.

Однако ж последние два года жить здесь стало некомфортно. По крайней мере ему. Никак не мог привыкнуть ко всему этому бардаку и неразберихе.

Что-то менялось вокруг, страна медленно, но верно становилась другой, и Сергей Сергеевич до сих пор не мог определиться, нравилось ли ему это или нет.

Положим, было в перестройке что-то хорошее. По крайней мере, благодаря объявленной новым генсеком гласности то, что раньше было уделом тесных кухонь, выплеснулось из домов на улицы, на страницы газет и журналов, на экраны телевизоров. Хотя, конечно, многие тосковали по тем посиделкам на кухне за чашкой крепкого кофе, с раздобытой из-под полы у «Космоса» пачкой настоящего американского (а не сухумского) «Marlboro», бутылкой «Столичной» под тоненько нарезанную докторскую колбасу и спорами до хрипоты о судьбах русской интеллигенции, перспективах развития страны... Ой, да мало ли о чем говорилось.

Но как можно было принять разбалансирование экономики, разрыв привычных экономических и культурных связей как на международной арене, так и внутри собственного государства? Союз нерушимый республик свободных трещал, что называется, по швам. То там, то сям случались вспышки казалось бы навсегда изжитого национализма, этнические конфликты. В Прибалтике уже открыто заговорили о желании выйти из состава СССР.

А полупустые, непривычные для москвичей прилавки? Если так-то в столице, снабжение которой всегда было приоритетным для всей страны, то каково в провинциях? В обиход вернулись забытые со времен войны карточки, стыдливо называемые талонами, выдаваемые на продукты первой необходимости: колбасные изделия, масло, водку, сахар, моющие средства.

По городу ходил анекдот, недавно во всеуслышание рассказанный самим генсеком: дескать, раньше на майских и октябрьских демонстрациях несли портреты Брежнева в орденах, а теперь носят портреты Г. в талонах. Смешно? Не очень, если честно.

С приходом к власти нового партийного руководства многое изменилось и в положении самого Сергея Сергеевича. Его отец, член всесильного Политбюро и многолетний руководитель Госплана, был отправлен в отставку. С почетом, с орденом, с персональной пенсией союзного значения. Но это уже мелочи.

Не стало той могучей ауры, эгиды, надежней брони защищавшей семью почти четверть века.

Естественно, Байдаков-младший и сам кое-чего достиг и имел вес в науке, но тут все сошлось один к одному. Провал операции «Порог», кончина двух государственных мужей, всячески поддерживавших исследования Сергея Сергеевича, апрельский Пленум 1985 года и начало перестройки, отставка отца...

Он даже угодил было под разбор его «дела» Комитетом партийного контроля. Долго, почти полгода, вынужден был ходить на заседания комиссии, объясняться там, писать отчеты, докладные записки, пояснения.

Если бы не вмешательство нового первого секретаря Московского горкома партии, отчего-то взявшего опального ученого под свою защиту, неизвестно еще как закончилась бы эта печальная история. Но с первым считались и спорить не стали. Закрыли «дело», ограничившись «строгачом». А ведь могли бы и вовсе вычистить из партии и забрать институт. Однако ж оставили. И даже позволили продолжать признанную бесперспективной разработку программы «Порог-2»...

Сергей Сергеевич шел мимо пестрых лотков, предлагавших москвичам и гостям столицы немыслимую прежде смесь сувениров. Тут и копилки в виде усыпанного звездами «бровеносца» Брежнева, и бюсты Сталина, и старые отцовские буденовки, найденные где-то в семейных шкафах, и традиционные русские матрешки, расписанные на модные нынче исторические темы. Вот набор, представляющий русских царей от Ивана Грозного до Николая II. А здесь коллекция из «царей» советских: два Ильича, Сталин, Хрущев, Андропов, Черненко и теперешний «минеральный секретарь» (получивший такое прозвище из-за начатой им кампании по борьбе с пьянством).

У стенда с вывешенными свежими номерами прессы столпилась громадная толпа, живо обсуждающая открытое письмо преподавательницы Ленинградского технологического института Нины Андреевой, напечатанное пару дней назад «Советской Россией» под многозначительным заголовком «Не могу поступаться принципами».

Публикация наделала много шума. Воспрянувшая и окрыленная гласностью интеллигенция насторожилась. Не начало ли перемен? Неужели правы были те, кто горько шутил: «Во времена гласности не забывай о госбезопасности»? И теперь эта самая госбезопасность припомнит имена всех тех, кто в эйфории вседозволенности позволил себе лишнее?

— Нет, вы только послушайте! — возмущался парень лет двадцати пяти в «варенке». — «Поддерживаю партийный призыв отстоять честь и достоинство первопроходцев социализма. Думаю, что именно с этих партийно-классовых позиций мы и должны оценивать историческую роль всех руководителей партии и страны, в том числе и Сталина. В этом случае нельзя сводить дело к «придворному» аспекту или к абстрактному морализаторству со стороны лиц, далеких и от того грозного времени, и от людей, которым пришлось тогда жить и работать. Да еще так работать, что и сегодня это является для нас вдохновляющим примером». Каково, господа?

— Позор-р! — единогласно заревела в ответ толпа. Байдакова передернуло. И не столько от прочитанной цитаты, с мыслями которой он в общем-то был солидарен, сколько от этого обращения «господа», все больше входившего в моду. Отчего слово «товарищ», с которым делали революцию, строили первые гиганты индустрии, шли в бой в годы Великой Отечественной, стало теперь архаизмом?

— А этот, а этот перл, господа?! — поддержала молодого человека интеллигентного вида дама средних лет в строгом «преподавательском» костюме и очках. — «Первый, причем наиболее полноводный идеологический поток, уже выявивший себя в ходе перестройки, претендует на модель некоего леволиберального интеллигентского социализма, якобы выразителя самого истинного и «чистого» от классовых наслоений гуманизма. Его сторонники противопоставляют пролетарскому коллективизму «самоценность личности» — с модернистскими исканиями в области культуры, богоискательскими тенденциями, технократическими идолами, проповедью «демократических» прелестей современного капитализма, заискиваниями перед его реальными и мнимыми достижениями»...

— Позор! — воскликнул «вареный» юноша. — Мракобесие!

— Минуточку! — потрясла в воздухе пальчиком дама, призывая к тишине. — Это еще не все. Тут дальше самое интересное. «Его представители утверждают, что мы, дескать, построили не тот социализм и что-де только сегодня «впервые в истории сложился союз политического руководства и прогрессивной интеллигенции». В то время, когда миллионы людей на нашей планете гибнут от голода, эпидемий и военных авантюр империализма, они требуют разработки

«юридического кодекса защиты прав животных», наделяют необыкновенным, сверхъестественным разумом природу и утверждают, что интеллигентность — не социальное, а биологическое качество, генетически передаваемое от родителей к детям. Объясните мне, что все это значит?» Нет слов, господа.

— Уж мы ей объясним, — многозначительно глядя на кулаки, пообещал краснолицый дядя в офицерском кителе, украшенном парочкой антикварных георгиевских крестов. — Придет времечко, всех краснопузых отправим в штаб Духонина! И всех инородцев заодно!

— Фи, гражданин! — брезгливо отстранился от соседа мужчина с ярко выраженными признаками «инородческой» национальности. — Как вам не стыдно?!

— А ты мне рот не затыкай, морда пархатая! Хватит, натерпелись от вас с вашей революцией! Семьдесят лет молчали!

«Вот оно, — думал Сергей Сергеевич. — Обнажились скрываемые годами язвы. Нетерпимость, грубость, шовинизм. И, главное, полная безответственность и равнодушие».

С такими вот равнодушием и безответственностью ему довелось столкнуться буквально час назад. В хорошо знакомом Доме на Старой площади...

— Вы понимаете, Сергей Сергеевич, — генсек говорил с мягким южным акцентом, выдававшим уроженца Кубанского края, где жило много выходцев из Украины, — нам сейчас не до того. Сейчас нужно о людях думать, о том, как их накормить, одеть, обусть. А вы со своими проектами. Несвоевременно, дорогой товарищ, несвоевременно.

— Но, Михаил Сергеевич, — прижав руки к груди, в который раз пытался донести до главного архитектора перестройки простую мысль Байдаков, — там же тоже люди остались. Наши, советские люди. Мы их предали, бросили на произвол судьбы. Кто о них подумает?..

— Это демагогия! — энергично махнула державная десница, как бы перечеркивая то, о чем говорилось в беседе. — Раньше нужно было думать. Когда вы замыслили ваш безумный проект, а кое-кто в Политбюро пошел у вас на поводу. Я уважал и уважаю вашего отца, Сергей Сергеевич, но, давайте говорить откровенно, вы попросту бессовестнейшим образом воспользовались его именем и связями, чтобы ввязать нашу страну в самую нелепую и дерзкую авантюру, какую только знала наша история! Слава богу, сама материя восстала против вас!

Последняя фраза звучала как-то неестественно в устах главного материалиста страны.

— Позвольте! — попытался вклиниться в поток речи генсека Байдаков.

— Не позволю! — Родимое пятно на лбу собеседника потемнело от гнева. — Нечего государственные деньги зря выбрасывать на ветер! Это у вас пережитки старого мышления. Перестраиваться нужно, товарищ Байдаков! Или вы предпочитаете по-новому, *господине*.

Глаза над курносым носом по-ленински прищурились.

— Одним словом, разговор закончен! Не до ваших бредней теперь, понятно?!

— Понятно, — поник головой ученый и, повернувшись, пошел к двери.

— Что там у нас по Крыму, Егор Кузьмич? — услышал, как генсек обращается к своему заму, присутствовавшему при разговоре. — Как идет вырубка виноградной лозы? Это очень важно в плане дальнейшей борьбы с пьянством и алкоголизмом...

Да, борьба.

И вновь продолжается бой, и сердцу тревожно в груди.

«Октябрь и перестройка: революция продолжается», как был озаглавлен доклад «минерального секретаря», посвященный семидесятилетию событий осени 1917 года.

Революция, действительно, продолжалась, кладя на алтарь новые и новые жертвы.

И среди них оказалась пара тысяч обыкновенных советских людей, затерянных на чужой и враждебной планете...

Часть вторая. КОЛОДЦЫ МРАКА

Пусть огонь коснется нашей кожи,

Пусть вода расправится с огнем,

Кто хочет жить, тот все на свете сможет,

И мы с тобой Прорвемся все равно!

Сергей Маврин

Октябрьск/Тхан-Такх. Штаб ОСД ОГСВ

Уже который день Октябрьск напоминал, нет, не муравейник и не улей, а скорее уж всполошившуюся колонию воинственных сусликов. Все вертелось в нервном круговороте...

Сновали солдаты и офицеры, ополченцы вынимали из сундуков тщательно свернутую и пересыпанную от моли сухой листвой жутко вонючей курумы старую форму.

На стрельбище инструкторы гоняли аборигенов, отрабатывая команды и заставляя их повторять подзабытые приемы обращения с оружием, а вторые номера ручных пулеметов меняли засаленные халаты на песчанку местного производства.

В Академии тоже кипела работа — там спешно писали справки для командования рейдеров насчет краев, куда они идут, торопливо вытаскивали из секретных ящиков рулоны карт на марш и район возможных боевых действий, чтобы быстро, ночами, при свете немногих оставшихся береженных ламп перечертить их, снабдив нужными пояснениями и легендами.

Гремели и лязгали вытаскиваемые из оружейных комнат и ящиков оружие и амуниция.

Ругаясь на чем свет стоит, мешая ядреный мат с местными богохульствами, взводные топтались в цитадели у кабинета завбоеприпасами, прапорщика Лунева, стараясь выцарапать из него драгоценные цинки калибров 7,62, 14,5, и 9-мм — пистолетных и пулеметных.

Со складов вещевого довольствия у другого прапорщика, Довбняка, вытаскивали кожаные и брезентовые разгрузки местной и земной работы, фартуки и куртки, защищающие от стрел, кобуры и чехлы, плащ-палатки — и тоже без брани не обходилось.

Громко взрыкивали гоняемые на холостых оборотах движки машин в автобронепарке.

Кряхтя, земляне вместе с помощниками из местных стаскивали машины, мирно стоящие на дубовых брусках в боксах, поднимали домкратами, печально созерцая треснувшие покрышки, подкрашивая пятнышки ржавчины на броне и с горькими вздохами устанавливая еще живые аккумуляторы.

С машинами был самый больной вопрос, ведь от них зависел не просто успех экспедиции, а сама жизнь бойцов. Особо позаботились о буксирных тросах, которые смазали последним тавотом и старательно проверили, нет ли переломов проволоки. Потому как если что, то машину придется тащить до самого дома: республика не слишком богата, чтобы разбрасываться техникой.

До глубокой ночи горел свет в лабораториях. Химики подбирали состав топливной смеси (особо для дизелей, особо для бензиновых моторов), мешая скипидар со спиртом и маслом, добавляя по капле или ведру сваренное магами и шаманами гнусно пахнущее варево. Как оно работало, не знали не только химики, но и сами шаманы. Однако ж оно работало, и горючее получалось относительно неплохим.

Правда, заведующие ГСМ — сержант Логинов и прапорщик Махмудов все равно ходили хмурые и злые. По приказу Макеева рейдгруппа должна была взять полуторакратный запас топлива — две трети всего, что накопили они тяжким трудом за прошедшие годы.

Во всей этой общей неразберихе у каждого был свой смысл и свой маневр. И довольно скоро настал день, когда все было готово. Вся предназначенная к рейду техника была отобрана, прошла тщательную профилактику, снабжена запасками.

Люди собрались, надели «лифчики» боевой разгрузки, прицепили кобуры с пистолетами, закинули на плечо автоматы и карабины, подхватили вещмешки с барахлом и сухпаем и ждали только сигнала к выступлению.

Дело было лишь за приказом и подписью руководства. Но вот за этим и стало дело, поскольку в последние дни вдруг стали громче звучать речи, что, дескать, как бы не пустое и небезопасное дело затеяно. Потому как одно дело в чужом пиру похмелье, а вот куда хуже — это тумачи в чужой драке. Недовольные даже написали письма в Совет с обоснованием своих возражений.

Это была первая серьезная оппозиция за прошедшие годы, так что Макеев мог себя поздравить в некотором роде — у него как у настоящего русского царя завелись свои раскольники.

Нет, до царя ему, положим, далеко, да и многое из того, что говорят раскольники, в сущности верно. Он бы и сам не прочь принять какой-нибудь из их планов. Только при всех своих достоинствах эти планы не учитывали одного — фактора времени. Ибо в письме говорилось, что больше трех месяцев рейдгруппе не продержаться, а конный марш при самых выгодных условиях займет тридцать дней — это если идти без отдыха, не ожидая отстающих.

А ведь если стать на их точку зрения, то нужно еще будет снести с Лыковым, разослать гонцов в кочевья, собрать всю ораву.

Да, время, время...

И почему-то поневоле ему все чаще вспоминался Афганистан...

Туда тоже ведь сунулись вот так, торопливо и не особенно думая, не ожидая ничего опасного, с одной стороны, и страшась того, что если не придут они, то придут американцы — с другой.

Макеев помнил разговоры в штабе ограниченного военного контингента, что, мол, накануне декабря семьдесят девятого был какой-то доклад ГРУ с печальными прогнозами, чем кончится эта затея, прочтя который, первый зам командующего сухопутными войсками брякнул маршалу Устинову: «Да что они смогут против нас, эти... мужики в шароварах?!»

И еще: случайно услышанный уже на Аргуэрлайле веселенький рассказ порученца Мезенцева — лощенного подполковника-особиста.

Тот поведал исходящий будто бы от приближенного самого генсека, тогда еще шефа КГБ, слухок, как не хотел старенький, уже одной ногой стоящий в могиле Леонид Ильич Брежнев давать команду на ввод войск, как раз за разом снимал вопрос с заседаний Политбюро, в котором большинство уже согласилось с доводами армейцев и К^омитета. Как к нему, разбитому очередным инсультом, приезжал лично Андропов, и он, еще не восстановив речь, дрожащей рукой написал на листке, вырванном из блокнота, что этого делать нельзя, что мы станем интервентами, и что мир не поймет того, что они сделают... Но все-таки дожали старика, оставшегося почти единственным несогласным в Политбюро.

Тогда Александр, ощущая неприязнь к ерническому тону особиста, испытал и невольное уважение к покойному генсеку, над которым прежде посмеивался и не считал грехом рассказать о нем анекдотец.

Но теперь похожая дилемма встала перед ним. В этом мире, конечно, не знали слов «интервенция» или тем более «экспорт революции». Напротив, подмять под себя соседа силой меча было нормальным делом. Но только вот и рассчитывать, если чего, здесь доводилось не ругательными резолюциями ООН или торговым эмбарго. Платой за ошибку были уже твои сожженные города и веси, твоя страна под чужим сапогом и персонально твоя голова на колу перед воротами твоего собственного дворца.

Если гарнизону по какой-то причине суждено потерпеть поражение, он не просто лишится какого-то количества людей, БТР или патронов. Нет, все увидят, что, несмотря на страшное оружие, они вполне победимы, а на ослабевшего волка первыми кидаются сородичи.

С другой стороны, как долго смогут они еще протянуть, сидя, как черепаха, спрятавшаяся в панцирь? До тех пор, пока не прилетит орел-халзан и не сбросит с высоты камень, дробящий твою крепкую косяную броню? Или пока хитрый степной шакал не закатит тебя в ближайшую лужу, где ты поневоле развернешься, чтобы не захлебнуться...

И вот сегодня, вот на этом заседании, Макееву предстояло принять решение. Окончательное и судьбоносное (вот словечко-то прицепилось!).

А споры разгорелись нешуточные!

— Без зерна ихнего, говоришь, если чего, обойдемся?! — раздраженно гудел Довбняк. — Я тебе, Георгий Ильич, так скажу. У тебя, конечно, звездочек больше, но мы тут не звездочками меряемся! Ты забыл небось прошлую зиму, когда саранча восточные поля поела? А то, что от старого урожая осталось, это ж по твоей инициативе мы в спирт перегнали — для твоих учений! И что было с того? А? Забыл? Как для детей по жмене муки с обсевками с пола амбаров наметали? Забыл, как на предгорных хуторах люди хомячьи да тушканчиковые норы раскапывали и

грызунов на суп пускали; как лисиц с шакалами чавкали за милую душу? Забыл, как Октябрьск без хлеба месяц сидел на одной баранине? Да и ту только милостью товарища Лыкова имели, а то без него да без Ильгиз Газриловны пришлось бы жрать нам седьмую конскую залупу без соли!!!

— Не ори, все помню! — буркнул Анохин, наливаясь злобой. — Вот на том спирту сейчас и поедем!

И пробурчал что-то насчет заведующих столовыми, которые много на себя берут, когда не им воевать.

— Ну, товарищ майор, то есть председатель, ну скажите же хоть вы ему! — обратился, всплеснув руками, прапорщик к Александру.

И вслед за ним все взгляды членов президиума обратились на сидевшего во главе стола в резном кресле Макеева.

«Ну что, председатель, пришло тебе время решать, править, так сказать!»

Уже не в первый раз майор задумывался о том, что и в самом деле решение о посылке войск в не очень дальний и как будто не очень опасный поход станет очередным решающим водоразделом в истории его маленького народа, его маленькой страны и, само собой, его личной жизни.

Да, именно в эти дни он, обычный в сущности майор Советской армии, ее самых многочисленных сил — мотострелков, начал по-настоящему осознавать, что он теперь уже не майор, а его подчиненные — не солдаты и вольнонаемная обслуга. Что как ни крути, а он правитель — и не какой-то там секретарь райкома или даже земной президент карликовой карибской или африканской страны. Он — *государь*, а значит, ответственность на нем уже соответствующая, не майорская. И даже не генеральская.

И сейчас, на последнем заседании Совета, он еще раз обдумывал все с самого начала.

А начало было положено месяц с лишним назад, когда вместе с очередным караваном, привезшим хлопок и серу, прибыл и гонец с посланием от правителей города Винрамз.

Письмо, как сказал Мак Арс и подтвердила Алтен (маги знали толк в подобных вещах), написано было по всем правилам. На дорогой шелковой бумаге, уложено в шкатулку, которую не открыть, а можно лишь распилить, с печатями, написанное в принятых у местных «бугров» выражениях с подобающим политесом.

Если перевести изложенное в послании на понятный язык, было оно кратким и недвусмысленным: «Спасите, драгоценные чужинцы, мы пропадаем!!»

Суть дела была такова.

Вся область города Винрамз и сам этот торговый и ремесленный центр областного масштаба весьма страдали от набегов лихих людей. Причем тут явно количество перешло в качество. Если прежде они просто грабили купцов и селения, то сейчас перешли к настоящей блокаде, полному уничтожению проходящих караванов, перехвату идущих в город обозов с едой и сожжению селений. Все эти разбойники — ватаги кочевников из изгоев, родства не помнящих, остатки армии сгинувшей империи тьмы и дезертиры из разнокалиберных бандочек и дружин новоявленных властителей уделов — решили, кажется, всерьез доконать несчастный город. Сдерживало порыв головорезов только отсутствие единого вожака — за власть грызлись несколько атаманов самых крупных шаек. Но это явно не могло продолжаться долго, ибо сильнее взаимной неприязни и недоверия было стремление захватить Винрамз.

И неудивительно, завоеватель получал огромное преимущество и возможность безбедной жизни в должности царя, не меньше. Поскольку Винрамз был центром области почти с полумиллионным населением.

Но среди винрамзцев воинов, способных и желающих защитить свою собственную землю, почти не нашлось. Это были внутренние области бывшего Сарнагарасахала, и здешний народ веками отучали от умения и желания воевать, даже армию тут имперцы почти не набирали. Люди-бараны, как высокомерно называли их степняки. Ни дать ни взять, как о погибающем Риме с его

огромным населением какой-то варварский вождь сказал с дикарским юмором: «Чем гуще трава, тем легче косить».

Тут жили ремесленники, торговцы, земледельцы пригородных сел, рудокопы... Но умеющих и желающих драться почти не имелось. Пару раз импровизированное городское ополчение из отобранных по жребию или вообще выпущенных из тюрем, должников и прочего подневольного люда выводили в поле, и всегда оно бежало от во много раз более слабого врага, разгоняемое силой оружия и магией. Да и с магами у них были проблемы, как и везде в бывшей империи. Чары Шеонакаллу иссякли, а мелкие вольные маги были на вес золота.

Совет именитых — эфемерное «правительство» Винрамза принялось скликать наемников, но созданные вокруг города посты импровизированного пояса обороны не справлялись с возложенными на них задачами.

Выстроенные по единому образцу — на развалинах старых домов, обнесенные невысокими валами, защищаемые разнокалиберными отрядами и отрядцами, они были грозны лишь на вид.

Никакого взаимодействия между постами практически не было. При нападении каждый пост выживал или погибал в гордом одиночестве.

Очень быстро обитатели этих мини-крепостей начали жить по принципу: «нас не трогают, и мы никого не трогаем». Разбойники тоже довольно быстро прознали о подобной манере обитателей крепостенок и стали методично уничтожать их одну за другой. Несколько постов они разрушили до основания, а их обитателей убили или захватили в рабство. Посты заново восстанавливались и обустривались, но спустя некоторое время все повторялось заново. Только за это лето потери составили не менее трехсот человек.

Вот тогда-то и вспомнили о сидящих в южной Степи пришельцах.

И предложили в должных выражениях «светлейшему Сантору Макхею, князю Тхан-Такх, рекомого также Окхтиябрск, владетелю сего града и всех иных земель, что в отчине его» взять «под свою высокую руку Винрамз и область, где тот стоит».

В письме была обещана дань в размере четвертой части всего урожая и доходов торговцев, причем они обязывались самолично доставить ее в Тхан-Такх, а также право выбирать по две сотни красавиц ежегодно, хоть даже дочерей самых знатных людей, право на все копи и рудники, и еще куча обычных в таких случаях обещаний.

Созванное Макеевым заседание Совета хотя и не сразу, но приняло решение: просьбу поддержать и Винрамз защитить, оказав соседям интернациональную помощь.

Надо сказать, были сомнения, кто-то даже предположил хитрую провокацию врагов (непонятно каких). По приказу Макеева гонца подвергли перекрестному допросу с применением магии, позволявшей отличить правду ото лжи. Точно так же тщательно были опрошены купцы и караванщики, и они все подтвердили: дела в Винрамзе плохи.

И лишь тогда решение было принято. Само собой, были сказаны красивые и правильные (правильные без дураков) слова о том, что надо спасти мирных людей от смерти и насилия. Но, конечно, даже те, кто искренне так считал, держали в уме и другое.

То, что Тхан-Такх стоит в безлюдной и неплодородной местности. Что в горах нет ничего, кроме бедной руды и плохого угля. Что, несмотря на старенькие трактора, картошку и земные сорта пшеницы, им еле-еле хватало урожая, по своим, конечно, меркам, так, чтобы не было голодных.

А новые владения — это хлеб, мясо, шкуры. В Винрамзе растет и хлопок, а хлопок — это порох. Это фрукты, виноград и арбузы на бахчах, земли под подсолнечник, а все эти культуры не только и не столько сахар, масло, но и спирт и топливо. Там есть ртуть, медь и свинец — и не те жалкие жилы, что с трудом находят в окрестных горах.

Это, наконец, много людей, то есть возможность строить настоящие большие заводы, пусть пока и мануфактуры. Причем люди пусть и не воинственные, в отличие от побратимов-кочевников, но зато хоть как-то цивилизованные. (А что не воинственные — даже хорошо, бунтовать не будут.)

В родном мире, который, похоже, для них уже потерян, сказали бы, что это будущая промышленная и аграрная база для быстрого прогресса и построения великой державы. Но майор может, не кривя душой, выразиться проще: это — будущее.

Ибо почти физически Макеев ощущал, как потихоньку-полегоньку, словно капли воды в дорогой клепсидре, уходит их время...

Стареет техника. Быстрее, чем они ожидали. Кончаются, хотя и не так быстро, боеприпасы, да и людей из коренных землян все меньше. Вот три месяца назад умер старшина-сверхсрочник Антон Николаев. Сорок три года всего было мужику. Как установил Тупиков, обычный инфаркт доконал начальника водителей Октябрьска. Первая естественная смерть. И первый звоночек... Вернее, не первый, чего уж там.

И предложение-просьба винрамзских купчин, прямо летописное «придите и володейте нами», было очень кстати.

И вот в самом конце подготовки к операции вдруг появилась оппозиция этой идее, пожалуй, первая серьезная оппозиция за время существования гарнизона.

Причем не от тех, от кого можно было ожидать. Заместитель Анохина Стогов и командир взвода быстрого реагирования Шмаков подали своему начальнику идентичные рапорта. Стогов писал, что уход такого количества солдат и самое главное — техники сделает Октябрьск очень уязвимым, чем могут воспользоваться скрытые враги. А Шмаков заявил, что за редким исключением солдаты на гражданке расслабились, обросли жирком (как в переносном, так и в прямом смысле) и попали под влияние своих жен — местных отсталых и неграмотных клуш, как он выразился, и бойцовские качества их сильно упали. В этой связи они, не отрицая саму идею, предложили послать в Винрамз не полноценную войсковую группу, а сводную роту из частей постоянной готовности, усиленную добровольцами из кочевников Лыкова.

Виктор обещал, что его орлы в месяц передавят тамошних бандитов, ну а чтобы поддерживать порядок и гонять уцелевших, хватит и степняков. В крайнем случае он предлагал оставить в Винрамзе его взвод с тремя-четырьмя БМП, чего хватит с избытком для разгрома средней местной армии. Он даже был согласен взять на себя обязанности коменданта Винрамза и контролировать своевременную выплату дани с помощью гарнизона из степняков.

Что хуже, к этому мнению присоединился и Анохин. По его словам, риск потерять технику и вооружение, скажем, из-за сильной внезапной магической атаки, не компенсировал возможные выгоды. Тем более эту дань еще надо было перевезти за тридевять земель (за морем, известно, телушка — полушка).

К этому мнению присоединились, пусть и с оговорками, еще десяток офицеров. Не остались в стороне и аборигены, подав челобитную на тему, что, мол, в нынешнее суровое время опасно оставлять город без стольких храбрых солдат и грозных стальных нетварей.

И Макеев подавил первый порыв разорвать дурацкие бумажки, предварительно написав на них что-то непечатное.

Он, что называется, нюхом почуял: тут не так все просто.

Нет, то, что, положим, тут явно вырисовывалось желание Шмакова поручить самому, без командирского пригляда, стать своего рода бароном вдали от княжеско-майорско-председательско-сардарского пригляда — это даже и без Алтен было ясно.

Но вот с какого боку тут вылез тишайший Борька Стогов, типичный серый неудачник и, как говорили раньше, «какприкак»? Что толкнуло его в ряды оппозиции?

И с чего бы здешним жителям, обычно с философским смирением воспринимавшим всякие инициативы властей, вдруг воспротивиться воле градоначальника?

Или и в самом деле они так привыкли жить за спиной земного воинства, что даже тень опасности остаться без защиты так их напрягает?

И почему именно сейчас, когда уже почти все готово? Ведь в самом начале скептически высказывался только Лыков, по мнению которого их просто пытаются использовать в борьбе за власть.

Макеев чуял за всем этим какой-то подвох или недобрую загадку. Или у него разыгралась паранойя — профессиональная болезнь любого властителя?

Но если это, допустим, происки неведомого врага, то с другой стороны, зачем бы этому врагу быть против того, чтобы гарнизон Октябрьска оказался ослаблен? Или кто-то рассчитывает прибить их одним ударом, пока они все тут?

Вздор, такой силы магия была лишь у Конгрегации, причем не своя, а заемная, оставшаяся от глубокой древности, и теперь уже такой не будет, по крайней мере, по утверждению самих чародеев и великих степных шаманов...

Усилием воли Александр вернулся к реальности. Спор между тем уже пошел по второму и даже третьему кругу.

— Я повторяю, — размахивал руками Бровченко, — то, что вы называете барахлом, товарищи офицеры и степняки, это лучшее, что у меня есть!

— Да оно вообще ездит непонятно как! — заорал с места Анохин. — Не знаю, о чем думало начальство, когда вообще это все сюда посылало.

— Ну вот начальнику тыла ТуркВО и жаловались бы... — не остался в долгу капитан. — Поговорите с магами, может, и подадите весточку! Скажите спасибо товарищу Эгорию, без него бы и это не удалось поддерживать на ходу. И не орите мне, как вы завели моду, что его железки ломаются через сто кмэ — других запчастей взять не откуда! Мы и имеющееся поддерживаем на ходу только потому, что разбираем потихоньку старье, и его хватит всего на несколько лет.

— Как хотите, — махнул рукой Анохин, — но без того, чтобы дать механикам-водителям получиться хотя бы пять-шесть часов, я никого никуда не поведу. Потому что тогда весь этот поход кончится, еще не доезжая до Эльгайского перевала, в придорожных оврагах.

— А чему вы, товарищ начальник штаба сил самообороны, — ядовито осведомился Вилкас, — в таком случае учили раньше своих орлов?

— Ага! — взвился капитан. — Это ведь вы, Роальд Витовтович, установили такой порядок, что экипажи видят машины два раза в год. Покрутят башни, запустят моторы, кому повезет — проедет до ближних хуторов, баранов с курами там попугает, да и когда-никогда выпустит пару снарядов по скалам! Моторесурс бережем, понимаешь ли, мать вашу! И все! А в остальное время учим... пешим по-конному, как моего батю в сороковом! Теоретически! Спасибо хоть тренажер сделали, дерьмовенький, но сделали.

Все невольно усмехнулись. Анохин вспомнил придумку гарнизонных умельцев: деревянный макет бронемашины с вырезанной из дерева местными столярами пушкой и рычагами водителя, таскаемый по плацу парой лошадей. В нем строевые команды хоть как-то подновляли навыки вождения и обращения с оружием.

— Подожди, Роальд, — буркнул Анохин, — вот через несколько лет у нас и бронетехники не будет. Тогда что запоешь? И вот в такой ситуации мы пойдем гробить наши машины в этом е...м походе?

— Несколько лет — это долго, Георгий, — бросил Makeев. — И, кстати, — усмехнулся он, — может, если этот... поход удастся, через несколько лет мы и сами сможем делать броневики. Ладно, вижу, что до демократии мы не доросли. Поэтому слушай приказ. Давайте, — кивнул он двум стенографистам — землянину Коле Копылову и бывшему сарнагарасакхальскому писцу Зомге Ратте. — Записывайте.

«В связи с поступившей просьбой законных властей города Винрамз об оказании вооруженной помощи и утвердительным решением городского Совета Октябрьска от седьмого числа месяца Ривт, года Белого Неба... (в скобках: двадцатого августа 1991 года) приказываю:

Создать сводную рейдовую группу из числа бойцов сил самообороны города — военнослужащих Советской армии и местных жителей (в соотношении один к двум).

Выделить рейдовой группе бронетехнику из числа находящейся в наилучшем состоянии и автотранспорт по потребности.

Начальнику службы связи, младшему лейтенанту Николаеву О.И., обеспечить убывающую рейдовую группу сил самообороны средствами связи в полном объеме.

Также начальнику связи Николаеву О.И. отобрать для действий в составе рейдовой группы самых опытных радистов из имеющихся в наличии.

Поручить командование рейдовой группой особо сформированному центру боевого управления (в дальнейшем ЦБУ). В состав ЦБУ включить капитана Анохина Г. И., капитана Стогова Б. С, старшего лейтенанта Боброва Г. Е., переводчика и консультанта Зомга Ратте, старшего шамана Румтара и сотника Камр Адая.

Заместителю по технике и вооружению сил самообороны, капитану Бровченко И.А. передать необходимое количество боеприпасов, однако не больше, чем пятую часть складского остатка, а также обеспечить снабжение динамитом и образцами вооружения, произведенными под его руководством для боевых испытаний.

По завершении всех вышеперечисленных мероприятий доложить о выполнении.

Выступление осуществляется по готовности.

После выступления рейдовой группе совершить марш в район города Винрамз.

В указанный район выдвигаться нижеследующим маршрутом: Эльгайский перевал — Туюксу-Тордайгыр — Ри-мир — область Дэшт-Рагго — Сар-Аркаэльская степь — Винрамз. С организацией промежуточного пункта базирования и созданием складов ГСМ в районе Римирского городища.

По прибытии в город Винрамз действовать по обстановке, исходя из необходимости уничтожения террористических и бандитских формирований, орудующих в районе операции.

По завершении операции оставить в городе Винрамз гарнизон, исходя из военной целесообразности, но не более одной трети от состава рейдовой группы...

Макеев запнулся.

— ...на момент окончания операции. После чего осуществить в максимально короткий срок возвращение оставшегося личного состава и техники на место постоянной дислокации, город Октябрьск.

Ответственный за исполнение — капитан Анохин Г. И. Подпись.

Председатель Совета города-республики Октябрьск.

А. С. Макеев.

И уже садясь, добавил:

— Я сказал все. Выполнять!

...За сотни километров от Октябрьска, в глубоком подземелье, смотревший в черный полированный обсидиан немолодой человек в балахоне с капюшоном, надвинутым на глаза, удовлетворенно улыбнулся половинкой обожженного лица.

Пусть все пошло не так, как он ожидал, но, в конце концов, все закончится именно так, как ему нужно.

Он сейчас даже жалел, что жалкие чужинцы, у которых, если вдуматься, мозгов не больше, чем у их железных черепаш, не смогут увидеть и оценить красоту его замысла.

Тогда, может быть, они бы все поняли и смиренно согласились бы стать спицами в колесе судьбы. Судьбы, с которой они так отчаянно и глупо сражаются, вернее, думают, что сражаются. Но где им понять ту мудрость, что с судьбой, как и с драконом, невозможно сражаться. Разве дракон сражается? Он просто хочет пообедать...

Но, увы, сперва придется этим людишкам попасть во все старательно расставленные им ловушки. Расставленные на всех возможных развилках дороги так, что, даже выбравшись из одной, они обречены попасть в другую.

Так что пусть пока подергаются, пусть думают, что от них что-то зависит и что они что-то могут...

Бывший Сарнагарасахал. Рейдовая группа сил самообороны города-республики Октябрьск/Тхан-Такх

Колонна затормозила возле утеса с косо срезанной вершиной, где на уступах стояли выветренные статуи неведомых богов или духов.

Прямо против капища ущелье запирали вал конечной морены ледника Туюксу.

Тут кончались владения союзников, и начиналась полностью ничья земля.

Дорога полого поднималась к ущелью и вилась серпантинном по склону, выходя на древние боковые морены ледника.

Офицеры молча стояли у головной машины, глядя на покрывающие щебень маки и эдельвейсы.

На окружающих склонах по-хозяйски расположились целые колонии сурков, по гребню бежало стадо горных козлов — таутеке. На поверхности ледников и снежных склонов виднелись следы барсов.

— Ну, мужики, давайте, что ль, по машинам! — наконец скомандовал Анохин.

И колонна особой рейдовой группы сил самообороны двинулась вперед, в неизвестность.

Дорога шла гористой местностью, мимо скал, словно бы сложенных или обточенных руками человека. В горах росли березы, тополя, ели.

И солдаты, и даже местные жители с любопытством озирались, потому как местность по сторонам дороги была совсем непривычной. Горно-лесная полоса с возвышающимися среди леса скальными останцами. Их окружал вполне среднерусский лес — березы и сосны, можжевельник, густой и пахучий (у зампотеха аж слюнки текли — это ж сколько скипидара, на целую танковую дивизию нагнать можно!). Огромные тюльпаны — шафранно-красные, с цветком в две ладони.

Дальше были предгорья, пышные луга с осыпями и зарослями остролиста. Дорога шла по гористой местности, покрытой хвойным лесом. Масса грибов — груздей, рыжиков, боровиков, волнушек, лисичек. На полянах куртины земляники и сосны под три десятка метров высотой.

(Дрова! А у них даже с углем проблемы.)

Заросли крепкого самшита — железное дерево, тонущее в воде, как камень, незаменимый материал для луков и осей кибиток. За один ствол такого кочевники платят десять баранов. Это при том, что девочку брачного возраста, не самую красивую, конечно, можно купить за сорок.

А рядом со всем этим северным великолепием, в тугаях по долинам речушек произрастали миндаль и дикий виноград.

Следопыты не успевали докладывать про живность. Архары, их мелкие собратья козлики-елики, маралы, медведь, лисицы, барсуки, дикобразы, кабаны...

Воистину было чудесно перебраться сюда из сухого и ветреного Тхан-Такх, да только как это все организовать?

Но вот они покинули предгорья и вновь двинулись жаркой сухой степью. Четыре часа марша, привал с техосмотром и профилактикой и вновь в путь до следующего привала. Правда, останавливались чаще. То дряхлая покрышка лопнет, то карбюратор не выдержит сражения с дрянной топливной смесью, то сдохнет многократно уже чиненная система зажигания.

И вновь путь среди обрывистых сопок.

По пути почти не попадалось ни селений, ни даже кочевков — лишь протоптанные идущими тысячи лет караванами пути, запутанные тропы, ведущие к редким водоемам.

Колонна все чаще останавливалась, штабная группа рылась в картах и кроках маршрута, пытаясь найти редкие ориентиры вроде «двугорбого черного холма» или «старой башни с круглой крышей». Вот так башня — вроде она, но крыши на ней нет — то ли все-таки не та, то ли крыша провалилась.

Но вот, наконец, на пятый день пути на горизонте появились кое-как подновленные стены города Тордайгыр — центра одноименного оазиса.

Оазис тонул в зарослях кустарников, усыпанных белыми, розовыми, нежно-фиолетовыми и огненно-красными цветами. Укрытый от палящего зноя пушистыми кронами изумрудных сосен, раскинувшийся в долине Тордайгыр дал отдых измученному взгляду путников, уставших от однообразного степного пейзажа.

Впрочем, вблизи город оказался не столь уж красив... И явно, как бы это сказать, неприветлив.

Тордайгыр встретил их пустынными улочками и закрытыми духанами — как будто население города в одночасье вымерло. Даже бродячие собаки, имевшие привычку выбегать к караванам и лаять в надежде на подачку, в этот день куда-то исчезли. Грязные улицы, глинобитные дувалы, ишаки и верблюды в качестве основной тягловой силы. На улицах немногочисленно, совсем не видно женщин.

Неподалеку от въезда в город, в проломе стены, из-за полуразрушенного дувала выполз древний старец в рваном чапане на голое тело, в остроконечной шапке, увешанной пожелтевшими костями. Выкрикивая какие-то непонятные фразы и размахивая над головой высохшими кулачками, он попытался преградить дорогу головному БТР. Водитель, само собой, не думал останавливаться (ну какой же дурак полезет под стальную нетварь чужаков?) и едва не задавил старикашку. В самый последний момент тот, проявив несвойственную его возрасту прыть, отскочил в сторону и принялся бросать в шедшие мимо него машины пригоршни земли, что-то выкрикивая, вертясь и приплясывая.

Сидящие на броне земляне взялись дружно гоготать, кое-кто демонстрировал хрычу известный жест, одинаковый, наверное, во всех мирах, где живет вездесущее племя человеков.

А вот местные отнюдь не смеялись. Они плевались сквозь зубы, делали охранные знаки от зла, некоторые тянулись к стволам.

Затем старик резко остановился, вытаращив глаза на проезжающих мимо него чужаков, сдернул с себя рваные штаны, повернулся и выставил в сторону колонны морщинистую задницу.

Сидевший рядом с Бобровым солдат-абориген вырвал из-за пояса ракетницу, и если бы Глеб не перехватил его руку, то старый козел получил бы ниже спины добрую порцию чугунной картечи.

— Ты чего, сдурел? — выкрикнул старлей. — Без команды не стрелять!

Из сбивчивой речи бойца выяснилось, что этот старец не просто сумасшедший, а бывший жрец Шеонакаллу, которые после того, как были повергнуты их алтари и разрушен проклятый Лабиринт под Сарнагаром, не только лишились силы, но и начали лишаться рассудка. Причем чем выше было положение в иерархии, тем глубже было безумие.

Тем не менее рейдгруппа без происшествий пересекла город.

На окраине виднелся недостроенный храм. Причем не из сооружений прежней зловещей веры, большинство из которых стояло пустыми и растаскивалось аборигенами на кирпичи.

То, что это храм, было понятно, хотя по всем признакам грандиозная стройка была прекращена в самом начале: виднелись лишь фундамент и первые ряды циклопической кладки. Глыбы отесанного камня, достигавшие двух человеческих ростов, да внутренние недостроенные помещения со стенами из базальтовых плит с очень сложным расположением. По бокам возвышались десятка два исполинских колонн, подпиравших несуществующий портик. И в длину и в ширину сооружение простиралось метров на двести.

Бобров слышал об этих руинах. Перед походом весь комсостав был коротко проинструктирован купеческим старшиной Октябряска Родиром Соной насчет краев, куда они идут.

Стоит, мол, в Тордайгыре с незапамятных времен строение, но кому посвящено было да кто сооружал — неизвестно. Однако же жрецы Черного Солнца, что старались известить все культовые сооружения старых времен и богов, с чего-то его не тронули.

Но вот летописи говорят, что еще когда первые таггаты имперцев пришли на эти земли, Аггар-Тааш (так на древнем забытом языке звучало имя этого храма, а может быть бога, которому тут молились) уже был легендой.

Научная группа ОГСВ сюда, естественно, не добралась, но вот побывавший тут уже после исчезновения дромоса Костюк написал в донесении, что сооружение чем-то похоже на храмы Юкатана.

От ворот недостроенного храма на восток уходила прямая магистраль, мощенная гладкими каменными плитами. Она упиралась в городские ворота — такая необычная в этом мире кривых улочек и пыльных караванных троп.

«Прямо как дорога в ад...» — мрачно подумал Бобров.

— Надо же, как по заказу, — усмехнулся прапорщик Непийвода. — Нам именно туда и лежит путь.

Глеб даже вздрогнул и незаметно трижды сплюнул через левое плечо.

Они миновали хилые заграждения на воротах с униженно кланяющимися стражниками, и вновь двинулись по степи.

Им предстоял поход к месту знаменитой на все окрестные степи Римирской ярмарки, стоявшей на торговом пути из Оиссы в земли Конгрегации и одновременно — на пересечении путей перекочевков.

Несмотря на все беды и потрясения, выпавшие на долю бывшего Сарнагарасахала, ярмарка не захирела, и сюда по-прежнему тянулись купеческие караваны. Степные товары — кожи, шерсть, шкурки каракуля, барса и ташкуна шли в обмен на муку, украшения, оружие, посуду.

Как гласила «объективка», составленная отделом перспективного планирования, ежегодно тут продавались по сто тысяч голов коров и быков, столько же лошадей, а бараны уж точно не поддавались счету. На этой же ярмарке собиралась родовая знать, тут заключались договоры и союзы, вершились брачные сговоры. Тут даже созывался суд старейшин, который разбирал дела об угодьях и пастбищах.

Можно сказать, что там был настоящий город, хотя это было скорее городище при ярмарке.

Рейдовые маги, как бывало нередко, ничего не почуяли.

Насторожились разведчики, встревоженные странным безлюдьем вокруг обычно оживленной ярмарки.

Посланный вперед усиленный мотопатруль — ГАЗ-66 с кунгом, бронированным от стрел дюралем, и машина Боброва двинулись вперед.

Ввиду валов городища они остановились — над ними висели тяжелые столбы дыма.

Глеб Бобров спрыгнул на землю с автоматом на изготовку, уже догадываясь, что произошло что-то жуткое.

Легкий ветерок донес до него запах остывшего жаркого, словно пару часов назад кто-то неподалеку устраивал привал, жарил над огнем мясо. Когда же он увидел, откуда исходит запах, то его замутило.

На невысоком холме торчал из земли обугленный столб, на котором висел сожженный труп человека. Ноги ниже колен отпали и валялись где-то в куче углей под столбом.

Человек был прибит к столбу за руки толстыми железными гвоздями — кованными, квадратными, дорогими.

Офицер еле сдержал рвоту, но быстро привел организм в норму, вспомнив, что повидал много вещей и пострашнее.

Час спустя, въезжая в сожженные ворота в земляном валу, отряд сразу остановился — площадь перед ними была усеяна трупами. Сплошь лежали тела, изрубленные мечами, пробитые стрелами и копьями. Они лежали и поодиночке, и группами. Некоторые были раздеты догола, на других были даже неснятые золотые украшения.

Рядом с убитыми безучастно сидели живые.

При виде землян они кинулись к ним, с плачем целуя броню. Люди в бинтах на свежих ранах, с оружием, взрослые крепкие воины.

Потрясенные земляне рассыпались по полю, подбирая кто оброненный меч, кто круглый щит или копье.

Но оружия было мало — бедолаг явно застали врасплох.

Люди всех племен, кланов, сословий, мужчины, женщины и дети, раздетые донага. Их закалывали мечами, разбивали им головы, перерезали глотки. Кровь, мозги, изрубленные тела, вспоротые животы, внутренности, вырванные сердца валялись повсюду. Со стен свисали гроздьи обугленных тел, в воздухе летал запах горелой плоти. В алой воде арыка громоздились груды трупов.

Бывшая ярмарка выглядела, как кошмарный сон свихнувшегося палача...

Многих — даже и аборигенов — начало жестоко рвать.

Положение лежавших трупов указывало, что нападение было совершено на спящих людей. Среди тел виднелись перевернутые котлы у еще тлеющих костров, дорожные мешки, шапки, посохи, женские шали.

Тот тут, то там лежали в пыли и крови истерзанные останки женщин, и при мысли об их участии становилось плохо.

На самом краю котловины нашли труп мальчика лет шести, заколотого копьем в то время, когда он, видимо, убегал. Его белая длинная рубашка была красной, а рот широко открыт, маленькая ручка вытянута вперед.

Сказать сразу, сколько человек тут полегло, было сложно.

Бобров сел на пригорок, тупо глядя на окружающее. Он был как бы в оцепенении, ничего не чувствовал, ни о чем не думал.

Взгляд его уперся в разгромленную стоянку какой-то кочевой семьи.

Нападавшие, видать, были склонны пошутить — поубивав взрослых, они поймали сына несчастных и окунули его головой в котел, где в кипящем масле жарилась баранина.

И земляне и туземцы стояли, опустив руки, отрешенно разглядывая истерзанные останки. Все они были закаленными бойцами, но никогда еще не сталкивались с такой звериной жестокостью.

Краем глаза Глеб видел, как по щекам снайпера Непийводы, имевшего семнадцать зарубок на прикладе, текут слезы. Анохин стоял, не двигаясь, словно каменное изваяние, его побелевшие губы были плотно сжаты, вены на висках набухли, а ноздри раздувались, словно у хищника, почувствовавшего жертву.

Пришла в голову жуткая и неуместная, как будто отстраненная мысль, что вот тут, здесь и сейчас они видят этот мир таким, каков он есть на самом деле.

В здешних легендах цари, вожди и великие герои бахвалились тем, что кровь убитых ими врагов «реками текла в долину», а отрубленные головы валялись на поле битвы, как «копны хлеба». Об уничтожении вражеских городов говорилось так: «С восходом солнца, когда их земля раскалялась, я вспарывал беременным животы, протыкал тела слабых, сильным перерубал выи... Их кожей я покрывал столбы, одних пригвоздил я к стене, других посадил на кол».

Вспомнились зачитывавшиеся Лыковым на политинформациях трофейные летописи, где властелины Сарнагарасахала привычно хвалились:

«Я сжег три тысячи пленных. Я вырвал языки тех, нахальные уста которых говорили дерзости против господина моего Шеонакаллу, моего бога, и которые против меня задумали злое. Остальных людей живьем принес я в жертву. Их изрубленные тела скормил собакам, свиньям и волкам и насытил нетварей своих их детьми».

Это мир, где осажденные перед последним штурмом бывало сами убивали своих близких, чтобы избавить их от худшей участи.

Но ничего не поделаешь, это теперь их мир.

О том, чтобы тотчас же двигаться дальше, речи и не было.

Войско землян остановилось, и в командирской машине прошло оперативное совещание с участием немногих уцелевших местных жителей.

Из их сбивчивого рассказа выстроилась следующая картина.

В последние месяцы бывшие разбойники, мелкие скотокрады, занимавшиеся ранее грабежами и убийствами, объединились в отряды, наводившие ужас на всех, за кем не было сотни луков или крепкой стены. Но шайка, что завелась в окрестностях Римира не так давно, под началом некоего Падда Серого, выделялась зверством и беспощадностью даже на их фоне.

Вконец обнаглевшие головорезы злодействовали в Римире не только ночью, но и среди бела дня.

Моральный дух упал ниже некуда, купцы бросали дела.

И вот третьего дня пять сотен вооруженных всадников ворвались в город с западной стороны, перерезав или подкупив гарнизон главных, Соляных ворот.

Убив всех, кто попался под руку, и разграбив все, что можно, головорезы так же быстро убрались, возможно, прослышав о приближении землян.

При этом они угнали лошадей и взяли лишь золото и самую легкую и ценную часть добычи.

Все остальное — шерсть, воск, кожи, ткани, зерно было сожжено прямо в складах.

Напоследок слово взял старший магического прикрытия рейдгруппы, шаман Румтар.

По его словам, среди нападавших было несколько весьма сильных колдунов, причем именно магов, а не шаманов.

— Георгий, — обратился Бобров к Анохину после совещания, — ты не думаешь, что это они... нас предупреждали? Дескать, не суйтесь не в свои дела, а то и с вами будет то же самое.

— Вряд ли... — пробормотал капитан, отхлебывая новую порцию самогона из фляги. — Скорее, просто хотели уничтожить местную торговую точку. У Римира старые терки с... со многими. Хотя... все может быть.

Как ни кипели яростью бойцы, о немедленном преследовании злодеев речи быть не могло.

Прошли почти сутки с тех пор, как разбойники бежали прочь.

Всадник с двумя-тремя запасными конями уходит за это время при удаче на полторы сотни верст.

Кроме того, совершенно непонятно, куда они могли уйти. Отыскать их в степи без воздушной разведки и думать было нечего.

Конечно, в другой ситуации можно было бы провести полноценную облаву, разделив рейдгруппу на мелкие патрульные отряды, но сейчас это было невозможно.

Попутно выяснилось еще одно невеселое обстоятельство. По плану предлагалось оставить заправщики в Римире под минимальной охраной, чтобы не жечь даром топливо и на обратном пути воспользоваться запасами горючего.

Но теперь придется их тащить с собой, вводя возможных врагов в искушение долбануть фаерболом по цистернам.

С тяжелым сердцем покидали они опустошенный Римир.

Колонна шла почти до полуночи, при свете фар. Сделали только две короткие остановки, дожидаясь возвращения разведдозоров, посланных вперед.

Под утро степь затянулась туманом.

Тонкими заунывными голосами, подражая вою степных волков, перекликались расставленные вокруг бивуака посты.

Высоко над головой еще виден был ковш Большой Медведицы, которую тут называли Кибиткой, и рядом с ней Малой, Кобылицы. А впереди над синевшими вдаль вершинами гор Летящего Льва уже засветлела полоска слюдяного цвета. Быстро набухая, она плыла навстречу, смывая с небосклона звезды. И словно раздуваемые кем-то языки пламени в костерке, над грядой увалов затеплились первые отблески зари.

Свежий ветер погнал разорванные клубы тумана.

Рассвет окончательно прогнал тяжелые думы прошлого дня.

Им предстояла дорога, целью которой был не только город Винрамз, призвавший их на помощь. Следовало сделать так, чтобы больше никогда на этой земле не происходило кровавого кошмара, подобного тому, который они видели в Римире.

Плоскогорье Ретт-Хасс, неподалеку от Октябрьска/Тхан-Такх

По отлогому каменистому склону, петляя между кустами дикой лещины и подпрыгивая на ухабах, катился ГАЗ-66 темно-зеленой армейской раскраски. Тщательно подновленный побелкой бортовой номер 76–32 ДАС мог бы подсказать знатоку, что машина зарегистрирована в славном городе Душанбе.

Ну а местный житель, не зная таких тонкостей, безошибочно определил бы, что это подданные князя Макхея отправились по каким-то своим важным делам. И мешать им не следует, если, конечно, не надоело жить.

Вообще-то двум приятелям, Ивану Бровченко и Леше Коркунову, с чадами и домочадцами, очень повезло, потому как Макеев уже давно не позволял гонять автотранспорт по личным

надобностям. Увы, прошли времена, когда можно было просто так взять машину и поехать охотиться на сайгаков или менять сталь или золото на баранов или девушек (уж о временах былинных, временах первого года колонизации, когда мотались за триста — четыреста кэмэ за водкой или забытым партбилетом, и говорить смысла нет).

Теперь только по распоряжению кого-то из членов администрации, подтвержденному лично Макеевым. Но тут парням подфартило — требовалось забросить рудознатцев в ущелье Риандор, где по слухам когда-то кто-то видел текущую из земли вонючую черную воду.

И не без скрипа, но князь-майор согласился, чтобы машина сделала крюк и завезла двух бывших артиллеристов с женами и детьми к их местной родне, забрав на обратном пути...

Хотя земля эта, плоскогорье Ретт-Хасс, и лежит недалеко от окрестностей Октябряска, но как же отличны две эти местности.

Синие реки, полноводные ручьи, зелень вековых лесов над снежными шапками окрестных гор, лежащими до самой летней жары.

И там, где срываются с южных склонов окрестных гор, струясь в парении, водопады, где в первозданной тиши бродят по обрывистым моренам пугливые серны, доступные разве что самому искусному стрелку, расположились исконные владения клана Ретт-Хасс. Тут их гнездовье со времен незапамятных, сидят они в нем крепко, живут родовито.

Зима тут цепкая, а лето буйное, как горный ветер, и жаркое, как любовь степной красавицы.

Чуть потеплеет, снег подтает, ручьем побежит, тут же всякая скотина блажит, ластится к сосновому пращуру Раала-ааю, бережно топоча его возрождающую и оберегающую грудь.

Вознес к своей главе старец Раала-аай ладонь и хранит на ней пьянящее озеро Маркаколь (не тронь!) с медовым вкусом, с тайнами небесными и небесным ликом.

А вокруг озера — белоснежные юрты здешнего люда.

Свежа и сладка вода Маркаколя.

Кумыс дают тутошние стада целительный, густой. Выпьет человек одну чашу, раскраснеется, рот гудит, как обыз, и падает в объятия мира райских пери, пьян, душа легче мушки, оседлал все семьдесят ветров Раала-аая.

У здешних горцев обычай давний и верный. Смотрят на других сверху вниз, никого не боясь, не позволяя ни чужаку, ни своему правителю ничем себя стеснить.

Но уж если признают чужака равным себе, вернее друзей не будет!

И так же, как о доблести мужей здешних, идет слава и о раала-аайских красавицах. Чтобы описать их, не хватит слов у всех сказителей, и тщетно они будут бить по струнам и надирать голоса. Не зря говорят, что старые боги этой земли, прежде чем ушли навсегда, частенько баловали своим вниманием жен предков этого народа.

Глаза, как самоцветы, кожа — бела как снег, смех — стремительная заря, стан гибок, как ветка белой ивы. Оглянутся, чуть качнувшись, улыбнутся с вызовом, и без ума любой прохожий. А попадешься к ним на язычок, враз пришпилят тебя куда повыше с твоими сладострастными фантазиями, пожалуй, прямо к небесам, которые в Аргуэрлайле твердь, а не какая-то космическая бездна.

Сейчас в Ретт-Хассе в разгаре весна. Даже не понять уж, как и сказать, не то поздняя весна, не то раннее лето.

Нагулявшие жирок на высокогорных пастбищах люди и животины спустились к подножиям гор и вновь вживались в свои зимовья.

Из дальних глубин памяти Читтак всплыли перед глазами детские годы. Они вместе с другими детьми сидели под юртой, упившись кумыса, слушали рассказы старого аксакала, и его добрый голос будоражил воображение.

Машины тряхнуло на повороте, и все детские сказки мгновенно выскочили из головы Читтак. Она затеяла разговор с сестрой, предвкушая встречу с родными:

— А помнишь, какие травы стоят летом на пастбищах в нашей долине! Лошадей с коровами и то бывает не видать! А какой душистый запах — голова кружится! А озеро, ты вспомни наше

озеро: смотришься, как в зеркало. Соберемся бывало мелюзгой со всего селения и бежим на озеро, плещемся, ныряем, камешки швыряем. Как я соскучилась... Ничего не могу поделать...

И обе девушки, как дети, замирали в предвкушении встречи.

К вечеру машина свернула к айлу на берегу озера. В центре поселения стоял большой дом, у которого крутился десяток жеребят. Справа от дома была поднята белая юрта.

Путники остановились у этой юрты. Они подозвали к себе появившегося в дверях подростка и спросили о хозяине. Юнец ответил, что уважаемый Коолат сейчас придет.

Еще пару лет назад Читтак бы испугалась, но теперь мысль вновь увидеть своего несостоявшегося жениха не вызвала особых эмоций, и она молча ожидала его появления.

Недоросль исчез, и вместо него появился Коолат в лисьем малахае набок и чапане, наброшенном на одно плечо. Поглядывая исподлобья, он двинулся навстречу неожиданным гостям и в знак приветствия поклонился. И с ней и с ее мужем поздоровался, как с давними добрыми знакомыми. И поспешил ввести гостей в юрту.

Перед стопкой одеял сидела за шитьем смуглая курносая молодуха. Ее округлая фигурка сразу бросилась в глаза Читтак. Молодая хозяйка с недовольным видом тоже прежде оглядела женщин. Ей явно не пришлось по душе то, что женщины, нисколько не смущаясь, прошли и сели рядом с мужчинами, чуть ли не колено к колену! Взгляд ее выразил одну мысль: «Ишь ты какие! Нарядились-то как! Что они из себя воображают?»

Читтак Бровченко не рассердилась — сама такой когда-то была!

Коолат немедленно отослал юнца в большой дом за кумысом, сам расстелил перед гостями скатерть, а затем принялся вспенивать ковшом появившийся в большой чаше освежающий напиток. На Читтак он не решался больше взглянуть, робел, словно на нем висела вина перед ней. Его жена, наоборот, задрав свой короткий носик, вышла из юрты, давая знать, что и не подумает пресмыкаться перед всякими городскими, а ты, мол, крутись, если желаешь, перед ними как шут!

Читтак подумала о том, что Коолата супруга не очень любит, и ей стало жаль и его и ее. Вот собственный муж обожает ее, а она не мыслит жизни без него, и единственное, о чем жалеет, что пока не родила ему сына.

Пока. Погладила себя по округлившемуся животу и улыбнулась. Недолго ждать уже осталось.

А ведь когда-то она мечтала родить сына Коолату. Подумала об этом без капли сожаления. Что прежние мечтания девицы? Песок под ногами женщины. Она шагает, нисколько не утопая в нем, дыша новыми желаниями. Да и Коолат уже совсем другой — потяжелел, к усам разрослась борода, морщины у рта, вроде и ростом стал ниже.

— Юх, значит, едете к родным... Что слышно в Тхан-Такх? Зарежем барана, погостите! — вот и все, о чем говорил.

Внутренний голос стал нашептывать Читтак, слегка унимая волнение.

Все говорят о любви, но смысл ее сводится к тому, что любят не человека, а то удовольствие и ощущение, которое другой человек получает от него. И это вовсе не любовь к самому объекту любви. Очень большая разница в таком чувстве. Ни с чем не сравнимая разница. Человек любит до тех пор, пока что-то получает. И если что-то отдает, то обязательно требует взамен. Но как только объект любви перестает давать то, что он ожидает, то и любовь куда-то таинственным образом исчезает.

Так и случилось с Читтак и ее бывшим женихом, в дом к которому сейчас заглянула вся ее семья. Ей вспомнилось сватовство Коолата, которое закончилось, так и не успев начаться.

— Свадьба — серьезное дело... — отрезал отец.

— И прекрати нудить! — громко гаркнул он на Читтак. — Бери вот пример со своей матери. Спокойно выходила замуж, не ноет, не стонет, вопросов дурацких не задает всю нашу семейную жизнь и ни о какой такой любви и не помышляет!

— Но... — попыталась объяснить она.

— Хватит! — Терпение отца истощилось, и он уже собирался сорваться на дочь, но тут в дверь постучали сваты, и Читтак решила отказать жениху.

Решение было принято сиюминутно. С тех пор прошло несколько лет, но она ни разу не пожалела об этом.

Она встала и вышла из гостеприимной юрты подышать некогда родным воздухом.

На горном склоне пятеро всадников и всадниц — не более чем муравьи, а в могучих травах Раала-айского высокогорья и не видны стали вовсе.

Темнело, и она поторопила мужа, пора было продолжать путь.

Миновали изъеденное пещерами ущелье, проезжали меж скал, нависавших над ними, как верблюжьим горбы, объезжали валуны, отглаженные ветрами...

Здесь, у самых вершин Раала-аая, Читтак, как никогда до этого часа, осознала, что все волнения и воспоминания остались там, далеко внизу, и больше никогда ее не беспокоят.

Весь Раала-ай в лучах заката видит струною вытянувшаяся Читтак: несутся, вскидывая гривы, с ржанием и рыком кони вдоль волн хрустальных озера Маркаколь, кормят кобылицы жеребят, влекут их за собой на горные луга, пылают красно лисьи шапки табунщиков.

Слышен брех собак и блянье овец в загонах близкого айла. Козлята жалобными голосами своих мамаш рогатых вызывают. В небе звенит жаворонок. А у земли стрижи летают — прямо над головами. Подгулявшие косцы запели с переливами старую песню:

Полюбилась мне молодая вдовица,

Полюбилась мне и ее сестрица:

Всюду пред собой вижу их лица —

Справа и слева.

Я стою меж них и изнемогаю:

Больно хороши и спереди, и сзади,

Нежны душой и стройны станом,

И с большим приданым!

Та и другая.

Долго я бродил в тоске во лесах дремучих,

Где в глуши живут дикие звери —

Все равно никак не могу решиться: кто из них лучше?

Остаются мне все равно по нраву

Та и другая!

Я искал ответ на эльгайских кручах,

На ветрах гадал и на быстрых тучах,

Я просил совета даже у змиев шипучих,

Кто из них лучше?

С мукою в душе и с огнем в чреслах,

Я пришел домой, а мои девицы

Замужем обе...

Невесть откуда вылетел на жеребце с развевающимся хвостом мальчишка, увидел Читтак со спутниками и, развернувшись, рванул к аулу.

— Дяденьки подъезжают! И Читтак с Марикк с ними!

Услышав долгожданную весть, старейшина встрепенулся и суетливо принялся мотаться по комнатам, восклицая:

— Эх! Дождался!

А у окна баба раскудахталась:

— Вот появились! Четыре человека! Нет... пятеро... две женщины...

Аксакал, услышав о дочерях, не в силах был уже усидеть, словно в бок его толкнули.

Мечта аксакала Хоррисана увидеть старшего зятя с внучкой и дочерью уже сбылась, и он уже ставил белую юрту для молодоженов. Девочек он не видел с того дня, как Читтак уехала с мужем, решив забрать с собой и Марикк. Припоминая известную поговорку о том, что даже к шестилетнему ребенку, ежели он приехал издалека, хозяин, пусть он и старик, обязан выйти

навстречу и первым поприветствовать его, старейшина Хоррисан решил выбраться из дома и встретить гостей, как полагается.

Вышел, а они в ту же минуту скопом подъехали.

Первым прыгнул, ловко, почти как настоящий кочевник, Бровченко, поздоровался и, указывая на последовавшего за ним Коркунова, представил его:

— Вот ваш второй зять. Зовут его Коркунов.

— Йо, как поживаешь, дорогой? — произнес оторопевший аксакал.

За мужем, ведя с собой дочку, подошла к отцу Читтак и протянула к нему руку.

— Это ты, Читтак, дорогая? — Голос аксакала дрогнул, глаза намокли.

Глубоко вдохнув, едва смог удержать слезы. Читтак стояла печальная, не поднимая глаз.

— Как ты? Здорова, дорогая? — спросил ее аксакал, внимательно разглядывая круглый живот.

— Хвала Вечному Небу и Священной Луне!

— Вижу, вижу! Сына ждешь? Наследника рода?

В это время женщины рода повели Марикк к юрте молодоженов, обошли ее вместе с нею и ввели внутрь.

Стали подходить сородичи, здороваться. Старейшина распорядился:

— Хватит, дайте дорогу! Пусть в дом войдут! Гости вошли в комнаты. А с ними и сам аксакал. Женщины кинулись искать занавес для невесты, но старейшина пресек их суету:

— Оставьте, не носитесь тут! — И Марикк: — Не стесняйся, светик! Тебе можно! Не к месту сейчас всякие церемонии.

Та между тем и не думала смущаться. А бабы все шумели:

— Э, каков старец! Дети приехали! Полная чаша! Ну, доволен? А этот парень тоже зять, значит? Желаем долго жить да любить молодым! Блага всем вашим детям!

Старейшина действительно был доволен. Две дочери теперь замужем за почтенными людьми... Пусть и чужинцы, не из этого мира.

Внесли мешки с подарками, разместились. Старейшина ушел во двор и принялся резать с работниками барана.

Наконец, Хоррисан затворил сарай, остальные прибрались в доме, разожгли печь. Его старшая жена, почтенная тетка лет пятидесяти, старуха по-здешнему, важно переваливаясь, командовала служанками и младшими родственницами. Те выбивали пыль из кошм, трясли ковры.

А младшая, любимая доченька Хоррисана, Арма, в белом, развевающемся на ветру платье, звеня золотыми серьгами и серебряными подвесками, вытряхнула красно-желтые одеяла — на них будет сидеть ее сестра с мужем!

Хоррисан на свежем воздухе поразмышлял о том, что творится окрест, да о том, чем угостить почтенных подданных сардара Сантора.

А тем временем уже всюю шипели, пыхтели и шкварчали казаны и котлы, капал жир с ивовых прутьев, усаженных отборным мясом.

Близился час угощения и трапезы.

Поглядывая на Читтак и Марикк, возвращавшихся с прогулки, Хоррисан не без удовольствия подумал: «Достойных жен я вырастил для достойных людей — дородны, белы и идут плавно».

Увидев, что его младшая дочь, подняв на руки дочурку Бровченко, собралась с ней выйти на воздух, старейшина сказал:

— Дай-ка ее мне, дорогая! — и, нежно обняв шейку ребенка, поцеловал в личико.

Настроение — уже душа пела.

— Ей, благодарение Небу!

Посмотрел на зятьев. Вроде по-старому они господа. Но на вид никакие не господа, а как будто свои, родные дети-сыновья.

Он не смог объяснить себе сам, что за чувства его одолевают. Ладно, время, видать, принадлежит таким. И при таких «родных господах» захотелось жить очень долго.

Пока молодые люди прогуливались, чаевничали у себя, старейшина заскочил в конюшню и велел взбить молоко всех семи кобылиц, вернулся и строго проверил, как вымели-прибрали гостевую юрту. Велел жене расстелить особо толстые одеяла для беременной Читтак.

Терпеливо выждав час, послал брата за молодежью. Появившихся на пороге Бровченко и Коркунова пригласил сесть во главе дастархана, а Читтак и Марикк усадил по правую руку от себя.

Мачеха сама принялась разливать по пиалам кумыс, щедро, старательно, не обделяя даже соседей и детей. А к младшей падчерице, Марикк, ну просто пристала:

— Пей, милая, пей! Дай-ка еще подолью! Старейшина тоже не уставал потчевать зятьев:

— Почему не пьете, сынки? Ведь какой замечательный кумыс!

— Ох, отец, и рад бы, да уже напился! — отвечал Коркунов. — Дай дух переведу!

На что Хоррисан глубокомысленно и огорченно замечал:

— Ох, отвыкли вы там, в городе, от правильной еды!

На следующий день, само собой разумеется, Хоррисан устроил той. Хотел зарезать лошадь-трехлетку, но Бровченко настоял на годовалой. Тем более что десять родственных домов зарезали по барану.

Мясо в казаны не вмещалось, кумыс разве что в озеро не стекал, борцы играли плечами, всадники схватились в козлодрании, певцы дутары не оставляли...

С отцом Читтак была мягка, разговорчива, тиха, как и полагалось.

Не представляя, о чем говорить с дочерью, Хоррисан осведомился:

— Читтак, золотко! Слышал я, ты буквы разумеешь? Та закивала.

— О! — всплеснул он руками. — Никак не пойму я затей сардара. Стоит ли баб учить читать? Все равно женщинам такими умными, как мужчины, никогда не стать!

Читтак не спорила.

Женщина задумалась и молча смотрела, как Арма играет на прибрежном песке с маленькой племянницей. Да, с Армой надо что-то решать. Сестренке двенадцать, носит уже длинные платья. Непременно надо забрать ее с собой в город и найти хорошего мужа.

«Сложно им будет меня понять, — думала Читтак. — Но что ее ждет, младшую, в роду не самом богатом, но гордом? Какой муж ей найдется? Нет. надо непременно поговорить с родичами и забрать сестру с собой».

Вот только прогуляются перед трапезой, чтоб был аппетит, и поговорит. А сейчас в горы.

В горы на машине не поднимешься, только в седле. Да не беда, не всадники, что ли, лошадей не сыскать? Быстро и с умом подобрали для поездки уважаемых зятьев надежно обьежженных лошадей.

На серую в яблоках смирную кобылку, пристроив под себя еще и сложенное одеяло, взобралась Читтак с ребенком. Сам Бровченко сел на жеребца рыжей масти, Марикк досталась светло-пепельная лошадка, а Коркунов выехал на вороном коне. Сопровождавший гостей местный товарищ тоже не остался пешим.

Выехали ранним утром.

Читтак улыбалась, видя, как елозит на лошади ее сестра, отвыкшая от верховой езды. Одной рукой она держалась за луку седла, другой то перетягивала, то теряла уздечку. А вот она сама не упускала случая поехать на коне в Тхан-Такх, даже горожанок учила... И мужа, кстати, выучила!

В полдень путники остановились передохнуть в пристроившейся на склоне рощице, скушали барашка, кумыс попили и вновь забрались в седла. Двигались уже не так скоро, как в утренние часы, Марикк страдала, еле удерживаясь на своей кобыле. Читтак же бодро подгоняла свою лошадь легкими прикосновениями камчи. А девочка беззаботно дремала, покачивая головкой. Везли ее поочередно.

Между делом Читтак вспоминала историю знакомства с мужем.

Как пять лет назад, спасаясь от прорвавшейся стаи нетварей, их кочевка вышла к посту чужинцев, то есть землян. Там она и увидела статного синеглазого воина, что свалил одним громовым выстрелом из тяжеленного метателя грозного хищноклыка.

Потом почти месяц Бровченко не отходил ни на шаг от Читтак.

Так и бродил с нею по зеленым горным лугам, по лесу, то ведя ее под ручку, то обнимая за талию, то вплетая ей в волосы сорванные цветочки и собирая для нее сладкие ягоды. А если Читтак уставала, нес ее, устраивая ее голову на сгибе одной руки, а под коленями утвердив другую.

Они были настолько разными, насколько отличаются друг от друга земля и небо. Но когда их тела сливались, все отличия вмиг исчезали.

Время от времени Читтак, считая, что мужчина не должен так пресмыкаться, пыталась найти оправдание его коленопреклонению перед ней и не находила.

Он ведь мужчина, муж! И вообще, не так сидит, не так говорит, как ее соплеменники...

Но вот привыкла и поняла.

И не надо ей другой судьбы.

Октябрьск/Тхан-Такх. Площадь Ленина

Это была одна из самых «молодых» площадей города.

Ее начали разбивать с полгода назад по инициативе Лыкова, озаботившегося тем, что в столице «до сих пор нет главной площади, так сказать, сердца города и страны».

— Так чего ж тогда сразу не Красная? — попытался пошутить Макеев. — Вот только кремля нет. Ну, да ничего, дело наживное. Построим.

— Надо будет, так и построим, — сурово глянул в глаза друга вождь. — И вообще, не надо зубоскалить над святыми для каждого советского человека понятиями. Нехорошо, — проснулся в Лыкове замполит.

— Ладно, ладно, будет тебе, не петушись, — спасовал Александр. — Нужно так нужно. Ты же у нас спец по людским душам. Только вот где место подходящее найти? Сам знаешь, в городе с пустырями напряженка. Плотно строили предки...

Семен взял, да и предложил использовать под новостройку тот район города, который был разрушен остаточной ударной волной при пробое пространственно-временного канала в самом начале операции «Порог» — случайно оказавшись в фокусе устья дромоса. Глинобитные домишки, и без того державшиеся на честном слове (то была самая старая часть Тхан-Такх), были просто разрушены. До руин этих не дошли руки и во времена ОГСВ — разве что перед Эвакуацией хотели расчистить место бульдозерами под спортгородок. Что уж говорить о нынешних днях? Так они и стояли, служа местом любовных свиданий днем, а ночью давая повод для разговоров о привидениях и прочей нечисти.

Но вот нашлось и мертвому кварталу достойное применение.

— Пожалуй, — согласился майор. — Надо будет решение через Совет провести.

— Вот и займись. Твое хозяйство. Легко сказать, займись.

Это же нужно где-то толкового архитектора раздобыть. А где они среди недоучившихся студентов, призванных на службу Родине? Из офицеров ни одного приличного военного инженера не осталось. Все успели эвакуироваться.

— А я?! — возмутился Артем. Тьфу ты!

Совсем из головы вылетело, что Серегин закончил строительный техникум и по военно-учетной специальности значился командиром отделения каменщиков. Все это осталось в теперь уже далекой, той жизни. Кто ж заставит заместителя начальника школы боевых магов заниматься такими пустяками, как проектировка и разбивка городской площади?

— Да мне не трудно, — пожал плечами парень. — Даже, наоборот, приятно будет вспомнить «гражданку».

Сболтнул, не подумав, что в их условиях сказать легче, чем сделать. Вот и мается теперь, бедолага, разрываясь между основной работой и этой «общественной нагрузкой». То с дефицитом булыжника столкнется, то мрамор, добытый из руин, кончится, а новый нужно отыскать в горах и — наломать...

В общем, работа — не пожелаешь и Шеонакаллу, не к ночи будь помянут.

Впрочем, сейчас Макеева заботили не архитектурные излишества, а поход. И шутка сказать — впервые за прошедшие почти восемь лет планируется серьезная вылазка, да что там, войсковая

операция, в которой будет задействована без малого четверть живой силы и треть техники. Правда, поход предполагался хотя и дальний но, скорее всего, нетяжелый. Просто чтобы показать, что они еще сила и при случае всегда смогут повторить в бывшем Сарнагарасахале то, что уже сделали в эпоху операции «Порог».

Отчего бы не выполнить интернациональный долг? Правда, все тот же Лыков отнесся скептически к затее. По его сведениям, приносимым, как водится, степным телеграфом и орлами на хвосте, тамошние господа просто хотят решить свои проблемы их руками, да и засилья разбойников там особого нет — это не север и не восток бывшего Сарнагарасахала, где скоро грабить будет нечего, да и некого... За этими имперцами глаз да глаз нужен. Это не простодушные, хоть и хитрющие степняки. Но как бы то ни было — поход походом и владения будущие — это всего лишь будущие владения. А повседневные дела никто за него не сделает.

Может, сообщить Анохину, чтобы тот и о мраморе позаботился в порядке выплаты дани? Да не сообразил — нужно было отправить с ним пару каменщиков, чтоб проконтролировали качество материала.

Впереди замаячила знакомая каждому советскому человеку, начиная с самого юного возраста, фигура человека с лысиной и бородкой. Двухметровый бронзовый Ильич в традиционной позе — одна рука протянута вперед, показывая путь в светлое нечто, а другая держится за борт пиджачка — уже вознесенный на высокий, облицованный черным мрамором пьедестал, оглядывал будущую площадь своего имени и хитровато шурился. Дескать, верной дорогой идете, товарищи.

Извятие это незадолго до эвакуации было прислано вместе с прочим инвентарем — его отлил, что называется, сверх плана харьковский завод имени Малышева и отправил в дар Советской армии, так сказать, основному потребителю его продукции. Установить памятник не успели, а при возвращении домой, должно быть, в суматохе забыли или, может, просто решили оставить брошенным тут соотечественникам своеобразный подарок.

Вообще-то Макеев куда больше обрадовался бы какому-нибудь функциональному изделию танкостроителей, но чего уж теперь?

Так монумент и лежал на складах бесхозным, но потом его все же решили поставить рядом с гарнизонным Домом офицеров, где и планировалось изначально. (Хотя Эгорио сообщил, что бронза идола (хм!!) точь-в-точь совпадает с той, что идет на сеньянские монеты, а из четвертьтонного вождя получится не менее пятидесяти тысяч таких, что равно пяти тысячам баранов!)

К статуе привыкли, в конце концов, какой же советский город без Ильича?

И даже не удивлялись, когда степняки и купцы, забредая в город, оставляли у базальтового постамента бусины, разноцветные ленточки и лоскутки или выплескивали на камень араку и самогон, видимо, вождь мирового пролетариата числился у них кем-то вроде великого предка землян.

В конце концов, вон дапуры точно так же поклоняются Большому Барану — священной скале, напоминающей означенное животное, а у тиролов в предках числится Белый Олень, поэтому земли их сразу узнаешь по торчащим тут и там рогатым оленьим черепам, на рога которых привязаны цветные нити и пучки конского волоса.

Макеев оглядел площадь и довольно цокнул языком. Последнее время он был в приподнятом настроении.

Само собой, стройка, площадь и прочее.

Но главное, конечно, в другом. Он чувствовал, что жизнь и в самом деле понемногу налаживается, и если не наделать глупостей, то впереди уже можно различить не просто просвет, а хотя и долгий и нелегкий, но подъем. Последние два месяца ознаменовались немалыми успехами.

В Артмастерских сделали и испытали первый экземпляр аккумулятора местного производства, как доложил Бровченко. Это было весьма кстати, ибо имеющиеся у них явно доживали буквально последние дни — на большинстве машин уже приходилось пользоваться заводными ручками или запускать их от стационарного генератора в гараже.

Аккумулятор был страшненький, как и все их самоделки. Раза в два больше обычного, цилиндрический корпус из керамики работы местных гончаров, разделенный внутри на ячейки, а сверху еще обтянутый кожей и войлоком, чтобы не разбился. Для него пришлось даже сколотить особый ящик в кузове ГАЗ-66, и заряд он держал так себе. Но этот аккумулятор был вполне пригоден к делу и целиком изготовлен из местных материалов, с отлитыми под присмотром Эгорио по образцу старых пластинами и тянутыми им же из меди проволоками (кислоту они научились делать уже как лет шесть).

Кроме того, началась работа сразу над несколькими проектами.

Пробудились наконец академики и представили проект радикального решения проблемы боеприпасов, точнее, сразу два. Во-первых, пушку на жидком топливе — удлиненный цилиндр, как в обычном автомобильном двигателе, поверх поршня которого кладется снаряд или заряд картечи.

Второе, один из парней второй роты обнаружил в своем чемодане страницу из польского научно-технического журнальчика (его перевели в Аргуэрлайл из Северной группы войск), в которую были завернуты хранимые им письма из дома. Ничего особенного вроде как? Да вот только на той страничке был рисунок древнеримского скорострельного арбалета-полибола с описанием технических подробностей. Сейчас текст кряхтя переводили на русский, а главкузнец, неутомимый Самтар, уже начал отковывать детали для него и разрабатывать технологию массовой отливки болтов, в то время как автомеханики разрабатывали схему приведения его в действие автомобильным двигателем. Правда, дальноточность его ожидалась невысокая, метров четырехста, но уж в этом радиусе не поздоровится любому врагу.

А на подходе было еще одно решение — решение проблемы транспорта. Ведь как ты не эконошь моторесурс, как не трясишься над запчастями, а настанет день, когда остановится последний грузовик и бронетранспортер. И что прикажете делать, организовывать кавалерию и переналаживать Артмастерские на выпуск сабель и пик?

Сперва думали решить дело с помощью паровиков. Но прикинув так и этак, Макеев со товарищи подумали, что паровая машина уж слишком прожорлива по части топлива (а в Тхан-Такх бывало зимой и навоз кидали в очаги), с другой же стороны — воспроизвести ее не так уж сложно, а земляне пока были не склонны устраивать в Аргуэрлайл промышленную и техническую революции.

Посему было решено изделие Самтара пока отправить в кладовую (еще пригодится детям-внукам, когда встанет вопрос о железных дорогах и кораблях) и попробовать сделать нормальный дэвээс.

Ребята Бровченко изучали так и этак разные двигатели, перепортили немало бумаги на чертежи, строили прототипы из запчастей и ломаных деталей, прикидывая, как будет работать конструкция, если из нее выкинуть тот или иной элемент, и старались упростить устройство до предела.

В конце концов так и родился проект машины под названием «Конек-Горбунок», он же «Верблюд».

Машина должна была представлять собой отлитый из чугуна двухцилиндровый движок, поставленный на дубовую, усиленную железными полосами раму, иметь три колеса, одно из которых ведущее, и примитивную двухскоростную же передачу — ход тихий, ход полный.

Двигатель, кстати, являлся новым словом в технике. Это был не дизель — там воздушно-топливная смесь воспламеняется сама, от сжатия, а тут этого не было, и не обычный бензиновый — с карбюратором и топливным насосом. Ибо сложный в выделке карбюратор был признан «буржуазным излишеством» и на этом основании отменен, а горючее самотеком поступало из бака на крышке капота. Хочешь остановиться — перекрой топливный кран и заглуши мотор. Зажигание было отдельной песней. Повозившись с калильными шарами, инженеры гарнизона придумали нечто вообще несусветное — воспламенение топлива с помощью особой запальной свечи. Пропитанную селитрой тонкую деревянную лучину вставляли в особый патрубок, поджигали снаружи обычной зажигалкой, быстро-быстро заворачивали пробку, и двигатель срабатывал, плюясь огнем и искрами.

Пока что были изготовлены лишь первые детали будущего чуда техники, но Бровченко клялся, что машина выдаст километров пятнадцать — семнадцать на полном ходу и три-четыре на тихом. Годится и как трактор и как грузовик — прицепы таскать.

Потом они обещали заставить работать свое детище от газогенератора, сняв вопрос с топливом.

Еще к ней вполне можно было присобачить тот самый полибол и огнемёт. И обшитая листами железа она превращалась в почти неуязвимую боевую машину, причем, как подчеркивал в докладной записке Бровченко, даже не очень большой заводик смог бы выпускать таких монстриков сотнями в год. Этак и о завоевании мира можно подумать!

Наконец, не далее как на прошлой неделе академики отыскивали Макееву парня — ефрейтора Толю Карнаухова, который в детстве несколько лет занимался в авиамodelьном кружке. И тот, после разговора с сардаром, согласился продолжить работу Шкуратова. Во избежание аварий было принято решение пока ограничиться дельтапланами, как самыми простыми по конструкции. И Макеев не отпустил Карнаухова, пока тот клятвенно не пообещал начать тренировки с минимальной высоты полета, прыгая с невысокого холма в предместье. Кстати, он уже нашел ученика — сына местной знахарки Римакки, у которой квартировал (и не только). Тот «заболел» небом после того, как Анатолий сделал ему просто так игрушечный самолетик из веточек и бычьего пузыря...

Еще Бровченко предложил построить рельсовый путь от города к угольным шахтам, где на угольных пластах стоял поселок горняков. Сейчас уголь возили в повозках за сто с лишним километров на повозках, запряженных верблюдами, — оборачивались за четыре — пять дней и как ни старались, топлива не хватало. Зимой даже в Замке бывало прохладно, и случалось скрепя сердце приходилось гонять за углем грузовики.

Сперва Макеев хмыкнул, прочтя про рельсы. Неоткуда взять столько чугуна, чтобы их отлить.

Но оказалось, что ребята задумали проложить дорогу из деревянных брусьев да гонять по ней деревянные же вагонетки, как это было на старинных шахтах. При этом одна-единственная двухтонка могла бы тащить целый «поезд» из таких вот тележек по двадцать — тридцать тонн, проходя весь путь всего за несколько часов.

Правда, для этого придется построить настоящую лесопилку и вырубить немало деревьев, а в районе шахт уже и так начались оползни из-за сведенных под древесный уголь и крепеж лесов. Проект с использованием той же паровой машины прилагался. Но зато и Октябрьск, и окрестные селения перестанут мерзнуть.

Так что, размышлял Макеев, они, похоже, пережили самые плохие времена. Теперь еще у них появится избыток ресурсов — в Винрамзе есть и шелк для дельтапланов, и там запросто можно будет наладить выпуск «Коньков-Горбунков»...

Кстати, там же надо будет отыскать пару мастеров по изготовлению бумаги и лаской либо таской перевезти в Октябрьск. Почему-то никак у них с производством бумаги не выходило, а вроде бы бездонные запасы, оставшиеся от несостоявшейся газеты, того и гляди иссякнут.

Стоп, а зачем их куда-то везти — построить бумажную мануфактуру прямо на месте, благо там полно хлопка.

Можно будет даже начать производить туалетную бумагу, а то уже какой год начальство пользуется тряпками и стираной ветошью, а простой народ давно заготавливает травку-форушку, дающую отменно мягкое и нежное сено...

Да уж, и «Коньки-Горбунки» еще не поехали, и не факт, что поедут, да и Винрамз еще не взят, а он уже размечтался...

Но вот рельсовой дорогой надо заняться. Можно даже будет потом провести ветку от рудников к горячим источникам — курорт организовать.

— Как тебе, Гриша, такая мысль... — начал майор, обращаясь к Сурову, но договорить не успел.

Что-то ударило в левое плечо, развернув Макеева вполоборота. Руку словно огнем обожгло.

— Ложись! — заорал телохранитель, сбивая градоначальника с ног и прикрывая его собственным телом.

Два нечеловеческих визга-звука слились воедино. Причем один из них вылетел-таки из людского горла. Васконо Сатт был мастаком издавать такие боевые кличи, что им, наверное, сам Соловей-разбойник бы позавидовал. Вторым звуком был знакомый свист летящей арбалетной стрелы.

До цели она не долетела, сбита стремительным ударом одной из сабель двуручного бойца.

Не дожидаясь, пока за ней последует новая, зоркий степняк, заприметивший, откуда прилетела остроклювая «птичка», грозно размахивая обеими клинками, ринулся в атаку.

Стрелок прятался в одном из полуразвалившихся домов, все еще окружавших площадь.

Макеев попробовал встать, но Гриша не позволил ему сделать этого, грубо прижав голову командира к земле.

— Лежите, товарищ майор! Опасность еще не миновала.

— Нужно помочь Васконо! — заупрямился градоначальник, в нос которого набилось изрядное количество пыли.

— Какой из вас помощник с одной-то рукой, — скептически хмыкнул Суров.

— Да ничего, нормально, — попробовал пошевелить шуйцей Александр.

Телохранитель бегло осмотрел рану и подтвердил:

— Стрела прошла по касательной, лишь оцарапав кожу. Хотя крови и много, но кость не задета. Повезло вам.

— Вот видишь, — ловко вывернулся и поднялся на ноги упрямец. — Вперед, на помощь товарищу!

Суров пробормотал под нос, что еще не известно, один ли покушавшийся или целая шайка, но Макеев его уже не слушал и стремглав понесся к развалинам, среди которых скрылся Васконо. Оттуда доносился звон клинков.

Когда майор оказался на месте, глазам его открылась завораживающая по красоте картина.

Его второй телохранитель сражался один против троих нападавших. Это были такие же, как и он, степняки, вооруженные привычными для данной местности кривыми саблями. Неподалеку на земле валялся взведенный и уже готовый к стрельбе арбалет. Тут же лежал и колчан с металлическими стрелами.

Сатт не просто дрался. Казалось, он танцевал. Гибкие повороты корпуса влево, вправо, назад, вперед. Точно хулахуп вертел на талии. Взмахи рук-крыльев. Слепящий блеск клинка.

И все-таки трое против одного — это многовато.

Тут не до любования. Чай, не танец с саблями из балета Хачатуряна «Гаянэ».

Майор вытащил из кобуры «Макарова», прицелился и нажал спусковой крючок.

Хлоп.

Одним разбойником меньше. Попал подлюге прямо в лоб.

— Вот душман бл...й! — выругался, увидев, что труп при падении повис на правой руке Васконо, открыв тому бок для удара.

Этим не преминул воспользоваться один из бандитов, нанеся нукеру колюще-рубящий удар, к счастью, пришедшийся вскользь. Однако движения Сатта все же заметно замедлились.

Гриша Суров от бессильной злости кусал губы. Применять автомат в таких условиях рискованно. Не ровен час, в своего попадешь. Ишь ведь как вертятся туда-сюда.

— Суров, твою мать! — гаркнул Макеев. — Примени что-нибудь из своего арсенала!

— Етить...

Как это вылетело из головы. Никак не привыкнет к своим новым способностям боевого мага. «Калашом»-то сподручнее.

Ну-ка, душманяры, получите подарочек.

Он стал совершать руками пассы, собираясь сварганить фаербол. Между ладонями прошла оранжево-голубая искра. Из воздуха начал формироваться огненный шар...

И тут со стороны раздалась автоматная очередь.

«Я ведь говорил, что их тут может быть много...» — мелькнуло в голове раненого мага.

Уже падая, он сумел закончить заклинание и послал шаровую молнию в ту сторону, откуда прилетели подлые пули.

Прочертив в воздухе дорожку, напоминающую выхлоп реактивного самолета (только не белого, а желто-багрового цвета), фаербол пробил стену дома-руины и оглушительно взорвался, закончив то, что когда-то недоделал советский адский механизм. От здания-скелета осталась лишь кучка щебня, похоронившая того, кто скрывался там в засаде.

Воспользовавшись секундным замешательством оглушенных взрывом кочевников, Макеев пристрелил еще одного бандита.

С третьим Васконо Сатт управился уже самостоятельно.

— Три трупа и три калеки, — оглядев поле боя, скривил губы в невеселой усмешке майор.

— Четыре? — донесся с земли стон Гриши.

— Что? — не понял Александр, склоняясь над Суровым.

— Четыре трупа, говорю, — прокряхтел телохранитель, у которого кровенили обе ноги, кивая в сторону взорванного им дома.

— Это еще посмотреть надо, — покачал головой Макеев. — А вдруг ты был прав, и там их тоже пара-тройка...

— Александр Петрович! — что есть мочи кричал Серегин, бегущий во главе группы рабочих, выскочивших из-за руин. — Ты жив?!

— Жив, жив! — вырвался из цепких объятий друга майор, хватаясь за саднящую руку. — Что мне сделается? Я заговоренный против покушений.

— Да как же это? — растерянно лепетал Артем, пока его люди оказывали первую помощь Грише и Васконо. — Откуда они взялись, убийцы-то?

— Эти вот из Степи, — кивнул на трупы Сатт. — Из кочевья хана Гохосс-Са.

— Ты почему знаешь? — усомнился Артем.

— По манере боя, — нахмурился степняк. — Есть у тамошних бойцов пара своих приемчиков. Ни с какой другой школой не спутаешь.

— Положим, — согласился, скривившись, Макеев. — А те или тот?.. — Махнул здоровой рукой на развалины.

— А что там?.. — полюбопытствовал Серегин.

— Покопайтесь, — предложил градоначальник. — Вдруг чего и обнаружите любопытного.

Рабочие принялись дружно махать кирками и лопатами, разгребая щебень.

Раз, другой, и из-под завала сначала показались ноги в армейских сапогах.

— Офицерские! — ахнул кто-то из парней-землян. Одна рука. Вторая.

А вот и голова.

— Не может быть! — не поверил молодой маг. — Зачем ему это было нужно?!

Щеря желтые зубы, на него глядел пустыми, выжженными глазницами командир взвода быстрого реагирования старший лейтенант Шмаков.

— Может, как всегда своей анаши накурился? — сплюнул в сердцах Александр.

— Хорошо бы так, но как он оказался здесь одновременно с *этими*? Похоже на заговор, командир...

— Разберемся, — поигрывая желваками, процедил сквозь зубы сардар.

Да, воистину, если все идет слишком хорошо, то ожидай какой-нибудь пакости!

Бывший Сарнагарасахал. Степь перед горами Летящего Льва

Посреди каменистой неровной степи на вершине холма стоял бронетранспортер, уставив в горизонт грозно воздетую пушку. Внизу, у подножия холма неровным кругом выстроились такие же бронезвери и грузовики.

В центре круга торчали треплемые ветром шатры и выгоревшие армейские палатки, дымили костры и одинокая полевая кухня, бродили фигурки в хаки. Сложенные в разных местах мешки и снующие туда-сюда люди очень напоминали экспедицию, совершенно случайно натолкнувшуюся на развалины какого-то древнего поселения и спешащую поскорее начать раскопки, чтобы определить, в какую эпоху и кто именно жил раньше в этом диком, безлюдном месте.

Неловко топтались автоматчики и стрелки из местных, которым в массе автоматов не доверяли — не из сомнений в верности, хотя Стогов, например, и по сию пору смотрел на них искоса. Недостаток боеприпасов заставил вручить скорострельное оружие лишь немногим, кто учился еще во времена до закрытия дромоса. Командиры, увы и ах, не могли ни позволить тратить драгоценные патроны на обучение пополнения, ни тем более — палить в белый свет как в копеечку.

Оставшимся бойцам выдали ТТ, ПППШ. да еще изобретение Бровченко — ракетницы, переделанные под стрельбу самодельными патронами, сделанными из сигнальных и набитыми самодельным же пироксилиновым порохом, в соединении с ракетами, снаряженными жаканами или картечью. Били они недалеко, но как оружие ближнего боя вполне годились. Тем более что при выстреле давали шикарный выброс цветного пламени метра в два, приводившего местных жителей в полный ступор (проверено в стычках с разбойниками и степными мародерами).

Высунувшись по пояс из верхних люков БТР-80, двое мужчин с автоматами на изготовку старательно осматривали окрестности. Старший — уже начавший сидеть крепыш с двумя звездочками прапорщика на выгоревших погонах, время от времени прикладывал к глазам старательно обернутый в мохнатый войлок полевой бинокль (не дай бог, случайно разобьешь — оптика для гарнизона стоит куда дороже тех же патронов, ибо «гляделок» и десятка не наберется).

— Смотри, Алексеич, — бросил второй, старший лейтенант Глеб Бобров, — сайгаки внизу...

И в самом деле, на противоположной стороне холма из низких зарослей тамариска появились три сайгака — взрослый самец, молодая самочка и сеголеток.

— Эх, поохотиться бы... — Лейтенант мечтательно повел стволом автомата. — Хоть свежатины бы поели...

— Угу, а чем нас, по-твоему, Анохин за расход боеприпасов накормит? Сказать или сам угадаешь?

Но тут же запнулся. Из-под ветхой парусины, растянутой на корявых рогульках, выбрались два бойца их экипажа. Оба в подобии песчанки. Правда, из местного грубого холста и пошитой вручную. У одного под мышкой арбалет, другой держал лук с наложенной на тетиву стрелой.

Это были солдаты самообороны из местных. Тот, что с луком. — городской пастух Симо Ракар, а арбалетчик — старший сын кожевника из Зеленой слободки — Уфас Нит. Оба буквально на коленях упростили взять их в этот поход. Прежде они были воинами Сарнагарасакхальской империи и явно тяготились мирной жизнью.

— Туварыс натчальник, — выдавил Уфас по-русски, — разрешытте бобыть мяса? Из рушыя стрелять нельзя, а лук мощно веть?

— Разрешаю! — бросил лейтенант, еле-еле удерживая усмешку от забавного акцента парня.

Хотя и корил себя за нее про себя — вон небось абориген неграмотный русский выучил, а ты до сих пор двух слов связать не можешь, не в пример тому же Владимиру Алексеевичу Непийводе! Но и у прапорщика, и у прочих солдат были хорошие учителя, верней, учительницы, а он вот все один.

Оба бойца по-неуставному поклонились и направились к обрыву, под которым мирно паслись сайгаки, отсюда казавшиеся маленькими рыжими пятнышками.

— Вот времена настали, — вздохнул Алексеич, — в поход идем, в важный, а оружие справное-то не у всех есть!

Бобров грустно кивнул.

Что было, то было. Мало того, что рейдгруппа лишь на две трети состоит из нормальных солдат Советской армии, а треть — это местные жители — не все даже успели послужить в «экспериментальных ротах», и мало что не у всех обычное оружие — так вот еще и лучников уже приходится на службу привлекать.

А с учетом того, что запасы патронов, несмотря на все старания, тают, то вполне возможно, недалеко время, когда придется еще сажать лучников на броню.

Правда, этих двух ребят в поход взяли не от нехватки людей, а по их огромной просьбе.

К тому же — мало ли как сложится обстановка — лук и арбалет, как известно, отличаются тем, что почти бесшумны, а среди сотен стволов гарнизона как назло ни одного с глушителем.

— Ну, чего, — осведомился пастух у кожевника, — попадешь ли из своей мышеловки в козлика? Тут ведь как-никак шагов триста будет?

— А я тебя и спрашивать не буду, бараний повелитель, — самодовольно бросил кожевник, отставив ногу, как бы готовясь к стрельбе. — Ясно же, что не попасть, когда это бродяги степные стрелять умели метко?

— Ну-ну, — белозубо улыбнулся Симо, — а если вспомнить, как наши вас при моем деде под Рубарасом покосили? Десять тауф легло тогда — вот такими вот луками вас к вашему Черному Солнцу отправили.

— Отставить разговорчики! — рявкнул с высоты бронемшины Глеб, хоть и плоховато изъяснявшийся на местном наречии, но хорошо понимавший его. Он заметил нехороший блеск в глазах Уфаса. — Если есть охота — охотьтесь...

Обиженный Уфас отступил обратно и вновь сел под импровизированный навес, всем своим видом показывая: «Да мне-то что...»

А довольный Симо подошел к самому краю плоской вершины, поднял лук, как бы примериваясь, опустил, вновь поднял...

— Как думаешь, Алексеич, попадет? — справился старлей, глядя в бинокль на мирно пасущихся копытных. — Тут ведь метров двести! Может, арбалетчику приказ по форме отдать, чтоб оно было бы надежнее?

— Думаю, попадет, — ответил прапорщик. — Это ж такой народ. А Симо я раньше в деле видел, на осенней охоте. Он семистрельный лучник, а это не шутка!

— Семистрельный не семистрельный, а стрелять-то придется сверху вниз. Против войска конечно бы в самый раз, — щегольнул лейтенант знаниями местной тактики. — Но вот...

И в этот момент Симо выпустил стрелу. Всякий раз, когда он это видел, Глеб не мог не восхищаться.

Никаких картинных поз, никакой оттяжки тетивы и долгого прицеливания. Да и не вышло бы — сила натяжения хорошего степного лука была килограммов под семьдесят.

Просто воин быстро поднял лук, рывком растянул тетиву и тут же отпустил.

Долгие секунды стрела летела вниз и вперед — и вот уже бьется на земле с пробитым боком сеголеток, а два других сайгака удирают прочь, скрываясь в высоком разнотравье.

— Ух! — довольно воскликнул и потер руки Алексеевич, глядя, как Симо размашистым шагом спускается по склону за добычей, спрятав лук в горит.

— Видал?! Кстати, ты внимание обратил? — хитро прищурился прапор. — Ребята сайгаков ведь увидеть не могли, а вот засекли!

Лейтенант растерянно глянул на колышимый ветром навесик, под которым устроился вместе с дремлющими бойцами дозора все еще дующийся Уфас.

«Черт! Аив самом деле!»

Может, услышали разговор наш? Или Румтар подсказал? Взгляд старлея уперся в устроившегося на самом солнцепеке с отрешенным видом Румтара — старшего шамана. Смежив веки и сложив руки на обтянутых ветхими шароварами костлявых коленях, он, казалось, был напрочь отрезан от тревог мира сего.

Но оба командира знали, что на самом деле он чутко вслушивается в отзвуки иного мира. Не приближается ли неведомая угроза и не готовится ли враждебная волшба?

Правда, эта его медитация не всегда помогает, и совсем недавно они могли в этом убедиться...

...На тысячи километров раскинулась необъятная желтая степь с древним, неведь откуда пришедшим именем — Сар-Аркаэль. В ней то тут, то там ковыльные просторы сменяются гористыми урочищами, покрытыми лесом или небольшими обрывистыми плато.

Если верить геологической службе гарнизона в единственном лице сержанта Хубиева, когда-то здесь было мелкое теплое море, затем в триасовом периоде (или что тут было вместо него) возникли горы, ныне почти стертые беспощадным временем. Извержения вулканов и

прорвавшаяся магма оставили после себя гранитные останцы, и на этих гранитных островах развилась буйная растительность — так в степи возникли зеленые оазисы.

По словам Хубиева, именно в таких местах можно найти золото, свинец, молибден и, что важнее всего для них, — нефть, поскольку под слоем разрушенных горных пород захоронены росшие по берегам и лагунам древнего моря пышные леса.

Сами аборигены, впрочем, объясняют это изобилие по-своему.

В давние-давние времена, когда Хозяин Неба создавал Аргуэрлайл, одним народам он дал обширные водные пространства, другим высокие горы и озера, третьим тучные поля и дремучие леса.

А вот предки местных жителей опоздали на дележ и остались ни с чем. Стали просить они творца уделить им хоть частицу великолепия, что досталось другим, но в мешке с дарами уже показалось дно. А Всемогуший был скуповат, как это бывает с богачами, и не захотел отдавать последнее.

Тогда на помощь поспешил молодец Аолтар — сын простой пастушки и доброго лесного духа.

Он забрался на небо и, дождавшись, когда тамошний Хозяин вздремнул после трудов праведных, прорезал оставленным отцом волшебным клинком мешок бога.

И из дыры посыпались в голую степь зеленые горы, скалы, озера, изумрудные луга, ключи со студеной водой, весело журчащие ручьи. Горы покрылись лесом, лес населился зверями и птицами, озера — рыбой, луга — насекомыми и бабочками, каких не встретишь в окрестной голой степи. Так и появился на Аргуэрлайле этот край.

Так или не так уж было, кто этот Аргуэрлайл разберет?

Во всяком случае, край действительно восхищал. Особенно после Дэшт-Рагто — безводной каменистой полупустыни, которую они вчера пересекли. По пути от хребта Унгаза, что отделяет владения Тхан-Такх от нейтральных, ныне ничьих земель бывшей империи Сарнагарасахал, попадались считанные источники воды. И имелись лишь два города, имеющие право так называться.

Когда-то эти выжженные солнцем края были заселены. В дороге они видели целые галереи наскальных рисунков неведомых эпох — колесницы, боевые слоны, деревья, люди с многочисленными стадами. Пару раз встречались какие-то совсем уже сточенные временем руины, некрополи с надмогильными сооружениями, украшенными замысловатым орнаментом, храмы, вырубленные в известняке неизвестными зодчими тысячи лет тому назад.

Дальше пошли мелкие соленые озера и такие же соленые источники, перемежаемые невысокими горюшками, где из камня выступали окаменевшие морские ежи, раковины и кораллы.

Края эти были вроде как ничьи, но люди тут жили. Платили дань четвероюродному брату Ильгиз, трехбунчужному хану Таппаку, так что они пока шли вроде как по союзным землям.

Но не далее как три дня назад именно на этих землях на них и напали в первый раз.

Тогда они мирно катились по такыру, выжимая из «пожилых» уже машин пятьдесят камэ, впереди бээрдэмки, за ними, как водится, грузовики с кунгами, замыкающими бэтээры.

Нормальный марш — ни людей, ни даже тарпанов с шакалами...

А потом вдруг из далеких развалин глинобитной крепостенки, какие попадались им чуть не десять раз на дню, прилетел самый настоящий фаербол и долбанул головную БРДМ.

Мгновенно колонна остановилась, началась беспорядочная стрельба в сторону противника, пока Анохин с матюками не приказал прекратить огонь и даже высунулся из машины с копьём, на котором болтался белый бунчук — принятый тут знак мирных намерений. И тут же командирская КШМ получила второй фаербол в борт — Георгий еле успел захлопнуть люк.

Тут уж явно стало не до переговоров.

Анохин потом сам признал на совещании командиров, что сделал ошибку: вместо того, чтобы приказать дать всем задний ход да и обогнуть гнездо невежливых колдунов как-нибудь стороной, он решил разобраться, кто тут такой прыткий.

(Хотя если подумать, тут ведь закон такой — бежишь, значит, трус, значит, недостойн топтать эту землю.)

Поэтому, отведя колонну на безопасное расстояние и посоветовавшись по радио (вперемешку с руганью), выработали решение примерно наказать наглецов.

Для атаки было выделено семь бронеединиц, вместе с той злосчастной бээрдэмкой, которая почти не пострадала (только лопнула гидрорессора, и в десантное отделение вылилось с полведра горячего масла, никого к счастью не задев).

План был прост. Прикрываемые всеми наличными шаманами и чародеями пять машин подходят к стенам крепостцы, пулеметным огнем сбивая всех, кто высунется из-за стен. А уж как подойдут вплотную, сводное отделение гранатометчиков (все имеющиеся в рейдгруппе стрелки из РПГ) просто забросает снарядами сидящих внутри навесным огнем.

Затем с тылу атакуют две оставшиеся и высаживают десант — полтора десятка автоматчиков войдут в ворота и зачистят всех, кого поймают по принципу: «Сперва стреляй, а потом спрашивай». Ага, разбежались...

Вначале противник повел себя не так, как ожидалось. Не стал лупасить напропалую красивыми, но, в сущности, не страшными бронемашинами фаерболами по атакующим, не подставился под пулеметы экипажей и ответные заклятия шаманов.

Просто в нескольких сотнях метров от безымянного форта из почти рухнувшей башни в крайнюю справа БМД-80 вдруг ударила невиданная раньше бледно-сиреневая молния.

Именно здесь и сидел по иронии судьбы Глеб Бобров.

Машина, словно при подрыве на mine, с оглушительным грохотом подпрыгнула, а потом стала разваливаться. Длилось это лишь несколько секунд, но запомнил он все хорошо.

Сначала через голову Глеба пролетели два огромных ящика с ЗИП (каждый из них с большим трудом могли поднять два солдата). Затем полетели в противоположные стороны кормовой и носовой броневой листы. (После боя выяснилось, что железяки улетели на полсотни шагов.) Останки БМД еще немного прокатились вперед и остановились.

Стало очень тихо...

А потом тишина взорвалась отчаянной стрельбой, грохотом пулеметов и пушек, взрывами гранат.

Колонна лихо расстреливала крепость из пушек, пулеметов, АГС. Даже, видать со страху, пустили один из еще остававшихся ПТУРов.

(Впоследствии Анохин лишь скрежетал зубами, подсчитывая расход боеприпасов.)

Впрочем, команде во главе с Бобровым было не до этого. Говоря прямо, они все, включая шамана Румтара и его самого, старшего лейтенанта Советской армии, испуганными зайцами порскнули прочь от машины.

При этом хуже всего пришлось шаману. Когда после взрыва он пытался покинуть машину, его голова застряла в люке, удерживаемая очень тугим разъемом шнура радиостанции. Он так верещал, что старлей уже решил, что чародея вот-вот хватит кондратий и, чтобы помочь, вынужден был отвесить ему хорошего пинка по торчащему из люка задку.

Когда Глеб немного пришел в себя, то первым делом пересчитал и оглядел людей. Все вроде были целы, но не хватало одного десантника — тот как раз сидел в боевом отделении, в кресле, приваренном к моторной перегородке. И пока остальные члены ударной группы в пыли и дыму носились туда-сюда, Бобров заглянул в башню. И выяснил, что перегородка вместе с креслом и, видимо, солдатиком улетела вперед, влипнув в автомат заряжания.

Однако солдатика в этой мешанине железа не оказалось.

Нашли беднягу аж в километре от крепости, где он, сидя на корточках, плакал, одновременно очень жидко справляя большую нужду.

Тем временем заходящая с тыла бронегруппа беспрепятственно ворвалась в крепость, но не нашла там ничего, кроме свежего кострища, обглоданных костей и уходящей куда-то в глубину шахты в подвале главной башни. Той самой, с которой стреляли странной молнией.

Ни трупов, ни пятен крови...

Кстати, убедились еще и в том, что дувал остался почти целым. Конструкция из обычной глины, замешенной на воде, оказалась исключительно прочной. Ни тридцатимиллиметровые снаряды 2А42, ни даже гранатометы не пробili ее насквозь.

Колонна поневоле остановилась, поскольку с такой магией сталкиваться еще не приходилось.

После осмотра БМД (вернее того, что от нее осталось) испуг перешел в изумление.

Старший лейтенант не мог понять, как они уцелели.

Начиная от башни, сзади у машины все было разворочено. Борта раздуты, днище прогнулось, крыша-бак, между прочим, очень прочная и толстая стальная конструкция, сорвана и изогнута, как будто с нею позабавился великан. Кормовой бронелист улетел метров на пятьдесят, хотя три десятка болтов его крепления остались на месте. С кусками брони.

Все броневые крышки, люки и лючки были сорваны. В моторно-трансмиссионном отделении масляные и топливные баки стали похожи на смятую пачку из-под сигарет, толстая труба воздуховода превратилась в плоскую ленту.

Как не вспыхнуло горячее — непонятно... Чем долбанули по машине, так и осталось неизвестным.

Колдуны и шаманы, все приданные рейдгруппе пятнадцать человек, мало того, что толком не смогли определить магию, так еще и заявляли, что заклятия такой силы, чтобы разбить стальную коробку, остались лишь в легендах. Так что или по ним выстрелили из какого-то древнего оружия (как в недобрые времена похода против почившей Конгрегации), или же просто взорвались пары спирта, просочившегося в моторно-трансмиссионное отделение, где не было вентиляции. Хватило бы и стакана спирта, как сказал зампотех. Но спирт был смешан с маслом и прочей дрянью и просто так просочиться через хорошо подогнутые сальники не мог.

Одно хорошо. Чародеи, поколдовав над останками железного зверя, пришли к выводу, что ближе, чем на ста метрах таинственная магия не опасна.

Но что-то подсказывало старшему лейтенанту, что на этом дело не кончится.

Ладно, как бы то ни было, им осталось меньше двух переходов до города Винрамза, где их должны были ждать друзья и союзники. Только вот в этом было все больше сомнений. Как бы не пришлось возвращаться несолоно хлебавши.

Что и говорить, мало кто любит их в бывшем Сарнагарасахале.

Оно и неудивительно: уж больно тяжкие времена наступили после краха империи и ухода землян. Войны с кочевниками, которых в этих краях видели прежде лишь в качестве рабов, войны между соседними городами и землями — не менее кровавые, смуты, бунты поклонников Шеонакаллу.

А кто виноват? Само собой, Небеса и Судьба!

Однако до них не добраться, а до землян вполне можно, тем паче за ними не стоит уже мощь иного мира.

Тем не менее чужинцев позвали на помощь. Видимо, совсем плохо стало...

Но ждать можно было всего. И вполне объяснимо, что Анохин не стал посылать в город, как предполагалось сразу, гонцов с предупреждением о подходе группы.

С одной стороны, им не приготовят приветственного пира, но с другой, точно также не приготовят ловушку.

Окрестности Октябрьска/Тхан-Такх

Ночь...

Глинобитные стены Тхан-Такх поглотил мрак. Взошедшая луна отражалась в отполированных ветром скалах, которые тянулись, словно темно-серые спины древних ящеров, по плоскогорью. Ветер шевелил густые заросли горного можжевельника и жестколистого кустарника на горных склонах, шерсть у овечьих отар и старый пепел костров.

Дремлют пастухи чуткой дремотой степняка, спят после тяжелого дня земледельцы в глинобитных домишках, почивают горожане в объятиях жен и подруг — земляне и аборигены.

Лишь дозорные на башнях и раскатах куртин, вглядываясь в ночное небо и покрытую серыми тенями землю, изо всех сил сопротивляются сну.

Но не только они бодрствуют.

У отрогов хребта Хао километрах в тридцати от города, по счету пришельцев, тихо переступая копытами, трусили три степные лошадки — мелкие, мохнатые и неказистые.

Быстро и бесшумно всадники направляли их сквозь заросли тамариска.

Двое были одеты как обычные полукочевые, полуоседлые жители Южного Предела — отороченные сурком малахаи и суконные полукафтаны. У седел — луки, на поясе — кривые сабли, а в рукавах — отточенные кинжалы. Таких людей называли сурданы, дав им имя жутких хищных тварей, водившихся далеко в горах и по легендам происходивших от тех чудищ из преисподней, что пожирали души злодеев и грешников после смерти...

Оба наемных убийцы чутко вслушивались в ночные звуки и внимательно следили за окрестностями. Но кроме жужжания и стрекота насекомых, больше ничто не нарушало тишину, лишь однажды ее разорвал далекий крик шакала, да как-то дорогу пересек, шмыгнув, некий зверек.

Между головорезами на таком же коньке ехала закутанная в черные тряпки колдунья. Серые космы обрамляли ее лицо с запавшими незрячими глазами, отмеченное печатью злого безумия. Она, как мать дитя, прижимала к себе сверток, напоминавший ребенка. Старший разбойник время от времени кидал на него тревожный взор...

— Мы прибыли, воин! — резко прокаркала старуха. Без лишних вопросов старший сурдан, сжимая кинжал, спрыгнул с седла.

Его спутник осторожно, с тщательно скрываемым страхом снял с коня колдунью.

Они преодолели кусты и, как волки на охоте, двинулись тихо и быстро, поднимаясь по пыльной тропе к гребню холма. Под ними лежала ничем не примечательная долина.

Если не считать каких-то старых развалин шагах в двухстах...

Главарь остановился. Светила луна, но время от времени ее свет туманили набегавшие облака.

— Это то, что тебе нужно, старая? — хриплым шепотом осведомился он.

И в его голосе сквозь злую презрительную браваду можно было почуть тень все того же страха.

— Да, отважный воин, — каркнула в ответ дряхлая шаманка, уловившая, похоже, настроение спутников.

Они торопливо поспешили к руинам, старуху вели под руки.

— О, не так быстро, соколики! Мои старые ноги! Не спешите так, а то я умру... — жалобно стонала ведьма.

Молодой разбойник запнулся, глаза его испуганно блеснули. Главарь тоже остановился.

— Тебе щедро платят, матушка Ру, — заговорил он и резко взмахнул рукой. — Скоро мы будем на месте. Сделаешь, что следует, и вернемся! Быстрее придем — быстрее уйдем! И не плачь, ты еще нас переживешь. А вернемся — отдохнешь как следует. Будет у тебя и нежнейший ягненок, и лучшее вино, и останется еще золота на молодого и сильного любовника...

Послышался сдавленный смешок.

Колдунья выругалась на незнакомом им языке.

— Ладно уж, сынки, вперед! — решила она. Компания продолжила путь под оханье и вздохи старой карги.

Наконец, они остановились у подножия пологого холма. Перед ними на вершине был вход с портиком с рухнувшими колоннами — то ли древняя усыпальница, то ли не менее древний храм забытого бога...

Так уж получилось, что земляне эти руины хотя и знали, но не придали им особого значения.

Местные жители традиционно держались от подобных мест подальше и сказать ничего не могли, разве что «место это нехорошее».

А мотопатрули пришельцев еще в дни приснопамятного «Порога» пару раз прокатились поблизости, нанесли на карту примерное местоположение. И забыли.

Может, в других обстоятельствах сюда наведались бы археологи, но сперва их просто не было, а потом стало вообще не до того...

А между тем были в этом мире люди, для которых неизвестные руины значили весьма и весьма много!

Все трое поползли наверх. Достигнув вершины, замерли и осмотрелись.

— Можем идти... — вдруг угрюмо бросила старуха.

Спустились по выщербленным ступеням и двинулись в темноту.

Они не зажигали факелов и лампад, но свет у них был — в руке старухи сиял короткий жезл, наверху испускавший тусклое мертвенное сияние.

Шли по мрачным коридорам, под низкими арками из неровных булыжников. Помещения были уныло одинаковы — круглые комнаты с нишами в стенах — ни тебе обломков, ни утвари, ни каменной резьбы.

Но вот они оказались в овальном зале с теми же нишами, разве что у каждой по обеим сторонам стояли грубо отесанные граненые колонны, покрытые непонятными знаками — уже почти стершимися.

Старуха деловито размотала сверток.

Там оказался грубый каменный кувшин, запечатанный восковым наплывом.

Шаманка открыла его — в воздухе распространился тяжелый кровавый дух.

Вскоре ведьма уже чертила небольшой кистью на столбах магические знаки, бормоча что-то себе под нос.

Главарь заворуженно наблюдал за ее проворными движениями. Он поражался точности, с которой эта нелепая старуха выводила свои знаки, вызывая к силам зла.

От непонятных слов повеяло таким холодом и злостью, что у него, старого головореза, который уже не помнил счета убитым, кровь стыла в жилах. И поневоле припомнились все рассказы о могуществе таких, как эта ведьма и ее Хозяин.

Дожидаюсь, пока бабка завершит колдовской ритуал, он размышлял о том, что стояло за всем происходящим. Ему и его парням часто приходилось выполнять работу определенного рода — резать, убивать, жечь живьем или травить ядом людишек, ненужных кому-то из сильных мира сего. Но чтобы участвовать в черном колдовстве? Известное дело — есть очистительные обряды светлых богов, которые помогут спастись от посмертного возмездия за зло. Однако участвующий в служении духам старых богов и владык нижних миров лишает себя защиты светлых, отдавая себя сам во власть Мрака!

А еще очень скверно было то, что он, главарь одной из самых опасных банд, не знал того человека, который нанял его сопроводить колдунью в известное ей место. Заказ пришел обычным путем, через посредника, и назначенная цена (и впрямь царская!) помutilа его разум. И он принял заказ, не страшась дела, которое следовало выполнить. И хуже всего — не удастся проследить, откуда пришел заказ. Ибо как он знал, карой за такое является неминуемая смерть.

А что, если...

Главарь убийц представил, как подойдет сзади к коленопреклоненной старухе, рывком потянет за седые пряди и одним движением перережет ей глотку.

Но вот шаманка завершила свой магический ритуал и с трудом встала.

— Ну что, делу конец? — справился бандит.

— Ты прав, сынок, делу конец! — расхохоталась ведьма и вдруг с непостижимой для старухи быстротой подскочила к нему.

При свете лежащего на полу жезла блеснула сталь волнистого короткого клинка — и адская боль волной прокатилась от подвздошья по всему телу атамана. Окружающий мир завертелся, куда-то уходя, втягиваясь в воронку огненного водоворота, и все исчезло...

Второй разбойник, взвизгнув в ужасе, выхватил из ножен саблю.

Но бабка с яростным криком вытянула в его сторону костлявую узловатую длань с клинком.

Палец ее надавил на украшавшую эфес голову оскаленного грифона, что-то щелкнуло, и скрытая в рукояти пружина булатной стали, распрямившись, отправила лезвие шпривиджайской стали в короткий смертоносный полет.

Разбойник вырвал саблю, замахал руками, хватаясь за грудь, и осел на каменные плиты, хрипя и хватая воздух.

— Умирай! — торжествующе захохотала ведьма. — Корчись и умирай, ничтожный червь! Хархаран, руфф, реккошш!! Сайх-шшур-нергор! Шурр-Ятт!!!

Спустя несколько минут старуха вышла из каменного провала ворот, подозвала коней, и те, полудикие «кочевники», дорого ценящиеся за то, что повинуются лишь хозяевам, покорно подбежали к колдунье.

Не по-старчески ловко вскочив в седло лошади атамана и взяв на чембур конька второго сурдана, поехала прочь, в сторону предгорий.

За ней поодаль, как собачка, трусила третья лошадь.

А в глубине холма, рядом с еще теплыми трупами наливались зеленоватым потусторонним светом начертанные, как и предписывали древние темные поверья, кровью девственницы не моложе пятнадцатой весны, знаки, сулящие спящему неподалеку городу горе и беду...

На эти развалины, вероятно, никто не обратил бы внимания еще с добрый десяток, а то и больше лет. Пока в молодой республике, наконец, дошли бы руки и до такой бесполезной в бурные времена становления государственности науки, как археология. До руин ли, таинственных древних писем и прочего в ситуации, когда нужно накормить, одеть, обуть кучу народа, обеспечить жильем, отстоять рубежи отечества от вероятного противника, наладить производство и сельское хозяйство?..

Однако не было бы счастья, да несчастье помогло. Хотя какое уж тут «счастье», когда речь о трупе идет?

Тело мужчины лет сорока с ножевым ранением в груди нашли караульные, обходившие дозором окрестности столицы. По всей видимости убили его в этих самых развалинах. Потому как на выщербленных ступенях входа были видны кровавые пятна. Такие же обнаружились и внутри здания.

Идя по кровавому следу, дозорные обнаружили и второе тело, принадлежавшее также мужчине, но значительно моложе первого.

Вызванный «эксперт» из местных определил, что оба, судя по всему, разбойники, не поделившие добычу. Правда, одеты они были скорее по-городскому, что заставило его предположить, будто они принадлежат к породе наемных убийц — сурданов. Но что наемным убийцам делать во владениях Тхан-Такх?

Однако куда хуже оказалось другое — оба они получили раны, от которых умирают почти сразу. Тем не менее один как-то прошел (не прополз, а именно прошел — внизу были найдены две цепочки кровавых следов) почти до самого выхода, а второй вообще выбрался наружу!

Начкар, которому доложили ситуацию, тут же объявил «синюю тревогу», то есть наличие магической угрозы. Через час вокруг трупов топталась половина городских чародеев, тех, что не поехали с Анохиным.

Алтен сразу же безапелляционно заявила, что это очередное покушение на Сантора. И вообще, когда это все прекратится?!

— Когда-таки ухлопают! — скривил губы в невеселой усмешке Макеев.

— Как ты можешь с этим шутить? — набросилась на него магичка, стуча кулачками в широкую грудь майора.

— Думаешь, мне на тот свет сильно хочется? — приобнял подругу Александр.

За последние пару месяцев они сильно сблизились. Градоначальник даже начал подумывать над тем, что надо бы узаконить их отношения. Чтоб избежать нехороших разговоров. Ему-то, собственно, наплевать, а вот девушке...

— Меня больше интересует вопрос, кто их ухлопал? — протянул Серегин, чеша затылок. — Надо было бы раньше наведаться в этот археологический заповедник да хорошенечко порассмотреть, что там да как.

Кроме Артема любопытствующих набралось немало. Естественно, напросилась Дарика. Как же можно супруга без присмотра оставить? Понятное дело, Макеев с Алтен (тоже парочка). Аор Мак Арс тоже заинтересовался руинами.

Под конец напросился и Лыков, как раз нагрывшийся в столицу...

Семена долго уговаривали не подвергать свою жизнь напрасному риску. Если с ними что случится, то должен же кто-то обеспечить преемственность руководства? На что Лыков резонно отвечал, что ежели уж он сарнагарского Лабиринта не устрасился, то как его могут напугать какие-то безобидные древние развалины? Резонно, согласились с ним друзья и дальше спорить не стали.

Но приличную охрану, состоявшую как из обычных бойцов, так и из магов школы Аора, с собой взяли, внутрь зайти не позволив, а поручив охрану ближних подступов.

— И как я раньше на все это внимания не обратил? — удивлялся Мак Арс, вступая под своды загадочного сооружения.

— А чего здесь любопытного? — поинтересовался замполит. — Руины и руины. Ни тебе фресок, ни даже надписей.

Аор снисходительно посмотрел на танкхена.

Вот ведь как выходит. Наградили боги смазливой внешностью да сообразительностью какой-никакой, а зрения, чтоб видеть невидимое, не дали. Впрочем, царевичу Сем Ену оно и не надобно. Первых двух даров с лихвой хватит. Вон как высоко взлетел. С младшего до верховного жреца. Женился опять же удачно.

— Ты тоже ничего не ощущаешь? — обратился маг к своему заместителю.

Артем пожал плечами.

— Вроде что-то такое носится в воздухе... — молвил неуверенно. — Но что именно, пока не пойму.

— А ты что скажешь? — Это уже было адресовано к Алтен.

— Если это то, о чем я думаю... Девушка недоговорила и покачала головой.

— Оно самое, — подтвердил кудесник.

— Что вы тут темните?! — возмутился не терпящий недомолвок Лыков. — И без вас света мало!

— Да, — согласился с другом майор, — нельзя ли просветить, так сказать, профанов?

— Кое-что уточнить надо, — развел руками Аор. — Что толку вас пугать раньше времени? Давайте пройдем дальше. Но осторожно. Девочка, ты страхуй Сантора, а ты, брат по Силе, позаботься о жене и танкхене...

Сооружение представляло собой бесконечную вереницу круглых залов, соединенных мрачными коридорами с арочными сводами, сложенными из грубо отесанных камней.

Как верно заметил замполит, все вокруг было серо и однообразно. Ни малейшего намека на росписи, некогда, возможно, покрывавшие стены, ни единой надписи. Почти полное разочарование для археологов. Впрочем, тем, бывает, и малюсенького черепка хватает, чтобы впасть в восхищенный экстаз. А здесь целый архитектурный памятник, причем достаточно неплохо сохранившийся.

Но для обычного туриста, каковыми и были большинство из шествовавших по пыльным коридорам, ничего любопытного.

Вездесущему Лыкову удалось в нише одного из залов обнаружить остатки мраморного постамента, свидетельствовавшего о том, что в свое время эти пустующие глазницы в стенах содержали какие-то изваяния. С торжеством Шлимана, откопавшего Трою, он ринулся вперед, на поиски новых артефактов. Артем еле поспевал за ним.

Он кожей ощущал, как некая аномалия, учуянная им в воздухе на входе в храм, все больше сгущается вокруг них. Что-то стала испытывать и Дарика, магические способности которой были довольно слабые, хотя их вполне хватало для того, чтобы быть искусной знахаркой-целительницей. Девушка схватилась за руку мужа, и тот почувствовал, что ее ладонь влажна.

Еще более напряженной выглядела Алтен. Магичка встревожено вертела головой по сторонам, как будто пыталась увидеть что-то скрывающееся за булыжниками стен. Она тоже взяла Макеева под руку, сдерживая порывистый шаг Александра.

Один Аор не подавал никаких признаков волнения, больше всего напоминая ученого, внимательно исследующего находку. Только люди, близко его знающие, могли понять, что глава магической школы Октябрьска находится в крайней степени озабоченности.

Наконец, они оказались в овальном зале с теми же нишами. Здесь их было шесть, тогда как в предыдущих, круглых, всего по четыре. Причем у каждого углубления по обеим сторонам стояли грубо отесанные граненые колонны, покрытые непонятными знаками — уже почти стершимися.

— Ну вот, хоть что-то стоящее! — восторженно возопил Семен, соколом перелетев через зал и очутившись у одного из столбов.

— Смотри, в кровь не вляпайся, — предупредил Макеев, показывая в центр помещения, где на полу возле какого-то то ли колодца, то ли просто кольца, сложенного из камней, находилось большое темное пятно.

Значит, именно здесь произошла кровавая драма.

Только эта лужа да идущий от нее след, оставленный бедолагой, которому удалось выбраться наружу («Вот же двужильный, — подумал майор, — этакое расстояние прополз») свидетельствовали о преступлении. Дозорные еще накануне вынесли второй труп и отправили вместе с первым на исследование Гене Тупикову.

— Странно, — нахмурился Александр, склонившись над пятном.

Убийства произошли пару дней назад, и крови полагалось бы свернуться. Но она была все еще свежей и пахла кислой медью. Майор внезапно ощутил приступ тошноты и присел на край колодца, увидев, что отверстие сверху прикрыто тяжелой металлической крышкой, на которой виднелись такие же, как и на столбах, замысловатые письмена.

Итак, похоже, за них все-таки взялись...

Все случившееся за последний месяц выстроилось в зловещую цепочку.

Уход лучших сил из города (дьявол и все местные дьяволята, неужели все это подстроено, и Анохин идет прямиком в ловушку?!), покушение, в котором оказался замешан один из ведущих офицеров сил самообороны, и теперь вот эта жуткая магия из самых высших и самых темных сфер!

И кто может преследовать их, в общем-то тихо сидевших эти годы, никого не трогавших, кроме шальных разбойников да нетварей, не пытавшихся завоевать мир или свергать старых богов? Старых богов? Так, это не культ ли Шеонакаллу, мстящий за поражение? Но как говорили дружно и маги и шаманы, «культисты» после разрушения Лабиринта и храмов утратили силу и ни на что, кроме мелких гадостей, не способны.

Тем более против них работали не только по магической линии.

А ведь, в сущности, отлично придумано было!

Основная масса действующих солдат и офицеров вне города, включая и первого зама Макеева — Анохина.

Допустим, покушение бы удалось, и Шмаков выскочил бы, как черт из табакерки, и на правах первого из узнавших о гибели сардара принял бы командование — по уставу.

Правда, в Октябрьске еще есть офицеры, тот же Бровченко. Но Бровченко технарь и в управление не лезет, он больше с железками любит возиться, а если кто возмутится, то его можно запросто обвинить, что именно он убрал командира, чтобы занять его место. Это не очень похоже на правду, но у Шмакова был отличный аргумент — его взвод быстрого реагирования, почти восемь десятков стволов, что при на две трети ушедшем гарнизоне сила весьма мощная. Оставались еще маги, но кто знает, что у заговорщиков было припасено на этот случай? А ведь

вполне могло получиться! Интересно, кому должен был сдать город Шмаков и кто за всем этим стоит?

Краем глаза Макеев увидел какое-то движение, а через секунду обнаружил, что рядом примостился Аор.

— Итак?... — повернул к нему голову Макеев. — Как ты объяснишь все это?

— А надо ли? — усомнился маг. — Как говорится у вас: меньше знаешь — лучше спишь... Есть такие тайны, что похоронены, и лучше их не вытаскивать из могилы. Иначе они запросто уложат тебя в нее.

— Твою мать! — вскричал Лыков, поднося к носу испачканную в чем-то красном ладонь. — Тут кто-то пытался художественными искусстваами, мать их, заниматься, причем недавно!

— Осторожно! — предупредила, подбегая к нему, Алтен.

Достав из сумки флягу, девушка смочила водой платок и принялась оттирать руку любопытного замполита, будто заботливая мать, хлопчущая над нашкодившим малышом. Лыкову стало стыдно, и он попытался отобрать у магички платок.

— Давай, я сам...

— Нет уж! — категорично отрезала чародейка. — Сам не справишься, танкхен. Тут особые движения нужны и специальные заклинания, чтоб заговоренная кровь не проникла в твой организм. Иначе Ильгиз нам за тебя головы поснимает.

— Она такая, — сконфузился Семен, вспоминая жену, какой она бывала в гневе, и тут же спохватился: — Кровь?! Но неужели это так опасно?

— Да, очень, — сурово подтвердила Алтен. — Слуги Подземного Хана вообще шутить не любят...

— Какого, какого хана? — переспросил Лыков. — Под... Свободной рукой магичка прихлопнула его рот:

— Какого слышал. И не повторяй в этом дурном месте его имя. Не надо беду кликать.

— И без него уже накликали... — тяжело вздохнул Мак Арс. — Вы думаете, все это просто так?

Он обвел рукой помещение.

— Ты хотел знать, Сантор, где мы и что здесь произошло? — Майор кивнул. — Так знай, что мы в древнем святилище прадавнего божества, имя которого, как верно сказала девочка, лучше здесь не называть. Думаю, на этот раз ты им сильно насолил, раз они решили потревожить... этот колодец. А может, одно с другим не связано, и ты, как и вы... мы все, — поправился он, — безразличны тем, кто это сделал. Но могу сказать одно — некто очень умелый и столь же храбрый и безумный провел здесь ритуал вызова духа этого самого божества. Провел очень умело, не забыв обновить надписи кровью и принеся двойную жертву, как и полагается в таких случаях. Я даже прикидываю, что глупым разбойникам так и не сказали, какая роль им уготована в этом походе...

— А при чем здесь колодец? — справился Лыков.

— Думаю, даже она знает, — кивнул Аор на застывшую в благоговейном ужасе перед каменным кольцом Дарику.

— Ты и впрямь знаешь, что это? — обнял за плечи целительницу муж.

— Я думаю, — громким шепотом ответила та, — это один из темных колодцев, ведущих в царство Неназываемого. Они разбросаны по всему Аргуэрлайлу. Никогда не думала, что он столь близко. Ай! — вдруг охнула она. — Не из-за опасного ль соседства прекратилась жизнь в Тхан-Такх? Кто-то запечатал колодец, и люди ушли из данного места.

— Не исключено, — согласился маг. — Ты правильно подметила, что колодец запечатан. Эта тяжелая металлическая крышка должна была стать надежной преградой для того, кто захочет войти в этот мир *с той стороны*. Если я не ошибаюсь, она изготовлена из золота.

— Ничего себе медальончик! — присвистнул замполит, с уважением глянув на металлический круг.

Не поверив, он подошел поближе, извлек из кармана перочинный нож и стал соскребать с поверхности металла древнюю патину.

— Гляди-ка, — по-детски восхитился, когда из-под ножа выскочила желтая стружка, — блестит! Это же сколько всего купить можно!

— Оставь, танкхен! — прикрикнул на него Аор. — Никому еще проклятое золото удачи не приносило! К тому же она и без тебя уже достаточно непрочная.

— «Когда истончится эта преграда, Небо и Земля поменяются местами», — торжественно продекламировала Алтеи.

— Что ты сказала? — вздрогнул Макеев, у которого от голоса подруги по телу побежали холодные мурашки.

— Это не я. Так написано на крышке...

Окрестности города Винрамз

Сверху, с высоты птичьего полета это выглядело бы, наверное, так — стиснутые неправильным многоугольником обманчиво невысокой глинобитной стены и окаймляющим ее валом и рвом тесные городские кварталы, напоминающие высохшие пчелиные соты (кое-где подпорченные огнем и погрызенные мышками). У одной из городских башен — небольшая груда чего-то вроде рисовых зернышек, вокруг которых выются мушки, а чуть поодаль от глиняных сот — копошение странных зеленых жуков и жужелиц, что, ползая туда-сюда, роют канавку вокруг своего пристанища или нарезают круги по равнине, иногда пуская крошечные искры из хоботков.

Но на Аргуэрлайле давно уже разумные существа не поднимались в небеса так высоко, а с земли все выглядело несколько иначе.

Бронемашина, медленно покачиваясь, ползла по бывшему винограднику, наматывая на гусеницы поваленную лозу. Плетки трещали и скрипели под натиском тяжелого металла, тянулись следом, оплетали траки и колеса, тормозя стального исполина...

Непийвода тяжело вздохнул, вылез из-за рычагов и скомандовал наводчику:

— Коля! Вылезай!

— Застряли?

— Быстрее солдат, быстрее, — прикрикнул прапорщик.

— А куда торопиться-то? — лениво пробурчал стрелок.

— На тот свет! — озлился прапор. — Мы вот тут торчим, как мишень, а ты...

Ф-шшшш-хак!

Из густого сада мертвого селения прилетел фаербол и разбился о металл борта в каком-то полуметре от открытого люка.

Сидящие на броне, матерясь, посыпались на землю.

— Всем залечь! — надрывался прапорщичий бас — Не стрелять в белый свет! Антонов, какого... пулемет бросил?! Живо лезь обратно, тащи пулемет вниз и лупи, как он второй раз засадит по нам! Коля, закрой люки!

Ф-шшшш-хак!

Горячий сгусток прошел над самой машиной, рванув вверх. Видать, отраженный каким-то амулетом из имевшихся в БМП.

Наводчик-оператор Скляр повернул башню и полоснул из пушки короткой очередью.

— Куда стреляешь?! — завопил прапорщик. — Ослеп? — И, перекрикивая работающий на холостых оборотах двигатель, приказал: — Солдат, видишь четыре чинары? Справа вон...

— Те, что у арыка?

— Да! Вот туда и пальни, там душманье и засело... Бум-бум-бум!!!

Заработала тридцатимиллиметровка, и полдюжины снарядов отправились искать жертв. Вспышка, дым...

И истошный, по-заячьи тонкий выкрик. Даже и не поверишь, что это голос человека.

Что-то напоминающее огненного червяка выбралось из кустов в двухстах метрах от них на дорогу, еще хранящую отпечатки копыт, и замерло, исходя черным жирным дымом.

«Кувшинщика» уделали!

Тем не менее враги не желали отступать.

Еще дважды, хотя и впустую, прилетали фаерболы, а по броне начали щелкать арбалетные болты. Подняв один из них, Алексеич зло выматерился — на зазубринах острия литого бронзового

стержня с привязанным длинным шнурком-стабилизатором висели черные волокна сгнившего мяса.

Да, веселенькая жизнь, что и говорить.

И не сунешься ведь в эту чертову «зеленку», в эти сады пригородных селений, потому как выскочит вот такой вот деятель, вроде догорающего там, у деревьев, запустит кувшином, в котором взболтанная смесь масла с самогоном, и сожжет машину на хрен!

Прапорщик сплюнул. Они уже расстреляли четыре магазина и потратили энное число снарядов. Надо или вызывать подмогу, или возвращаться в лагерь. Черт, вот он, прапорщик, ротный старшина, а понимает. А вот товарищи офицеры его и слушать не стали, что нет смысла посылать одиночные машины гонять москитные группы, ведущие беспокоящую стрельбу по лагерю. Нужно было перенести бивуак к востоку от Винрамза, в степь, а еще лучше сразу, как только стало ясно, что они приперлись даром, поворачивать оглобли, в смысле — рычаги.

— Ладно, всем заползать в машину! Быстро! — приказал Алексеич, и БТР осторожно двинулся задним ходом.

Со стороны стоянки рейдовой группы уже мчалась навстречу им БМП, облепленная пехотой. На полпути они встретились.

— Что тут случилось? — поинтересовался Глеб Бобров. — Все целы?

— Да все то же, — махнул прапорщик рукой. — Обычная их тактика. Пара колдунишек, три-четыре духа с кувшинами горючки да дюжины две стрелков. Постреляли по нам вот из-за тех деревьев и развалин. Мы им ответили, как минимум одного завалили. Теперь уползли, гаденыши, а может, поубивало. Я во всяком случае своих ребят в те джунгли не поведу проверять, я ж не Сойго.

Глеб кивнул. Судьба Сойго Нела, десятника из местных, который с шестью своими ребятами сунулся в «зеленку» на разведку, понадеявшись на мечи да на свое знание местных правил войны, была для всех наглядным уроком, хотя их изрезанные и изуродованные трупы уже второй день как закопали.

— Ладно, слушай мою команду. Дистанция десять метров, скорость двадцать, возвращаемся...

Лагерь рейдовой группы разместился на пологом холме в километре с небольшим от стен и валов Винрамза так, что далеко вокруг можно было разглядеть убогие кишлаки в зарослях ореховых деревьев и тутовника. Тут ведь народ обычно зерно, выращенное на полях, отдавал чужакам, одну пятую — сборщику податей, одну пятую — хозяину поместья, одну пятую — за воду, а еще и посеять надо, и на одежду отложить, так что поневоле люд здешний все больше орехами питался.

Точно также и от тутовника они получали разве что ягоды, из которых тут варили сироп да бражку — единственную усладу жизни, а сами ходили в обносках из домотканого хабэ, крашенного вываренной корой. Убогость и нищета вокруг.

И похоже, так они и будут жить дальше. Революцию тут устроить не вышло.

Народа не видно, разбежался подальше, унеся жалкий скарб и уведя скот.

Скрылись.

Может, в городе, под защитой новых хозяев, может, в соседних невысоких горах. Дымы от пожарищ в зарослях густого кустарника стелились по горным вершинам и столбами поднимались в небо. Мелкие шайки из тех, кому не повезло войти в число победителей, шляются тут, несмотря на близость землян, шарят по пустым жилищам, что-то сжигают, что-то разоряют...

После того как земляне покинули поселение, крыши домов и сараев во дворах дымились и горели.

И чему там гореть? Одна глина и камни. Глиняный пол, глиняные стены, глиняные ступени. Горят только циновки на полу, да плетенные из виноградной лозы и веток кровли.

В общем, все при деле. Бандиты, город захватившие, обороняются от землян, земляне рыщут вокруг незнамо зачем.

Время текло медленно и монотонно. Мир вокруг словно замер. На ясном голубом небе ни облачка. Солнечные лучи опаляли камни, колючки, одежду и, конечно, людские тела. Марево раскаленного воздуха обволакивало укрытия, и не было никакого желания вылезать наружу. Брезентовые чехлы-накидки, натянутые над блокпостом, оберегали от прямых солнечных лучей, но не спасали от духоты и зноя.

Но вылезать надо, встречать машины.

Въехав внутрь военного лагеря, они отогнали броню к отведенной им стоянке. Солдаты в сопровождении прапорщика отправились к импровизированной столовой, где в огромных котлах уже кипел обед, а Глеб остался бродить в одиночестве.

Возле вала по арыку протекал поток мутной глинистой воды вперемешку с мусором. Вода — это жизнь. А плохая вода — плохая жизнь.

Отплевываясь от пыли и мошкар, он присел на глиняный край арыка. Разглядывая этот грязный поток, старлей содрогнулся при мысли о том количестве гепатита, тифа, дизентерии и холеры, которое протекает сейчас внизу. Ведь вся эта дрянь только и мечтает, что проникнуть в его организм. А сколько этой заразы витает вокруг в воздухе! Бrrr! Однако же пришельцы как-то постепенно привыкли к местным условиям.

Пьют воду из арыков, едят из грязных котелков сваренное из черт-те чего хлебово, по несколько недель не моются в патрулях...

И вот что странно: никто, почитай, ни разу ничем не заболел! Страдают, бывало, от поноса или желудочных колик, но как-то живут.

Глеб вытащил из кармана твердокаменный сухарь, фыркнул на воображаемых микробов: «Кыш, проклятые!»

И подумал, что за стенами Винрамза уж точно пьют другую воду — чистую, вкусную, холодную...

Так что даже решишь они затеять осаду, то лишить горожан воды они не смогут.

Это в Эуденоскаррианде строились исполинские акведуки — настоящие произведения инженерного искусства, как говорили ходившие туда торговцы и как рассказывал Костюк.

Вода от источников и горных рек проходила через трубы по извилистым подземным путям, через ущелья по арочным мостам, по тоннелям и проложенным через природные пещеры огромным сифонам — и так до самых полей Кооны, дающих огромные урожаи два раза в год (был бы полив), и к исполинским городам с сотнями тысяч жителей.

Самый длинный из этих акведуков насчитывал сто сорок с чем-то километров, он снабжал живительной влагой ни много ни мало — девять городов отходящими от него маленькими акведуками, не считая тех, что питались прямо от него.

Оттого триста лет назад столица их пала всего после двухнедельной осады, когда войска очередного претендента на власть просто перекрыли воду, и огромный город распахнул ворота, чтобы не умереть от жажды.

Да, здесь такой номер не прошел бы, ибо в бывшем Сарнагарасахале, не столь развитом и изобильном людьми, от века избрали другой способ добычи воды. В селах рыли кяризы от горных источников, как и на Земле, строили на реках плотины из больших валунов или складывали особым образом груды камней, где ночами оседала атмосферная влага.

Но в городах обычно действовали по-другому. Сперва маги отыскивали места, где артезианские воды подходят ближе всего к поверхности. А затем начинали бить колодцы-шурфы в глубь земных пластов. Колодцы эти уходили иногда на сотни метров в глубину и строились по два-три года. Так ведь и спешить некуда. Строили их долго и старательно, укрепляя стены трубами из обожженной глины. А чтобы те не рухнули вниз под собственной тяжестью, через каждые полсотни метров вбивали для опоры вырубленные из гранита клинья.

Для работы отбирали самых щуплых и мелких землекопов и каменотесов, и те работали, сменяя друг друга каждые два-три часа, трудясь изо всех сил. Потом их еле живых вытаскивали на веревках. Так они работали в крошечной тьме, освещенной лишь магическими огоньками,

задыхаясь в спертom воздухе, несмотря на гигантские мехи, которые качали по два-три десятка человек...

На самом последнем этапе, уже вблизи пласта, работали смертники из приговоренных или рабов (тем обещали освободить семьи). А над колодцем вешали усаженную шипами решетку. И когда прорвавшаяся вода вышибала несчастного, как пробку из бутылки, тело его повисало на ней, словно жертва духам земли и воды.

Соседом Глеба в Октябрьске был каменотес Ротт, в молодости работавший в артели строителей таких вот колодцев. Он-то и порассказал обо всем этом... Бобров огляделся.

У невысокого вала, за которым был неглубокий ров (чтобы остановить внезапную атаку), бродила пара дюжин коз и овец. Трофейные, вернее бесхозные животные, пойманные солдатами.

Одну из коз в подставленную каску доил молодой солдат из ополченцев Октябрьска.

Глеб припомнил, как еще не так давно этот солдат с открытым от удивления ртом смотрел на оснащенные бульдозерными ножами бронемашины, которые окапывали лагерь защитным валом.

И улыбнулся, привычно подивившись этому миру...

Но долго ему расслабляться не пришлось.

Явился ординарец Анохина и вызвал на совещание.

Следом за солдатом Бобров прошел мимо разбросанных бронетранспортеров и грузовиков и стоящих рядом с ними старых армейских палаток, юрт и залатанных шатров.

В центре лагеря располагался крытый синим сукном и расшитый парчовыми накладками большой командирский шатер, над которым развевался длинный раздвоенный красный вымпел. Сбоку притулились несколько самых обычных штатных армейских палаток — выцветших и залатанных.

Именно там капитан и обитал, а шатер, трофей одной из вылазок против разбойников, был своеобразной приманкой для убийц и вражеских чародеев. А еще в нем предполагалось принимать делегацию городского совета именитых (ныне, видимо, кормящих местных могильных червей) с ключами от Винрамза.

Пройдя по коврам в приятной прохладе шатра, Глеб протиснулся в боковой проход и оказался в палатке, где уже набилось с дюжину человек — все командиры взводов, кроме Алексеича, сотника Камр Адая и парочки шаманов.

Все они сгрудились вокруг грубо начертанной на выбеленной доске схемы Винрамза, составленной по рассказам аборигенов и купцов.

Анохин махнул рукой — садитесь, мол.

— Итак, товарищи, что вы можете сказать по поводу сложившейся ситуации?

Молчание было ответом.

Все отлично знали, что дела весьма и весьма неважные.

Потому что, когда пять дней назад колонна добралась до Винрамза, выяснилось, что в городе уже четвертую неделю, как сменилась власть.

Ворота были заперты, предместья разорены, мосты подняты, а со стен в приблизившихся парламентаров полетели стрелы.

Гора отрубленных голов напротив главной башни, над которой вились грифы и вороны, и так говорила все яснее ясного.

Как произошла трагедия, толком не мог сказать никто из пойманных в окрестностях языков и людей из двух перехваченных караванов, которых новые хозяева зачем-то выпустили с товарами. Просто обыватели проснулись однажды утром и увидели чужих солдат на улицах и изрубленные тела отцов города на пиках у бывшего дворца наместника на главной площади.

По уму следовало поворачивать назад, причем сразу. Но это бы означало показать уж слишком позорную и откровенную слабость. И рейдовая группа стала лагерем вне досягаемости стрел и катапульт. Как знали земляне, орудия эти редко били дальше, чем на три-четыре сотни метров.

За стенами сейчас было то ли две, то ли все четыре тысячи человек — лвиная доля всех разбойничьих шаек, во главе с неким Мано Яро, вроде бы бывшим тауфом — тысячником

сарнагарасахальской армии. И что хуже, целый табун магов, причем весьма сильных, как определяли собственные чародеи рейдгруппы.

А у них — всего пять сотен бойцов, не у всех из которых есть огнестрельное оружие, и семнадцать равным счетом волшебников.

И теперь перед Анохиным стояла задача, не имеющая решения. Штурмовать город, не имея превосходства в живой и магической силе и при отсутствии средств осады. Ибо из всего тяжелого вооружения у них была одна старушка Б-11 с полусотней снарядов — из них лишь три десятка осколочных — остальные дымовые и осветительные, какие можно было использовать как зажигательные.

Явно маловато для штурма такой крепости с ее каменно-глинобитной стеной толщиной в три верблюда. Как припомнил Анохин из старых мемуаров об осаде Бухары Фрунзе, куда менее солидные стены выдержали обстрел трехдюймовок.

Это в ситуации, когда их непрерывно тревожат мелкие банды, в теории военного дела именуемые «москитными». Ночами подкрадываются к валу и пускают стрелы. В составе таких шаек колдуны, а на вооружении местный вариант коктейля Молотова — ухватистые глиняные кувшины в форме бутылки, с залитым внутрь самогоном (выучили, блин, на свою голову!). Пока, правда, ни одной машины не сожгли.

Что тоже скверно — посоветоваться с Октябрьском он не может. Потому как ни станций тропосферной связи, ни даже нормальных мощных раций в их распоряжении нет, а зону уверенного приема-передачи они покинули ровно шесть дней назад.

— Итак, — металла в голосе Анохина добавилось, — чего молчим? Молчать и я умею! Кто-нибудь что-то умное скажет? Или может, — он усмехнулся, — раз товарищи офицеры уже ничего не могут, мне тут какого-нибудь жреца поискать, чтобы у местных божков поспрашивать? Барана ему или козла в жертву принести там, а, может, человечка какого...

— А чего еще надо тут говорить? — буркнул Стогов. — Операция просрана и просрана вчистую! Это, Георгий, даже барану тому самому понятно!

— Та-ак, — протянул Анохин, впиваясь в Бориса сузившимися глазами. — И что, других мнений нет?

— Нужно возвращаться, арсаардар, — сказал, как отрезал, Камр Адай. — Мы тут даром потратим время и положим людей. Возвращаться. А потом прийти еще раз на следующий год. К тому времени нынешнего хозяина города наверняка прирежут, знаю я, какой у него там сброд в нукерах. Может, даже сменится не один властитель. Будет резня, во время которой воины, что сидят там, — он махнул рукой, на которой не хватало двух пальцев, туда, где за тонкой полотняной стеной лежал Винрамз, — ополовинят друг друга. А здешний народ будет молить всех богов и духов, чтобы кто-то избавил их от кровопийц и захребетников. А мы придем куда большим числом, взяв с собой наемников и вольных всадников из Степи, с более сильным оружием, захватим с собой побольше того снадобья, что дробит камни, и мастеров, которые быстро построят осадные башни и лестницы... Три дня, и город будет наш!

Собравшиеся одобрительно загомонили. Похоже, идея аборигена им понравилась.

— Да, хорошо придумано! — Анохин посмотрел на степняка с уважением, а в душе возникла даже некая ревность: этот неграмотный табунщик так просто обставил его, окончившего Ленинградское высшее командное училище с отличием!

И эта ревность вдруг подсказала ему выдвинуть свой план.

— Пойдите, — он даже вскочил, — а зачем нам ждать целый год? Может, сделать так: остаемся тут, блокируем город разъездами и подвижными заставами, отжимаем москитные банды, ведем беспокоящий огонь и одновременно посылаем пять-шесть машин обратно в Октябрьск. Оттуда привозим танковые сотки с боекомплектom, и бэ-ка для нашей старушки-безоткатки. Ну и минометы можно захватить. И начинаем бить по главной башне! Два-три десятка снарядов прямой наводкой, и она рухнет на фиг, завалив ров, после чего этот сброд, как правильно отметил товарищ сотник, сам побежит прочь. Для этого оставим ему коридор отхода, убрав посты, например, от западной стены. Ну а мы входим в город на броне, обложившись матами от кувшинчиков и насавав побольше амулетов от чар. Если кто останется, прижмем их пулеметами,

гранатометчики вынесут баррикады, и мы зачистим город, уничтожив всех, кто будет держать оружие. Вот и все — город наш. Ну как? — обвел собравшихся торжествующим взглядом Анохин.

И с неудовольствием увидел, что лица их вовсе не выражают безоговорочного одобрения.

— Георгий Ильич, — хмыкнул лейтенант Кузнецов, — ну, допустим даже, что полтора наших тягача дотащат сюда башни от шестидесят четвертых. Ты ведь не забыл, что пушки так и остались в башнях. А как ты будешь стрелять?

— Не смертельно, — заявил сидевший дотоле скромно в уголке зампотех. — Соорудим временную позицию из бревен, засыпанных землей. В гражданскую так делали...

— Угу, и потом восстанавливать после каждого выстрела?

— Ну, не после каждого... В конце концов, мы тут не год же в осаде сидеть собрались. Достаточно, чтобы выдержало хотя бы десяток-другой выстрелов.

— А если Макеев не даст нам пушек? Неизвестно, до чего бы договорились совещающиеся, но внезапно за стенами палатки послышался какой-то короткий свист, удар, звон разбитых черепков и многоголосые вопли и проклятия.

Вылетев наружу, как ошпаренный, Глеб увидел странное зрелище.

Большой камень, валявшийся неподалеку от входа в палатку, был охвачен белым пламенем, вокруг запыленно метались люди, земляне и аборигены вперемешку, с кого-то сбивали пламя...

— Что за...?! — пробормотал Анохин за его спиной.

— Смотрите!! — Палец Непийводы указал куда-то вверх.

И Глеб увидел, как из-за стены города вынырнула крошечная точка, оставляющая за собой легкий дымный след. Вот она поднялась вверх по параболе, замедляя скорость, на миг повисла в воздухе и полетела вниз, с каждым мигом ускоряя свой смертоносный полет.

Прямо на них...

— Не может быть! — вырвалось у Боброва. — Тут же километра полтора... Так далеко катапульта не может...

Бабах!

Черный предмет финишировал на борту стоявшего метрах в пятнадцати от них БТР. Взрыв, белые искры в разные стороны, кто-то свалился с другой стороны машины.

А над крепостью взлетело сразу с десяток черных дымных точек.

Одна из них взорвалась в полете, брызнув крошечной белой вспышкой, несколько упали за валом лагеря, еще одна, булькнув, финишировала в котле, обдав замерших поваров фонтаном похлебки.

Остальные упали, где пришлось.

Причем если одни выплюнули пламя, то пару штук выпустили белый зловонный дым, пахнувший серой и дерущий горло. Один упал неподалеку от них, все еще стоящих возле шатра. Все вокруг затянуло белым дымом. Глеб тяжело закашлялся, вытер подступившие слезы. Секунду спустя еще один дымовой снаряд разорвался чуть дальше.

Метавшиеся солдаты выбегали из дыма, нутужно перхая, кто-то, видимо одурев от страха, бил из пулеметов.

— Рассредоточиться! — рявкнул, сдерживая кашель, Анохин. — Всем к машинам. Выводим... кхе-кхе!!

Но и без команды лагерь уже оглашался ревом моторов, и грузовики с бронемашинами уже мчались к выходу, благословляя, должно быть, Стогова, оставившего в кольце вала проход почти в сорок метров, как раз для того, чтобы бивуак не превратился в ловушку.

Бобров подбежал уже к командирской машине, когда прямо в ее люк влетел выпущенный из Винрамза снаряд от непонятного оружия.

Люк плюнул все тем же белым огнем. Зайцем выпрыгнул механик-водитель, сбивая пламя.

«Гасите, что стали!» — хотел выкрикнуть Бобров, но вместо этого вдруг заорал:

— Отойти от машины всем, сейчас рванет!

Он вспомнил, что именно с его БТР была демонтирована система пожаротушения — ее забрал к себе Бровченко, изобретавший как раз не то огнемёт, не то компрессор. И что обидно,

Глеб не возражал. И в самом деле, в этом мире почти ведь не было, как им казалось, ничего, что могло бы угрожать боевым машинам землян.

Так они, отбежав на безопасное расстояние, и стояли, глядя, как быстро разгорающийся огонь пожирает машину, а с ней пятьсот патронов калибра 14,5 для КПВТ, и триста пятьдесят патронов к пулемету Громова калибра 9 миллиметров. И еще четыреста литров горючего!

Вот оно уже потекло из всех щелей, заливая враз пошедшие черным дымом трещиноватые покрышки.

— Эх, — взвыл, утирая закопченное лицо мехвод, — какие покрышечки были!

Затем внутри что-то бухнуло, БТР, как спичечный коробок, подпрыгнул вверх...

Не успели они прийти в себя, как рванула еще одна машина — БМП третьего взвода. На этот раз ударило сильнее, так, что машина, отлетев метра на три в сторону, плюхнулась боком о землю.

Взрывной волной разбросало всех воинов, сидевших на ближайших к месту взрыва двух бронемашинах. Кто-то разбил себе голову, у кого-то были сломаны руки и ноги, многих контузило.

Один солдат с такой силой ударился о землю, что у него пропал дыхательный рефлекс. Широко открывая рот, он пытался то ли вздохнуть, то ли закричать. Лицо бойца от напряжения побагровело, а затем стало синеть. Так бы, наверное, и задохнулся бедолага, но в этот момент к нему подскочил Алексеич. Прапор обхватил солдата ручищами, оторвал его от земли и, сильно встряхнув пару раз, со всего маху шваркнул оземь.

Кашляя и всхлипывая, солдат ползал на четвереньках по земле, еще не веря в свое спасение.

— Спасибо, товарищ прапорщик, — стоя на карачках и пуская сопли, еле выговорил парень.

— Да чего уж там... — отозвался Непийвода, уже занимаясь сломанной рукой другого солдата.

Полчаса спустя в паре километров от брошенного лагеря Анохин яростно материл командиров и врагов вперемешку:

— Раздолбай хреновы! У вас что вместо мозгов в голове?! Прокишшая ослиная моча?! Уроды! Мерзкое душманье! Ведь предупреждал же всех быть готовыми к самому худшему! Мудозвоны безмозглые! Кто говорил: пятьсот метров, пятьсот метров?! Вот ваши пятьсот метров!... маги-чародеи!

Те, к кому было обращено последнее проклятие, этого в основном не слышали. Они занимались ранеными и обожженными, в то время как офицеры подсчитывали потери и руководили эвакуацией остатков имущества из лагеря...

А на импровизированном столе три шамана и заведующий группой боепитания изучали вытященный из котла снаряд.

Выглядел он самым обычным образом. Вытянутый глиняный сосуд со скругленным носиком, сзади привязан хвост-стабилизатор из длинного соломенного жгута, а сам снаряд всунут в чехольчик из чего-то похожего на рогожку. Сзади же вставлен фитиль.

Ничего такого страшного.

Шаман сунул палец внутрь, облизнул.

— Масло, — сообщил он. — И ничего больше.

— Как же тогда они взрываются? — недоуменно спросил лейтенант.

— Очень просто, — ухмыльнулся тот. — Как взрываются обычные лампы. Вот из чего их выпускали, хотел бы я знать. А то, во что он завернут, это нанти, трава такая южная. Если вот в такую завернуть кувшин и... — щегольнул он русским, пусть и неверно произнесенным словом, — оземь, то кувшин не разобьется. В них купцы амфоры заворачивают, чтобы не бились. Вот и тут приспособили...

Следующим утром колонна рейдовой группы медленно двинулась в обратный путь.

Своим приказом Анохин свернул операцию.

В прицепе одного из грузовиков назад ехали засыпанные трофейной солью тела тех погибших, которых смогли найти.

Полусотник Рим Сафхоно из племени Волка. Лучники Апо Сам, Мон Кери, Гвип Рон и еще десяток человек. И земляне. Ефрейтор Михаил Кузьменко, младшие сержанты Пряхин и Синяков, рядовой Иван Савинов, ефрейтор Алексей Еремин, белорус младший сержант Виктор Грайский и умерший от ожогов молдаванин Богдан Боделану.

— Ты доволен, уважаемый воин? — осведомился человек в черном плаще с низко надвинутым на лицо капюшоном у Мано Яро, глядя из надвратной башни Винрамза на уходящую колонну.

— Да, экселенс, конечно! — кивнул тот. — Как они бежали! Воистину вчера Сарнагар был отмщен!!

— Значит, ты доволен? — повторит человек.

— Разумеется!!! — На лице дородного, грузного волосатого тысячника была написана почти детская радость. — Эти твои новые метательные машины, — он взмахнул усаженной перстнями и браслетами дланью в направлении стоявших на земляных насыпях странных аркбаллист со многими лучными дугами, насаженными одна за другой, — эти огненные снаряды! А как ваши маги наводили снаряды в полете на цель своей Силой! Эх, ну почему этого не было у нас тогда, когда эти проклятые демоны из-за грани вторглись в нашу империю?!

— Ты не понял, уважаемый, — Голос чернобалахонника прозвучал сухо и раздраженно. — Вы победили не с помощью этих восточных баллист и не с помощью горшков с маслом. Вы победили только благодаря помощи нашего Хозяина! И прошу тебя, не забывай об этом!

Спустя три дня земляне вышли к рубежам Сар-Аркаэля, к его водной границе — реке Кумтси. И остановились.

Над колонной висело прямо-таки физически ощутимое густое молчание, нарушаемое лишь похрюкиванием движков на холостом ходу.

— Труба дело! — кратко и достоверно охарактеризовал ситуацию обычно сдержанный Бобров.

Два средних пролета массивного каменного моста, который они прошли две недели назад, были начисто снесены, и оставшиеся половинки разделяло полсотни метров воздуха...

Несколько минут Анохин мрачно созерцал разрушенный неведомым ухищрением мост, высунувшись из люка КШМ.

— Ладно, — бросил он, внешне стараясь не выдать своих эмоций, брызгавших из глаз темным пламенем. — Офицерам и консультантам собраться на совещание. Притащить все карты и всех старожилов, какие найдутся, будем пробиваться через горы...

Семь дней спустя. Горы Летящего Льва

Серо-зеленой длинной змеей, словно выползшей из другого мира, по извилистой дороге, петляющей среди нависших неприступных скал, темных ущелий и широко раскинувшихся долин медленно ползла колонна военной техники.

Бронетранспортеры, боевые машины пехоты, тягачи и грузовики — все это ревело моторами, лязгало гусеницами, изрыгало клубы дыма и нещадно пылило. На головной машине ветер трепал выгоревший красный флаг.

Люди, оседлавшие броню и одетые в неизменные бронежилеты, разгрузки-лифчики, каски или шляпы, казались совершенно одинаковыми, а местные противострельные доспехи — выкройки из просмоленной и просаленной бычьей кожи, свисавшие с плеч и касок пелеринками, придавали им несколько комичный вид. Вездесущая пыль, осевшая на бровях, ресницах, волосах, одежде, уравнивала всех. Совершенно невозможно было понять, где сидит офицер, а где рядовой, где человек из другого мира и где абориген, тут родившийся.

Эта картина, что показалась бы здесь пару лет назад вполне тривиальной для мира, именуемого Аргуэрлайл, ныне казалась странной и нелепой.

От пришельцев отвыкли, потому как чужаки появились и ушли, а жизнь идет, и призраки из прошлого в ней излишни! Неизвестно, чего от них ожидать. Тут и среди своих такое смешение

языков, племен, старых счетов и обид, что кто враг, кто друг, трудно разобрать, даже если речь идет о соседних селениях. А уж о чужинцах и говорить нечего.

В недлинной колонне техники, нутужно ревя мотором, катился и выдавший виды БТР с бортовым номером 075. В отличие от собратьев, на нем отсутствовала башня, потерянная еще в дни войны за Сарнагарасахал, когда удар магической молнии расплавил пулемет и сжег бронемаску, убив сидевшего внутри стрелка.

Башню сняли и отправили на Большую землю, а машина осталась дожидаться новой. Да так и не дождалась. Теперь вместо нее был исчерканный защитными знаками дубовый люк, окованный медью. Сейчас он был открыт, и над дырой натянули палатку — тент из некрашеного холста. Из дыры высовывался ствол ручного пулемета, а на броне, свесив ноги внутрь машины, лениво посматривая по сторонам, сидел длинный худой офицер — старлей Глеб Бобров. На противоположном борту, на сиденье, сооруженном из куска кошмы, уютно устроился прапорщик, чья выгоревшая на солнце еще советская песчанка и штаны из тонкого холста поверх ичигов могли бы показаться в другой ситуации забавным сочетанием.

Плавное покачивание брони убаюкивало старлея, но его любопытство усиленно боролось со сном и пока побеждало. От нечего делать в голове мелькали различные мысли и ностальгические воспоминания.

«Как же хочется спать», — думал Глеб, глядя, как сладко подремывают, спрятавшись от жаркого солнца под пологом натянутого над люком брезента, двое его сослуживцев и общий любимец — местная пастушья овчарка Акбар, совсем по-человечески вытянувшийся во всю немалую длину.

Уже который день по счету они в пути, и эти горы, развалины кишлаков, что проплывают мимо, чередуясь с живописными долинами, стали такими привычными, что даже и рассматривать их не хотелось. Горы и горы, долины и долины — у них разве хуже? Или камни и валуны в окрестностях Октябрска другие?

С первых дней выхода в этот рейд все пейзажи, изредка попадающиеся кишлаки с почти не отличающимися от уже полузабытых афганских дувалами и арыками, живущие своей жизнью, вызвали у него какую-то глухую тоску. Это *тогда*, уже целую вечность назад, он жадно, хотя и с определенной настороженностью, рассматривал проплывающие мимо скалы и скрывающиеся где-то в бездонной синеве горные вершины, стараясь запомнить наиболее яркое и выразительное из увиденного — изумрудные лесистые склоны под темно-синим небом, хрустальное журчание ручья среди камней, сосны, притаившиеся на вершинах неприступных скал...

Взглянул на часы — отличные «Командирские» — подарок отца по случаю окончания училища и получения первого офицерского звания.

— Алексеич, а ведь сегодня девятнадцатое мая, и у моей дочки день рождения. Представляешь, Катке уже семь лет! — удивляясь собственной забывчивости, обратился он к своему спутнику.

— Поздравляю! Что же ты раньше ничего не сказал, командир? — прапорщик Непийвода с чувством пожал руку и осуждающе взглянул на Боброва.

— Да как-то закрутился....

— «Закрутился», — передразнил его прапор. — Такие вещи нельзя забывать! Мы здесь живем как одна семья. Радость для одного — радость для всех... Эх ты!

Старлей виновато отвернулся. И что его дернуло за язык похвастаться? Сидел бы себе молча и не получил бы от старшины нагоняя.

— А представляешь, как там, в Союзе? Твои небось сейчас празднуют всюю.

— Представляю. — Глеб надвинул фуражку на самые глаза. — Обидно, конечно, что меня сейчас с ними нет...

Он вдруг вспомнил то, как незадолго перед отправкой в Аргуэрлайл прощался с семьей, как брал свою годовалую Катюшку на руки, замирая оттого, что она обнимала его шею своими ручонками и трепетно прижималась всем тельцем. Дочкины волосы щекотали лицо, а запах у них был такой родной-родной и такой сладкий....

— Не переживай! Может быть, еще увидишь родных... — Алексеич по-дружески положил руку ему на плечо, чтобы хоть как-то приободрить товарища.

Давно уже в гарнизоне жесткие уставные требования не то что были забыты, но смягчились.

Некоторое время ехали молча, думая каждый о своем. Колонна постепенно замедляла движение и наконец остановилась. Из проема командирского люка их БТР показалась рука с танкистским шлемофоном.

— Товарищ Бобров, послушайте! — раздался глухой голос откуда-то снизу. — По радио такой гвалт стоит! Разведчики на дороге какой-то сюрприз обнаружили. Теперь, наверное, будем долго стоять, пока они его не обезвредят.

Глеб нехотя надел шлемофон. Недовольно поморщился.

— И черт бы побрал снабженцев, — проворчал. — Нет, чтобы порядочную гарнитуру передать в дивизион. На дворе жара стоит под пятьдесят градусов, а я вынужден сидеть в этой дурацкой шапке!

Через некоторое время он снял шлемофон. Посмотрел на прапора.

— Похоже, что мы действительно застряли надолго. Кто-то вырыл на дороге а-агромадную яму и так аккуратно прикрыл досками, а сверху насыпал щебня и пыли.

— Черт, это что же получается, — озабочился Владимир Алексеевич, — ловушку на нас ставили, на «броники»?! Совсем местные обнаглели!

— Добро, что маги заподозрили что-то неладное и вовремя остановились, чтобы прощупать все хорошенько. Иначе наехала бы бээмпэшка на этот сюрприз, и пиши пропало — не вытащить было бы. То-то радости здешним папуасам — одного металла-то сколько! А слава какая — стальную черепаху прибили! Потом песни сто лет пели бы!

Постоянное чувство опасности и бытовые неудобства жизни в условиях войны постепенно становились незаметными, или к ним уже привыкли до такой степени, что они стали восприниматься как что-то само собой разумеющееся.

Ко всему привыкает человек.

Даже щетина, покрывшая щеки и причинявшая массу неудобств, особенно в первые дни и ночи их нахождения в горах, перестала уже раздражать, впрочем, как и отсутствие возможности почистить зубы или хотя бы умыться.

Желание хорошенько вымыться и побриться превратилось в мечту по двум простым причинам: во-первых, было мало воды, а во-вторых, очень не радовала перспектива подхватить какую-нибудь заразу на лицо. Поэтому приходилось терпеть.

Непийвода все реже и реже скреб ногтями свой подбородок, лишая товарищей возможности лишний раз посмеяться над собой. Видать, и ему уже перестала досаждать бурая поросль, обильно покрывавшая физиономию. А жаль — это у него получалось как-то по-собачьи, и без улыбки смотреть на подобное было просто невозможно.

— Привал! — скомандовал Бобров. — Готовься к приему пищи!

Сухой паек тоже приелся, и традиционные коллективные трапезы стали восприниматься не как завтрак или ужин, а как необходимая процедура под названием «прием пищи» или «прием еды» и лишний повод пообщаться между собой.

Днем стояла такая страшная жара, что, казалось, вся жизнь замирала.

Бойцы во главе с командиром БТР проголодались и теперь колдовали над таганцом, под которым пытались разжечь огонь из притороченных к броне полешек. Пламя не хотело разгораться, пока в костерок не плеснули пару ложек пахучего «автоконьяка» — жуткой смеси из спирта, скипидара, конопляного и подсолнечного масла, перетопленного сала с парой магических присадок — на которой ездили машины землян. Только после этого костер разгорелся, и в почерневшем от копоти котелке закипела похлебка.

Земляне молча наблюдали за возней кашевара, скупно переговариваясь и ожидая кормежки. В силах самообороны давно существовало неписаное правило: никто никогда не ел в одиночку.

Незаметно разговор перешел на запретную в походе тему — кулинарию. Возник спор по поводу мяса, из которого нужно готовить настоящий шашлык: из баранины или свинины. Уверенно верх одерживала версия прапорщика.

— Э, да ничего ты не понимаешь! — отчаянно жестикулировал с горячностью горца Владимир Алексеевич, невольно произнося фразы с сильным грузинским акцентом. — С мясом мы уже разобрались. Это однозначно должна быть отборная свинина. На втором месте в шашлыке стоят специи, пряности, зелень и помидоры. Причем их должно быть очень много, гораздо больше мяса, а вино — это то, без чего не бывает настоящего шашлыка. Какой такой уксус? Капля уксуса убивает шашлык! Э, да что с тобой говорить, если ты до тридцати лет дожил, а этого не понимаешь!

Глеб обиженно заморгал глазами и отступил на пару шагов, чтобы не в меру разошедшийся оппонент случайно не задел его руками при очередной серии жестов. В поисках поддержки он окинул взглядом слушателей и с надеждой остановился почему-то на старшем лейтенанте Стогове, откровенно скучающем чуть поодаль.

— Борис, а что ты думаешь обо всем этом?

Тот взглянул как-то отрешенно, даже не сменив позы.

— От ваших разговоров грустно становится и жрать охота! Но не этой треклятой сушеной конины, а нормальной человеческой! — раздраженно ответил он и перевел взгляд на Алексеича.

— Человеческой конины? — заржал тот. Стогов в сердцах сплюнул.

— Глеб, а не слабо ли нам организовать что-нибудь по твоему рецепту сразу после похода? Хорошее мясо я добуду без проблем! Лучшее какое есть на рынке — наш базарный старшина мой должник...

Чуть успокоившийся Бобров вновь оживился:

— Одного мяса будет мало. Вот если бы еще зеленью и овощами разжиться...

— Это несложно. Выберем подходящий момент, и мы с тобой лично сходим на базар. Там найдешь все, что нужно. Сможешь сделать порядочный шашлык?

— Не вопрос!

Наконец, злосчастная похлебка сварилась.

— Так, товарищи офицеры, сержанты и старшины! — торжественно изрек Алексеич с пародийным французским прононсом. — Беру должность распорядителя банкэта на себя. Позвольте огласить мэню и предложить вам наши изысканнейшие блюда — не хуже, чем в ресторане «Гранд-отэль»!

Все заулыбались, а прапорщик с серьезной миной сунул руку в мешок.

— Так, конина вяленая — под похлебку из конины идет отлично! Мае... то есть бастурма... Сушеная форель из чистых горных ручьев. Сухари ржаные...

Быстро заработали ложки и ножи.

Пили из кружек, бывших банок из-под тушенки с приклепанными жестяными ручками, и ели с таких же тарелок. Впрочем, у некоторых имелись грубые алюминиевые миски и ложки.

При эвакуации начальство, «забыв» тут людей, с маниакально-бардачной аккуратностью вывезло все оборудование столовых — от электрокотлов до ложек-вилок. И хозяйстве не без труда удалось выбить у Макеева разрешение переплавить в эти нужные предметы часть оставшегося от погибшего самолета дюрала.

Когда немного насытились, за столом наступило некоторое оживление.

— Ну, батенька, да вы просто аристократ! — картавя в подражание вождю мирового пролетариата, нарушил тишину прапорщик, обращаясь к Глебу. — И вилка у него, и ложка, и нож... Дай посмотреть.

Бобров протянул ему свой походный сервировочный набор. Он купил его еще в первом лейтенантском отпуске и всегда брал с собой в частые командировки.

Набор действительно был довольно удобным: складные вилка, ложка, нож и штопор крепились к стальной колодке с черными пластиковыми накладками, которую в свою очередь можно было легко разъединить на три части. Все это в сложенном состоянии занимало очень мало места и пряталось в кожаный чехол с фиксирующимся застежкой откидным клапаном и

специальными прорезями, при помощи которых можно носить набор на ремне, не боясь его потерять.

— Ты лучше на цену посмотри, — хитро улыбнулся Стогов. — Это же надо: целой бутылкой «Столичной» пренебрег!

— Цена: пять рублей, тридцать копеек, — прочитал вслух Алексеич. — Точно! Ведь поллитровая бутылка водки «Столичная» столько стоит в Союзе. А я-то думаю — что за цифры такие знакомые?

— Нет, мужики, вы все позабыли! — раздался голос явившегося на запах младшего лейтенанта Петренко. — «Столичная» стоит пять рублей сорок копеек. Это поллитровка «Русской» с «винтом» стоит пять тридцать. Приятного всем аппетита!

— Спасибо! — ответил за всех Бобров, передав припозднившемуся к трапезе жестянку с похлебкой.

— Иваныч, а ты как всегда прав. Я точно вспомнил: бутылка «Русской» с «винтом», то есть с закручивающейся пробкой, стоит пять тридцать, а за пять двадцать она же продается с «бескозыркой», алюминиевой такой крышечкой с хвостиком, если забыл, — пояснил Стогов и демонстративно проглотил слюну. — В Союзе еще «Андроповка», помню, есть — за четыре семьдесят... А тут никакого разнообразия: или винище это местное — кислятина, или самогон по несусветной цене!

— Ты чего на самогон клеветашь?! — взъярился Вилкас. — Водка тоже разная бывает! Вон «Посольская» — дорогая сволочь, а из себя ничего особенного. Да и «Стрелецкая»... У нас в суворовском был преподаватель истории, майор Быков. Так он говорил, что после нее мерещится картина Сурикова «Утро стрелецкой казни»...

— Что-то вы сразу ударили тяжелой артиллерией, — решил продолжить тему Алексеич, сохранявший до сих пор молчание. — А «мулька», а «кишмишовка»? А мои бойцы еще приспособились из пшена гнать какую-то мутную гадость, наподобие кавказской «бузы»...

Акбар, равнодушный по понятным причинам к теме спиртного, облизываясь, провожал жадным взглядом каждый кусок и, опасаясь, что в этот раз ему ничего не перепадет, жалобно уставился на прапорщика.

— А собакам вообще обедать не положено! — объяснил псу Алексеич. — У них двухразовое питание. Тем более что некоторые особо прожорливые утром слопали столько каши, что неплохо бы им подумать и о диете. Иначе окончательно разожрут и перестанут нести караульную службу!

От таких обидных слов Акбар демонстративно отвернулся и, увидев чужого бойца, по его мнению, слишком близко проходившего мимо «родного» БТР, накинулся на него с таким свирепым лаем, что парень — абориген, причем из горожан, а не степняков в их коротких куртках — от неожиданности шарахнулся в сторону. Лишь предварительно отойдя на приличное расстояние, боец витиевато выругался по адресу злого пса.

Все рассмеялись.

— Молодец, Акбар, отлично службу несешь! Ну, хватит, хватит... Фу, сказал! — Алексеич быстро утихомирил собаку.

Глеб украдкой протянул псу кусок лепешки, обмакнутый в похлебку. Хлеб мгновенно исчез в бездонной собачьей пасти, и Акбар занял прежнюю позу, говоря всем своим видом: «Какая такая лепешка? Не было никакой такой лепешки!» Но на всякий случай исподтишка пару раз взглянул на грозного прапорщика. Вроде бы пронесло — не заметил.

Только они закончили трапезу, как прозвучал приказ к выступлению. Вдоль колонны забегали бойцы, и вскоре тронулись.

Серdito рыкнув моторами, поехал и 075.

От сытости и плавного покачивания Боброва потянуло в сон.

В голову ничего больше не приходило. Может, это оттого, что вдруг нестерпимо захотелось приоткрыть завесу будущего и узнать, что ждет его через час, через день, через неделю?

Не приподнять, не заглянуть... Что будет — покажет всемогущее время.

Сначала они долго без остановок ехали в колонне. Потом тщетно пытались найти причину поломки и отремонтироваться, жарясь на солнцепеке у самой дороги, по которой медленно тянулась колонна сводного отряда, нещадно пыля и обдавая клубами вонючего дыма, отдававшего кухонным чадом, и пугая тушканчиков и скальных хорей.

Из-за туч пыли, поднимаемой БТР, нормально поспать так и не удалось. Глеб пару раз залезал внутрь машины, но тут же выскакивал обратно — из-за жары и духоты находиться в чреве бронекоробки было просто невозможно.

Над горами висели столбы густого пушистого дыма. У местных это целое искусство — разжигать такие костры, дым от которых поднимается вверх и долго не развеивается ветром.

Им бы тоже невредно освоить его — ведь рано или поздно радиостанции сдохнут.

Солнце, совершая свой вечный круг по небосводу, уже встало, но его лучи еще не заглянули в глубокое ущелье, где по широкой тропе, которую только с большой натяжкой можно было назвать дорогой, уже добрый час размеренным шагом продвигались подразделения рейдовой группы.

Поездка на броне оказалась не такой долгой, как представлялось раньше.

Продвигаться приходилось по ровным участкам, и Бобров все чаще и чаще осматривал прилегающие скалы. Его беспокоило то, что уже довольно длительное время он, бросая взгляд то вправо, то влево, не мог найти подходящий путь для машин.

«Ладно, нечего паниковать! — успокаивал сам себя. — До выхода из ущелья еще метров триста, а там оно расширяется, да и склоны не такие крутые».

Перед операцией он долго сидел над картой, составленной по купеческим схемам и записям, и теперь более-менее четко представлял себе, на каком участке маршрута они находятся.

Слева от дороги или, если точнее, караванного пути, по которому планировалось дальнейшее продвижение, змеилась, бурлила и шумела неширокая горная речка.

На карте местами она обозначалась прерывистой голубой линией, как пересыхающая, и никак не называлась. Ближайший берег ее был обрывистым, и расстояние до воды составляло около трех-четырех метров.

«Интересно, а каким образом мы будем переправляться? — возникла в голове у Глеба мысль. — Здесь этот поток еще довольно широк, но вполне можно найти участок, где, прыгая по камням, есть возможность перебраться на противоположный берег. Впереди долина. Река, скорее всего, там станет шире, но это еще не значит, что течение будет не таким бурным».

Карта не обманула. Через некоторое время дорога с рекой круто повернули вправо, и глазам открылся довольно красивый пейзаж.

Ущелье расширилось, образуя небольшую долину. Дорога ушла влево и, образуя плавную дугу вдоль подножия невысокой горы, снова встречалась со своей спутницей-рекой у небольшого кишлака, приютившегося на скале у самого входа в новое ущелье.

Склон горы, у которой проходила дорога, был довольно покатым и весь порос деревьями вперемешку с кустарником. Иногда встречались небольшие террасы, на которых при желании можно было залечь и вести огонь по проходящей внизу караванной тропе. Взгляд невольно фиксировал подобные участки.

Река же яростно кидалась на неприступные скалы у подножия горы, что была у правого края долины, ревела, бурлила, осыпая берега целым фонтаном сверкающих брызг, но в средней части долины внезапно успокаивалась и лениво, словно набиралась сил для новой схватки, текла дальше. Три дерева росли у ее излучины, они образовали тенистый шатер, приглашая усталых путников отдохнуть в густой траве и послушать тихое журчание воды.

Глеб невольно залюбовался открывшимся пейзажем и необычными красками. Лесистые горы в лучах утреннего солнца казались темно-зелеными, скалы — шоколадными, а сама долина — изумрудной. Над всем этим в сине-белесой бездне неба плыли белоснежные шапки облаков.

Внезапно тишину нарушили звуки далекого обвала. Старлей насторожился.

В этих горах не нужно было бояться ни артиллерийских снарядов, ни мин, ни выстрела гранатометчика из зарослей дикого колючего держидерева, где мог пролезть лишь человек в специальных роговых доспехах.

Но была другая опасность — стрела из лука и арбалета из той же непроходимой (куда там афганской!) «зеленки», магический удар, который «зевнут» шаманы и не остановит защита, мелкие гадости, вроде отравленных шипов и колодцев. Но хуже всего — это обвалы, спущенные на голову землянам. Под такими погибло шестеро бойцов (с некоторым стыдом Глеб отметил, что не забыл добавить: хорошо хоть из местных). И хотя валуны и не разбили ни одну машину, но отремонтировать придется пять БТР и БМП.

Он оборвал мрачные мысли.

И без того жутковато становится. Ведь как бы то ни было, горцы воюют уже не одно столетие. Что с того, что их клинки не прорубят броню? Пара грамотно спущенных обвалов — спереди и сзади, не дай бог, и вся колонна застрянет в ущелье, запертая в этом каменном мешке.

В общем, хотя тут и суша, но жизнь вполне соответствует старым русским морским девизам, иные из которых даже в свое время давали название кораблям: «Помни войну!», «Смотри в оба!» и «Близко не подходи!».

Окрестности Октябрьска/Тхан-Такх. Руины храма Подземного Хана

— Когда истончится эта преграда, Небо и Земля поменяются местами, — глубокомысленно повторил Лыков туманную фразу с крышки колодца. — И что бы это значило? Предсказание конца света?

— Именно, — подтвердил Аор. — Там еще говорится, что мир перевернется, и то, что долгое время скрывалось в глубинах бездны, воцарится.

Второе путешествие в проклятый злоеущий храм они совершили, весьма тщательно подготовившись и даже выбрав наиболее благоприятный день согласно фазам Луны и прочей астрологии. Но все равно уверенности у Макеева было куда меньше, чем даже в первый раз.

— Однако ж в преданиях сказано, — напомнила Алтеи, — что для пришествия... — Она замылась. — Для пришествия *Его*, — скосила глаза в сторону колодца, — необходимо, чтоб открылись все шесть черных колодцев. Один вряд ли сыграет существенную роль.

— Да, — согласился глава магической школы. — Но тут главное начать.

— Какому ж придурку могла прийти в голову столь дикая мысль? — скривился, как от зубной боли, Макеев. — Он что, не понимает, что может произойти?

Еще пару лет назад, услышь он от кого подобный бред, похожий на сказку, точно не поверил бы и решил, что собеседник либо изрядно принял на грудь, либо просто свихнулся. Но теперь, пожив в этом мире, где на каждом шагу можно столкнуться с проявлениями чародейства, Александр воспринял рассказы друзей на полном серьезе. Раз они говорят, что миру грозит опасность, значит, так оно и есть.

— А в вашем мире мало было таких сумасшедших? — скептически молвил Мак Арс. — Какой-нибудь очумевший от жажды власти царек для решения своих вопросов не бросал на алтарь темных богов народы?

— Это уж точно, — подтвердил Серегин.

— Только вот богов на нашей старушке Земле отродясь не водилось, — внес поправочку в духе материализма Лыков.

— А ты уверен? — бросил на него иронический взгляд кудесник.

— Ну-у... — протянул стушевавшийся Семен.

— Так ты полагаешь, — вернул разговор в нужное русло Макеев, — что здесь поработали слуги какого-нибудь маньяка-царя?

— Вполне возможно, — кивнул Аор. — Тот же Ундораргир мог постараться.

— Или те, кто стоит за его спиной, — задумчиво сказала Алтен. — Я слыхала, что в последнее время оживились слуги *Его*, до этого предпочитавшие скрываться во мраке неизвестности.

— До меня тоже слухи доходили, — изрек Мак Арс. — Не хотелось им верить. Прошло семь столетий со времени очередной попытки приверженцев того, кого называют Подземный Хан, захватить власть на Аргуэрлайле... Я полагал, что они тогда получили хороший урок.

— А почему ты сказал, что крышка непрочна? — уточнил градоначальник. — На вид так еще вполне ничего.

— Тут добрый центнер золота будет, — похлопал по кругляшу рукой Лыков. — Хороша монетка! Целый золотой запас! Вот бы переплавить да начеканить... золотых червонцев. Пора бы собственной денежной единицей обзаводиться.

— Тебе ж говорят, что ее трогать нельзя, — вздел очи горе майор. — Кому что, а курице просо.

— Да понял я, понял, — отмахнулся замполит. — Не дурак, чай.

— Я уже говорил, — терпеливо, как школьный учитель, пояснил маг, — что здесь был проведен обряд отверзания врат. Жертвенная кровь, пролитая на крышку, обладает разрушительной силой.

— Она разъедает металл как серная кислота? — встрял танкхен.

— Она разъедает Силы, которые запирают колодец, — посмотрел на него, как на идиота, маг. — Или ты думаешь, что *Ego*, — он ткнул пальцем куда-то вниз, — можно удержать каким-то золотом?

— И насколько быстро может истончиться... магическое поле? — спросил Артем.

— Очень быстро. Если...

— Если?... — с надеждой глянул на него Макеев.

— Если не найти противозаклинание и не провести соответствующий обряд.

— Тебе это по силам?

— Не уверен. Нужно искать. А времени у нас мало.

— А не взорвать ли нам тут все к хренам собачьим? — бесшабашно предложил Семен и демонстративно потянулся к поясу, где у него висела парочка гранат (на всякий пожарный).

— Думаешь, можно взорвать Высочайшего? — едко осведомилась Алтен. — Взорвать бога?

— Да, в самом деле, смысла нет... — сплюнул Макеев. — Я так понял, что взрывом тут делу не поможешь. Ну, завалим мы этот чертов колодец. Но крышку-то ведь все одно кровища проест, и оно выберется оттуда.

— Нет так нет. Главное ж предложить.

— Как всегда у вашего брата: выдвинуть лозунг, воодушевить массы, а самим со стороны наблюдать, — хмуро процедил сквозь зубы Артем. — Уедешь себе в свою степь, а нам тут один на один с *этим* оставаться.

— Ты что это сейчас сказал?! — взвился замполит. — Ты на кого варезку разинул?

— Мальчишки, мальчишки, не ссорьтесь, — встала между ними Алтен. — Это на вас так дурное место действует. Дарика, помощи.

Она сама возложила руки на голову брыкающегося, как норовистый конь, Семена и стала тихонько нашептывать какие-то заклинания. То же самое проделала со своим супругом знахарка. Постепенно парни успокоились.

Лыков отошел к стене и принялся рассматривать одну из ниш, что-то там ощупывая и ковыряя. Артем с Дарикой расположились у противоположной стены, от греха подальше. Алтен, Аор и Макеев продолжили потихоньку беседу, в которой главной темой была необходимость мобилизации сил всей магической школы Октябряска на поиски выхода из создавшегося положения.

Замполит ощущал прилив исследовательского вдохновения.

Он вообще-то с детства бредил археологией. Еще с тех самых пор, как мать принесла домой книгу Керама «Боги, гробницы, ученые». Ему тогда было лет тринадцать или четырнадцать.

Проглотил пухлый четырехсотстраничный том за один вечер и загорелся идеей открыть и себе что-то такое, великое. Как Шлиман, Кольдевей, Картер. Но что отыщешь посреди родной столицы? Разве что библиотеку Ивана Грозного.

Когда пришло время выбирать профессию, подал было документы в МГУ на истфак, чтобы потом специализироваться по археологии. Однако тогда же состоялся серьезный разговор с отцом-полковником, служившим в Генштабе.

Родитель спросил, хочет ли отпрыск всю жизнь прозябать в нищете, кочуя от одной могильной кучи к другой, роясь там, будто курица в пыли, радуясь обломкам горшков и костей, в

лучшем случае проржавевшему доспеху и кучке золота. Чтобы заниматься большой археологией, подобно тем монстрам гробокопательства, о которых писал Керам, нужно жить не в СССР. А военное ремесло всегда в почете и принесет верный кусок хлеба с маслом. Особенно когда звание уже за майорское перевалит. Не хочешь рыть окопы или ночами не спать у ракетных установок, иди в политическое. Там работа непыльная, а почет и денежное содержание те же.

Так и стал Семен Лыков тем, кем стал: заместителем командира роты по политической и воспитательной работе. Но юношеское увлечение не забыл, только спрятал поглубже.

Потом он вспоминал отцовские советы с невеселой усмешкой, когда читал о блистательных открытиях советских археологов в Болгарии, Эфиопии, Индии; или о том, как наши в Афганистане откопали сокровище, достойное Шлимана — «Золото Бактрии» (потом начался этот... интернациональный долг, и все работы там свернули). Однако сделанного не воротишь, и увлечение находило применение лишь в том, что он иногда рассказывал своим подопечным об успехах отечественной науки — не только, мол, в космосе или геологии сильны.

И вот теперь схороненное поперло наружу.

Достав из командирской сумки блокнот и карандаш, он принялся зарисовывать видимое. Рисовальщик из него был неплохой. Особенно удавались карикатуры, которыми еще в училище приводил в восторг однокурсников и шокировал наставников. (В потаенной тетрадке даже была парочка шаржей на членов Политбюро во главе с «глубокоуважаемым Леонидом Ильичом».)

Старательно копировал надписи, покрывающие колонны, пытаясь как можно точнее воспроизвести каждую завитушку и загогулину.

Незаметно подошедший сзади Аор даже похвалил. Правильно, мол. Это может пригодиться при поисках заклятий.

Но пока заклятий не нашли.

Зато нашли что-то высеченное на базальте стен, на древнем языке предшественников Эуденоскаррианда — Арс его знал.

Вознесите сердца ваши всеочищающему свету Древних — Черному Свету/

Вознесите сердца ваши в ночь раскрытия Врат Нижнего Мира.

Врата раскрыты, дабы укрепить верных в час Последней Битвы.

Раскрыты Врата! Врата раскрыты/ Явлена Ярость Хозяев/ Раскрыты Врата/ Врата раскрыты/ ОН грядет путем гнева/

Раскрыты Врата, дабы явить ужас забывшим завет/ Врата раскрыты/ Внемлите голосу Ночи. Раскрыты Врата/

— И что из этого следует? — осведомилась Алтен.

— Не знаю, — бросил Арс — Но не хотел бы я оказаться рядом с этими вратами...

Семен поинтересовался, не знает ли почтенный маг, почему здесь шесть ниш, тогда как в предыдущих залах их было по четыре.

Как выяснилось, все дело в том, что в углублениях должны были стоять статуи, олицетворявшие четыре стороны света. Так говорилось в древних манускриптах, описывающих подобные сооружения. В главном же зале, как вот этот, устанавливались еще две фигуры, символизировавшие Вечное Небо и Священную Луну. Могли, правда, быть и варианты. Смотря кто, когда и для чего (вернее, кого) строил храм.

Зарисовав надписи, Семен занялся осмотром ниш.

Ничего любопытного. Полуцилиндрические углубления размером (как он вымерял на глазок) полметра примерно метра на два. Глубина около метра — самый здоровенный боец в полном боекомплекте спрячется. Никаких знаков или символов с письменами.

Лыков провел пальцем по шероховатой поверхности, где в свое время мог находиться пьедестал. Фу, пылищи сколько! Поистине вековая.

Внезапно пальцы нащупали какие-то углубления. Пять штук, по числу пальцев. Верно неспроста, прикинул замполит, и рука сама потянулась к таинственным отверстиям. Ага, как раз по его пятерне. Не на каких-то неведомых гигантов рассчитано.

Обернулся к товарищам, чтобы позвать кого-либо, и увидел, что славной компании не до него. Все пятеро столпились у колодца и сосредоточенно колдовали над золотой крышкой.

— Люди гибнут за металл! — приятным баритоном спел Лыков, однако коллегам было не до оперных арий.

Ну и пусть.

Пальцы как-то сами по себе вжались в дыры... И...

Ничего не произошло.

Сказать, что замполит был разочарован, значит, ничего не сказать. В это мгновение он походил на маленького мальчика, у которого отобрали любимый игрушечный автомобильчик.

Постояв так ни с чем пару минут, махнул рукой и присоединился к остальным.

Поглощенные изучением надписи, люди не заметили, как в нишах произошло некое движение.

Пустоты исчезли, и вместо них откуда-то из-за стены медленно, поворачиваясь вокруг своей оси, выплыли шесть статуй.

— Е-мое! — первым обнаружил изменения в обстановке зала Макеев. — Это что ж такое?! Семен, твою мать, что ты сотворил, археолог несчастный?..

— А что, — горделиво уставил руки в боки танкхен, — не нравится? Гляньте, какие славные статуэтки! И как сразу украсили обстановку!

Следует признать, вождь степного пролетариата был прав.

Изваяния и впрямь были замечательными. Изготовленные из неизвестного материала, поразительно напоминавшего органику (ибо поверхность открытых частей сильно смахивала на настоящую человеческую кожу), они являли пятерых мужчин и одну женщину. Две статуи, мужская и женская, были несколько больше, чем прочие четыре. Понятно, что это главные божества.

Каждый из четверки, как пояснил Аор, символизировавшей стороны света, имел свой цвет: красный — юг, белый — север, синий — запад и желтый — восток. Причем одеты и вооружены они были так, как это принято в странах, долженствовавших находиться в том месте Аргуэрлайла, которое они олицетворяли.

Наверное, определила Алтен, мастер или мастера, произведшие статуи, происходили откуда-то из областей, находившихся на территории бывшего Сарнагарасахала, поскольку представление, какая именно страна в какой стороне света располагается, соответствовало географической точке империи.

Восток обряжен в одежды кочевников Великой Степи, Запад — в тунику наподобие римской или греческой, Юг — в набедренную повязку и замысловатый тюрбан, а Север — в меха и дубленую кожу.

Что же касается фигур и лиц изваяний, то больше всего они напоминали статуи земной античности — совершенные и неимоверно прекрасные, пусть и холодные, изображения древних греков. Высокий лоб, ровный прямой нос с тонкими ноздрями, чуть впалые щеки, мягкая линия подбородка и пухлые губы, смягченные улыбкой. Руки и ноги бугрятся мышцами, но не слишком явными. И при этом не возникает ни малейшего сомнения в силе и мощи этих боголюдей.

Столь же совершенной была серебристого цвета статуя женщины, предстающей во всей красе нагого тела. Не юная, еще до конца не оформившаяся девушка, но и не зрелая дама, а молодница лет двадцати пяти. Голова немного откинута назад, а полная, но не тяжелая грудь горделиво выпячена. В вытянутых вперед руках богиня держала серп неполного месяца.

— Священная Луна, — прошептала в благоговейном экстазе Дарика, невольно склоняясь перед владычицей ночи.

Следовательно, фигура стройного, обнаженного же юноши антрацитового цвета, стоявшая напротив богини, символизировала Вечное Небо? Но отчего тогда столь разительный контраст его

лика с лицами остальных изваяний? Те излучали вечный покой и умиротворение. Черная же физиономия парня была искажена злобным оскалом. Который, впрочем, не мешал признать, что и молодой человек тоже писанный красавец. Однако его красота не радовала, а вселяла тревогу.

— Это не Небо и не Луна, — покачала головой Дари-ка. — Вечное Небо не может, не должно быть таким...

— Надо будет их перенести отсюда и поместить в городской музей, — почесав лоб, изрек замполит. — Искусство должно принадлежать народу. Как я понял, водить сюда экскурсии в ближайшие пару лет никто не намерен.

Ему никто не ответил. Все были поглощены созерцанием чудесных статуй.

— Интересно, из чего они все-таки сделаны? — задал риторический вопрос Семен. — На мрамор или металл не похоже, на дерево — тоже.

Если бы он не был уверен в технической отсталости мира Аргуэрлайл, то решил бы, что это может быть пластмасса или какие-то полимеры. Хотя кто знает этих магов с их хитроумными изобретениями? Додумались же колдуны до выведения всех этих монстров, именуемых тут «нетварями».

— Так, братцы, — командирским тоном обратился ко всем Макеев, — думаю, пора выбираться отсюда на свежий воздух. Для первого раза, полагаю, достаточно. Приставим ко входу усиленный караул из наиболее подготовленных бойцов и магов, а сами вернемся сюда через пару дней, хорошенечко экипировавшись. Может, товарищи волшебники к тому времени что-либо интересное в своих архивах нароют. наших академиков подключим. Вдруг совместными усилиями некое укрытие, кокон для колодца придумае...

Ляпнул это наобум. Но Мак Арс идеей заинтересовался и даже похвалил сардара за верное направление мыслей.

Они уже собрались убраться восвояси и стали собирать вещи, как вдруг некий шорох привлек всеобщее внимание. За ним последовал еще один, и еще, и еще...

Четыре ниши освободились от постояльцев. Четверо владык сторон света спустились со своих постаментов на грешную землю.

— Мама дорогая! — не поверил своим глазам замполит. — Ожившие статуи! Как в американском кино о Синдбаде-мореходе...

— Как это понимать?! — крикнул Александр Аору, вытаскивая из кобуры пистолет. — И можно ли с ними справиться?

— Это, вероятно, последствия обряда призвания Подземного Хана, — молвил смертельно бледный маг, выделявающий руками в воздухе некие пассы.

То же самое принялись делать и Алтен с Серегиним.

— Тот, «черный», скорее всего, *Они* есть, — выдвинула предположение магичка, и Мак Арс кивком с ней согласился.

— А чего та парочка баклуши бьет? — поинтересовался Семен, указывая пальцем на остальные две статуи.

Он также приготовился к бою, вытянув из сумки толовую шашку. Был соблазн швырнуть в «биороботов», как он окрестил про себя движущихся истуканов, гранату. Однако в замкнутом помещении это было опасно. Осколки могут достать и людей. Хотя, конечно, и применение шашки тоже могло нанести им ущерб.

— Тебе этих мало, танкхен? — нашел в себе силы ответить шуткой на шутку маг, на лбу которого от напряжения вздулись жилы.

Четверка прекраснотлицх монстров между тем брала людей в кольцо.

— Враспышную! — скомандовал Макеев. — Прячьтесь за колоннами. Дарика, ты беги за помощью к нашим на входе. Семен, у тебя шашек много?

— Порядочно, — похлопал по сумке запасливый замполит.

— По моей команде бросай! Но старайся в колодец не попасть.

Знахарка кинулась к выходу, еле увернувшись из-под удара сабли желтого степняка. Остальные люди попрятались за расписанными алыми иероглифами столбами.

— Не поможет... — усомнился Аор, глядя, как Лыков зажигает короткий шнур запала. — Против древней магии...

— А вот посмотрим, — бесшабашно откликнулся вождь и учитель, сдвигая со лба соболий ханский треух. — Она, может, за прошедшее время испортилась, эта ваша древняя магия...

— Давай! — скомандовал майор.

Алый метеор устремился к красному шривиджайцу, зажавшему в руках огромную шипастую булаву.

— Скройсь!

Четверо людей прильнули к спасительному граниту, пытаясь вжаться в холодный камень, слиться с ним.

С оглушительным грохотом бабахнуло, заложило уши. Зал заволокло едким вонючим дымом, выедающим глаза, наполняющим свинцовой тяжестью грудь, не могущую откашляться. К дыму примешалась взметнувшаяся к потолку пыль.

От той колонны, за которой прятался Макеев, донеслись беспорядочные выстрелы.

— Саша! — рявкнул замполит. — Что там у тебя?!

— Сука, белый! Плетью достал по левому плечу!

Между тем клубы пыли и дыма рассосались, и пораженный Аор увидел, что от южанина остались одни обломки.

— Ага! — воскликнул Семен. — Наша советская магия тоже что-то может!

Однако оставалось еще три противника.

С одним из них, белым имперцем, вооруженным семихвостой плетью, разбирался Макеев и, похоже, что и в этом случае земное оружие оказалось вполне способным противостоять враждебной магии. У беляка уже было отколото полголовы с правым ухом, оторвана кисть левой руки. Майор продолжал вести прицельный огонь по конечностям противника, чтобы обездвижить его и лишить возможности использовать оружие.

Семен потянулся за следующей шашкой. Но увидел, что применить ее в данной диспозиции не представляется возможным.

Ожившие фигуры находились в опасной близости к людям. Можно было невзначай задеть товарищей. Оставалось положиться на собственный пистолет да на мастерство их личных магов.

Выбрал широкую синюю спину и стал посылать в нее пулю за пулей. Странно, что свинец не рикошетил, как то произошло бы, будь статуи металлическими или каменными. Значит, они и впрямь сделаны из некоего неведомого материала.

Он всегда хорошо стрелял, поэтому неудивительно, что в скором времени сумел проделать знатную воронку в тылу эуденоскарриандца.

Справедливости ради стоит отметить, что и маги не пальцем были деланы. Видно было, что их совместные усилия не пропадают даром. Движения статуй стали замедленными и какими-то неуверенными.

Вот Макеев таки перешиб своему противнику все четыре конечности, и тот рухнул на пол, вертясь, как жук, у которого оторвали лапки.

И тут у обоих стрелков закончились патроны. Как на зло, взяли с собой всего по одной запасной обойме. Да кто ж знал, что придется использовать оружие? Ведь прямо же у стен столицы пришлось драться, в двух шагах от вооруженной до зубов охраны.

Желтый почти достал своей саблей Артема, а синий уже оцарапал ногу Алтен дротиком. Хорошо хоть, что дротик, а не копьё. То длиннее будет, от него сложнее увернуться.

И тут Аор, наконец, сотворил нечто невообразимое.

Под потолком возникла серебристого цвета петля, которая, как лассо, закружилась над двумя оставшимися статуями.

Завидев ее, изваяния как будто встревожились и выставили против извивающейся ленты оружие. Но едва петля коснулась сабли и дротика, как те рассыпались в прах.

Тогда жуткие фигуры метнулись назад, к укрывавшим их нишам. Оттолкнувшись от пола, легко вспрыгнули на свои места и застыли, как ни в чем не бывало. Словно не они только что пытались убить людей.

Лента разорвалась на две части, каждая из которых превратилась в раскаленный шар. Фаерболы устремились к нишам. Две сине-алых вспышки, и ниши вновь опустели. Как тогда, когда пятеро исследователей только вошли в зал с колодцем.

Темный бог и серебристая богиня так и не пошевелились за все время недолгого боя. Лишь когда со всеми четверьмя их слугами было покончено, изваяния бесшумно спрятались в стену.

Когда в помещение ворвались автоматчики во главе с Дарикой, уже ничего, кроме обломков двух поверженных статуй да кровоточащих ссадин офицеров и чародеев, не указывало на то, что здесь произошел бой...

Горы Летящего Льва. Лагерь рейдовой группы сил самообороны города-республики Октябрьск/Тхан-Такх
Усевшись на вросший в почву обломок скалы, Глеб наблюдал за жизнью лагеря.

На поляне разместилось управление рейдовой группы с отделением комендантского взвода.

Поляна была небольшой и находилась на северном, покато́м склоне горы с вершиной, круто уходящей вверх и чем-то отдаленно напоминающей коренной зуб.

Гора поросла довольно густым по местным меркам лесом, но там, где они остановились, встречались лишь одиночные деревья и невысокие кусты.

Место для размещения временного лагеря было удобным: с трех сторон у самого обрыва росли кусты, на юге находилась небольшая рощица, за которой полосой шла каменная осыпь шириной около двухсот — трехсот метров, а за ней начинался густой лес. Это позволяло контролировать довольно большой участок проходящей внизу дороги и вести наблюдение за подходами к ней.

Камень, на котором сидел старший лейтенант, был приятно теплым. Растущее неподалеку дерево отбрасывало на него тень, а слабый ветерок уже не обжигал, а освежал.

Склон горы, где на самом краю обрыва разместился лагерь, изменился — тут словно поработали огромные кроты. На самых ровных участках появились каменные брустверы, бронемшины, взрывкая, сгребали бульдозерными ножами землю.

Очень хотелось пить.

После завтрака Глеб позволил себе напиться лишь пару раз, сделав всего несколько глотков из фляги во время отдыха при восхождении на гору. Правда, он об этом пожалел буквально через несколько десятков шагов, когда весь покрылся потом, который моментально высох на лбу и впитался в одежду. Жажда стала мучить с утроенной силой. Больше подобного он себе уже не позволял, досадуя про себя, что забылся и поддался минутной слабости.

Вот ведь! Сам же страшно ругался, если видел кого-то часто прикладывающимся к фляге на марше, во время длительного пешего перехода или при рытье окопов на самом солнцепеке, объясняя это тем, что, начав потреблять воду в таких условиях, очень трудно будет потом заставить себя остановиться до тех пор, пока фляга не опустеет. Просил не забывать, что неизвестно когда вновь можно будет пополнить запас воды, а также то обстоятельство, что вместе с потом из организма выходят и соли, а из-за этого можно легко допить и до теплового удара.

Достал флягу, прополоскал рот и сделал несколько маленьких глотков. Эх, припасть бы сейчас к ведру с колодезной водой и пить, пить, пить ее до полного удовлетворения, до ломоты в висках!

Но запас воды был мизерный — всего полуторалитровая фляга. Хоть пей ее всю сразу, хоть умывайся, хоть зубы чисть — больше нет и, судя по всему, пока не предвидится. Придется как-то приспособливаться.

Мимо, тяжело топоча, прошло экспериментально-испытательное отделение — полдюжины ребят, вооруженных самоделками Бровченко и Бурова.

Прежде оружейная промышленность особого территориального образования не шла дальше отдельных опытов, вроде переделанных под стрельбу картечью и жаканами ракетниц или тяжелого ружья калибра 12,7 — под патрон ДШК, предназначенный для отстрела самых крупных и живучих нетварей. На этот раз мастера решили воспользоваться случаем, чтобы испытать в деле свои новые агрегаты. Отделение казалось немалой силой — два пулемета 0–7 (что значило Октябрьск, модель седьмого года), со стороны смотревшихся выдумкой какого-то безумного дизайнера из водопроводных труб и жестянок, плюс бывший на триста метров миномет калибром

50 мм, чья опорная плита напоминала сковородку (и при нем — четверка бойцов). А в придачу три автоматчика с тяжелыми и неуклюжими длинноствольными пистолет-пулеметами под девятимиллиметровый патрон от «Макарова» (которых был избыток). За основу был взят ППШ. Оружейники рассчитывали, что как изделие военного времени, он не потребует слишком сложного оборудования при копировании. Затея оказалась сложнее, чем планировалось, но все-таки с десяток ППШ-09 (тут же получивших за солидный вес ироническое прозвище — Папаша) Артмастерские выдали.

С пулеметами была вообще отдельная песня — ни старичка «максима», ни РПД в распоряжении землян не оказалось, так что при всем желании скопировать автоматику под патрон с закраиной (а только их можно было производить в нынешних условиях) было не с чего. После долгих попыток изобрести ее самим (с поправкой на доступные технологии), было решено подойти к проблеме с другой стороны.

— Если нельзя наладить производство нормальных патронов, будем делать ненормальные! — с усмешкой сказал по этому поводу Буров.

Вспомнив опыты века девятнадцатого — с их картонными и бумажными гильзами, оружейники выдали на-гора нечто и в самом деле оригинальное — пулеметный патрон калибра все тех же сакраментальных девять миллиметров, с литой медной пулей в толстостенной гильзе с канавкой. Фокус был в том, что гильза штамповалась из картона, вернее, папье-маше, вымоченного в растворе соли для несгораемости и сверх того пропитанного особым клеем, придающим твердость. (Использовали отходы неудачных опытов по производству бумаги.)

Клей, кстати, помогли сделать местные ремесленники, он у них шел на кожаные доспехи и луки. Штамповались эти гильзы в керамических разборных формах, сделанных лучшими гончарами Октябрьска. Вот под эти патроны и был спроектирован 0–7, и на испытаниях они вполне себе стреляли. Конечно, и заедало их, и ломались перекаленные возвратные пружины, но все равно начальство возлагало на задумку немалые надежды.

— А ты тут неплохо устроился! — неожиданно раздался за спиной громкий голос, заставивший невольно вздрогнуть.

Бобров обернулся, инстинктивно положив руку на лежащий на коленях АКС. Над ним стоял Борисов и довольно улыбающийся капитан Анохин. Это он предложил таким способом подшутить над лейтенантом, подговорив своего приятеля подкрасться и рывкнуть у него над ухом, а теперь наслаждался произведенным эффектом.

— Что-то мы сегодня много смеемся, не к добру это. — Анохин вдруг стал серьезным. — Где жить-то будем? Какие предложения?

— А какие тут предложения? — пожал плечами Глеб. — У нас есть спальные мешки. Дождя вроде не предвидится, но на всякий случай навес смастерить можно. Вам же, если пожелаете, местные персональную юрту из веток сплетут. Фигвам, так сказать.

— Юрту? — обкатал на языке звучное слово командир разведроты и с хрустом потянулся. — А, знаешь, давай! Чем я хуже нашего Лыкова? Да закругляйтесь, а то жрать охота...

Наконец, «стройка века» завершилась.

Облюбовали место метрах в ста от рощицы, если можно было так назвать несколько деревьев, кучно растущих у каменной осыпи. Расположились под старой сосной, которая скорее походила на сибирский кедр.

Иглы у дерева были длиннее, чем сосновые, а шишки похожи на кедровые. Правда, на вкус орешки в них оказались совсем маленькими и горькими.

У самых корней лежал здоровенный, в половину человеческого роста, вросший в землю камень. Вместе со стволом дерева они стали естественной стеной, надежно защищающей спящих или обороняющихся людей со стороны долины.

— Предлагаю отпраздновать новоселье, — предложил Георгий, в который раз придирчиво осмотрев стены и пробуя их на устойчивость.

Он удовлетворенно хмыкнул и отступил назад на несколько шагов. Немного посмотрел оценивающие на творение скотоводов. Хотел было войти вовнутрь, но почему-то передумал.

— Жалко, кота у нас нет... Колдунов! — рывкнул он своему ординарцу. — Тащи мешки в дом! За кота будет, — подмигнул офицерам. — Ишь, какие усищи отрастил!

Услышав такое обычное слово, Глеб невольно погрузился. Дом.

Чем-то мирным пахнет, а тут...

Колесишь и лазишь по местным горам и степям без усталости, и что-то нет никаких оснований думать, что за это время наступит мир. Поэтому хочет он того или нет, а еще не раз придется ему столкнуться и с кровью и со смертью. На то она и война...

Капелька росы медленно, словно нехотя поползла по иголке горного кедра. Немного подождала на ее кончике, набухла от сырости и полетела вниз, туда, где прямо под деревом устроились люди, похожие в своих спальных мешках на большие коконы, уложенные плотным рядом в каменном гнезде какого-то гигантского мифического существа.

Оттого, что что-то мокрое и холодное шлепнуло его по носу, Глеб вздрогнул, поморщился, оглушительно чихнул и открыл глаза.

Седой туман тяжелым одеялом укрыл землю от ночного холода, спрятав от любопытных глаз и небо, и звезды, и горы и даже нижние ветви растущих на них деревьев. Он был настолько плотным и между тем невесомым, что казался облаком, уставшим летать среди бледнеющих звезд и решившим немножко вздремнуть на склоне лесистой горы. Нижний край его не опустился до самой земли, словно опасаясь потревожить сладкий предзвездный сон, а лениво колыбался потолком зала волшебного дворца, у которого совершенно отсутствуют стены, а редкие стволы деревьев служат причудливыми колоннами.

Увиденная картина была настолько фантастичной, что спросонья сразу и не понял — явь ли это или начинается новый сон.

Согласно донесениям разведки и рассказам дружественных аборигенов и купцов, тут проходил один из важнейших караванных путей.

Внешне, конечно, это было трудно заметить — горы, ничем особенным не отличающиеся от других, обыкновенная широкая тропа с редко встречающимися бедными кишлаками. Но по этой тропе тысячелетия назад уже шли караваны. Погонщики верблюдов пристально смотрели по сторонам, опасаясь засады, а на этом самом месте, где они сейчас сидят, возможно, сотни лет назад мог сидеть какой-то разбойничий атаман, местный Разин или Шамиль, высматривая будущую добычу, а остальные воины прятались в тени деревьев, ожидая сигнала. Ведь во все времена племена горцев часто промышляли разбоем. И не из-за того, что они такие плохие — просто в горах вырастить хороший урожай — большое везенье. А тут чуть ли не под самым носом проходят один за другим караваны с несметными по местным меркам сокровищами. Как устоять перед искушением? Удачно проведенная засада — и ты уже не бедняк. Тебя все уважают, жены становятся ласковее и любят крепче, сказители поют песни, заносчивые вожди более богатых и сильных родов и племен зовут тебя на пиры и не прочь отдать за тебя или твоего сына дочь.

И неудивительно, что чужаков, пусть и на железных повозках и с дальнометущим оружием, воспринимают как такую же законную добычу. И что, в сущности, поменялось? Те же горы, та же дорога, те же ценные грузы. Хозяева их хорошо вооружены? Ну, так и купцы и караванщики всегда были неслабым противником!

Кто они для этих гор?

Букашки, пылинки.

Люди приходят и уходят, а эти горы как стояли миллионы лет, так и будут стоять дальше. Эта тропа, проложенная кем-то тысячелетия назад, в жизни исполинов всего лишь миг, независимо от того, зарастет ли она со временем травой или превратится в шикарное шоссе. Жизнь гор для людишек и их дел — вечность, а для вечности жизнь самих гор — ничто. Так устроен мир.

Те, кому было положено, продолжали вести наблюдение, затаившись в рощице.

С любопытством следили за копошащимися чужинцами, колдующими над своими металлическими нетварями. Действия пришельцев были для них непонятны и необъяснимы.

А вот сами люди, похоже, мало чем отличались от них, горцев. Так же ели, пили, ходили по нужде. И еще были очень беспечны, что непозволительно воинам.

Окружили себя дозорами и думают, что находятся в полной безопасности. А тут у них под самым носом, да еще буквально в трех соснах, где и медведь не спрячется, схоронился целый отряд горских следопытов-прознатчиков. Ну, отрядом это, положим, не назовешь. Скорее тот же дозор. Но и десяток храбрых горцев, находящихся на родной земле, способен творить чудеса. Если же с ними еще и сильный чародей есть, то берегитесь, пришельцы.

С уважением и затаенным страхом поглядывали на сухую долговязую фигуру в черном балахоне, сидевшую прямо на земле, на сухом валежнике.

Две недели назад появился он в шайке Мустара Лучника.

Пришел и, запершись в покоях атамана один на один, долго о чем-то шептался с одноглазым бандитом. Когда дверь, наконец, распахнулась, и собеседники вышли к остальным парням, горцы заметили, что на Мустаре прямо-таки лица нет. Бледный, осунувшийся, с трясущимися руками. Заплетающимся языком поведал всем, что достойный Эрдигор будет помогать им в борьбе со злыми захватчиками, пришедшими из Степи.

И ладно, лишняя пара рук никогда не помешает. Лишь бы под ногами не вертелся и не мешал. А то знаем мы их, равнинных. Ничегошеньки не смыслят, как себя в горах вести надо. Горы, они особого подхода от воина требуют. Тут слегка зазеваешься, оступишься — и поминай как звали. То ли в пропасть свалишься, то ли камешек стронешь, а он за собой целый обвал-лаvinу потащит.

Однако Эрдигор оказался совсем не похожим на равнинных и городских зевак.

Чувствовалась в нем некая Сила. Ходил осторожно, как будто вовсе не касаясь стопами земли, а летая на ладонь над камнями. И опасность чуял на полчаса раньше, чем горные «волки».

А уж какие штуки выделявал. Таких фокусов ни один здешний маг, даже в самом Равнине, проделать не умел.

Не единожды выручал горцев, то огненные шары в чужинцев метая, то стрелы и дротики направляя против ветра прямо в цель. И еще эти его бледно-сиреневые молнии. Вот ведь чудо из чудес. Как долбанет такая по железной нетвари пришлецов, так практически на куски ее разрывает. А обычные пламенные шарики на оное не способны. Человека прихлопнуть — это пожалуйста. Но гигантскую черепаху из брони не сдюжат. Шаманы рассказывают, все потому, что на броне специальные защитные руны намалеваны.

Да, молния — это сила. Жаль только, что не может ее чернобалахонник более одной за раз сделать. Потом долго отдыхает, обессиленный.

Сегодня как раз пообещал сотворить такое чудо. Повелев, лишь начнется среди пришлецов паника, хватать одного или двух пленных, как получится, и волоочь в лагерь Мустара. Но чтоб обязательно живьем доставить. За это отсыплет каждому по горсти серебра.

А они что? Они завсегда, пожалуйста. Дело-то привычное. Сколько лет людокрадством промышляют.

Вот Эрдигор встал с земли и засучил широкие и длинные рукава своего балахона. Ага, значит, сейчас начнется потеха.

Разбойники приготовились.

Бледный человек в черном балахоне вытянул руки вперед, растопырив пальцы.

Некоторое время ничего не происходило. Головорезы даже разочарованно стали перешептываться.

Но вот по пальцам Эрдигора пробежала заметная дрожь, а между ладоней появилось бледно-сиреневое мерцание. Завихрилось малым бурунчиком. Сложилось в нечто напоминающее то ли стрелу, то ли дротик. Поднялось на уровень глаз чародея.

Маг что-то буркнул себе под крючковатый нос, и стрела-молния сорвалась вперед.

Прочертив в воздухе огненный след, бледно-сиреневая молния ударила прямо в каменную плиту, лежавшую у подножия сосны и нависающую над лагерем чужинцев.

Раздался оглушительный взрыв. В стороны брызнули большие и малые осколки, песок, щепки.

— Вперед, — скомандовал Эрдигор, обессилено опускаясь на землю.

Двое парней подскочили к магу, подхватывая его под руки, чтоб вынести с поля боя. Остальные ринулись за добычей...

Где-то неподалеку загрохотало.

Офицеры, всполошившись, принялись вызванивать по рации сторожевые посты.

Два бойца из комендантского взвода, наполнив фляги водой, как ни в чем не бывало, продолжали укладывать их в рюкзаки. Капитан Стогов высунул голову из-за камней и испуганно вертел ею в разные стороны. Выражение лица его было настолько детским, что трудно было сдержать улыбку.

— Все на своих местах, Борис, порядок.

Глеб заметил, что капитан перестал вращать головой, а, вытянув шею, пытается что-то рассмотреть в рощице, где находился выносной пост их блока.

— На что он там уставился? — поинтересовался Анохин, не отнимая от уха гарнитуру радиостанции.

— Похоже, что на бойца с выносного. Тот забрался на камень и подает какие-то знаки. Скорее всего, решил, что рвануло у нас. Проверяет. — Глеб покосился на Анохина. — А у тебя что слышно?

Капитан долго не отвечал, продолжая слушать эфир.

Держа левой рукой возле уха гарнитуру, он свободной рукой достал из резной костяной табакерки несколько щепотей резаных листьев и свернул самокрутку из сушеного листа кустика аралии. Принялся разминать ее, вращая между пальцами, как бы готовя к употреблению.

— Обвал на выносном. Двое «двухсотых» и один «трехсотый». Похоже, тяжелый. Медики пока определяют, что с ним делать дальше, но одно и без них ясно — плохо дело... Саперы расчищают завал на дороге. Справятся, тогда и будем действовать! Пошли, проверим обстановку.

Когда они приблизились к месту обвала, Бобров увидел выстроившуюся в очередь технику и суетящихся людей.

— Елки-палки! — потрясенно воскликнул Анохин, сбивая фуражку на затылок.

От ливанского кедра и каменной плиты, козырьком прикрывавшей их лагерь, не осталось и мокрого места. Вернее, как раз оно и имелось. Большущая воронка с оплавленными краями, заполненная откуда-то взявшейся водой. Никак родник какой подземный расковыряло.

— Что за хрень? — таращил глаза начштаба. — Откуда у местных взрывчатка?

К ним подбежал измазанный копотью Умаров, из глаз которого лились бессильные слезы.

— Что здесь произошло, Мовлади? — обратился к нему Бобров.

— Молния, — только и смог выдавить из себя боец. — Сыреневый такой молния...

Опять эти колдовские штучки.

Половина лагеря была сметена обвалом. В том числе и анохинский «фигвам».

Командир снял фуражку и вдруг перекрестился. Эка, повезло-то. Не иначе, в сорочке родились. Сам Бог надоумил их пройти с проверкой постов. А то бы...

— Потери?

— Сычитаем, ищем, — вытер нос Умаров. — Пока дывое убытых, адын ранэный...

Несколько человек медленно продвигались по обочинам дороги, а метрах в десяти от места, где обрывались следы гусениц, виднелся еще один боец, державший на длинном поводке Акбара, который зигзагами бегал от одного края дороги к другому. Небольшая группа медленно шла в сторону реки, которая чуть восточнее терялась среди камней. С высоты блока люди казались маленькими, как какие-то серо-желтые муравьи.

Анохин подошел поближе к начальнику штаба. Говорили очень тихо. Глеб слышал только обрывки фраз.

Зорин, заместитель командира взвода, был вместе с отделением послан к реке для осмотра местности и пополнения запасов воды.

И в высокой траве наступил на капкан. Обычный капкан, какие горцы ставили на всякую хищную живность — медведей, волков, местных шакалов — донельзя противных тварей.

Типичная ловушка — две палки с вставленными в прорезь острыми осколками обсидиана, нехитрая сторожка между ними, и все те же сухожилия вместо пружины.

Теперь над ним колдовали два шамана и санинструктор.

Но главное не это. Главное, что когда поднялся этот сыр-бор, двое бойцов пропали неизвестно куда. Их искали, но так и не могли найти.

Что это означало?

Дезертирство?

Вряд ли. Куда отсюда дезертируешь? Тем более что пропали как раз земляне. Прапорщик Непийвода и ефрейтор Анатолий Смагин.

Значит, либо похоронило их под обломками скалы. Либо... похищение.

А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что земляне и их союзники здесь не одни.

Октябрьск/Тхан-Такх. Школа магии

Размышления Артема о том, что нужно, в конце концов, сделать в школе нормальную столовую, были прерваны самым неожиданным образом.

В кабинет через стену просочился омерзительного вида призрак и принялся порхать вокруг Серегина, беззвучно хохоча. Видимо, кто-то из начинающих магов в очередной раз решил позабавиться над заместителем руководителя школы.

Артем быстро пробормотал про себя простенькое заклинание, устраняющее наведенные галлюцинации. Призрак даже не потускнел, норовя облобызать лейтенанта слизисто блестящими устами, между которыми копошился червяк. Значит, динамическая голограмма...

Ну, ладно же.

Делая вид, что потянулся за свитком, быстро сформировал заклинание посерьезнее и послал его в гнусное создание. Похоже, шутник в последний момент почуял что-то неладное: призрак начал терять очертания, но его уже перечеркнула малиновая молния, он сжался в яркую точку и беззвучно лопнул. Сейчас его создатель или создатели верещат, закрывая ладонями обожженные вспышкой глаза. Как минимум несколько часов они проведут у целителей.

Сурово, но что поделаешь — обладатель магического дара должен сполна проникнуться ответственностью, которую налагает на него Сила.

Все бы забавлялись, как дети малые. Нет чтобы, как и было велено Аором, бросить все Силы на поиски решения тяжелейшей проблемы нейтрализации темного колодца.

Практически весь личный состав школы, сто пятьдесят человек, задействован, а результатов пока еще нет. Впрочем, о чем говорить, если большинство обучающихся чародеев не могут похвастаться потрясающими успехами.

Вообще же вырастить по-настоящему сильного мага достаточно трудно. Магов десятой и выше ступени встречается пять-шесть на тысячу. Остальные застревают максимум на восьмой-девятой. И не потому, что ленятся и не хотят совершенствоваться. Таков порог, положенный самой Силой, не терпящей избытка магической эманации.

Их школе еще повезло. Целых два высших мага. Аор, у которого двенадцатая ступень, и Алтен с ее одиннадцатой. Сам Артем может покуда похвастаться лишь восьмой. Тоже неплохо, однако наставники подбадривают его, предрекая, что вскоре он может достичь еще более впечатляющих успехов. Восьмерка для него не предел. Ведь та же Алтен за каких-то несколько лет с шестой умудрилась допорхнуть до одиннадцатой ступени. Да и сам Мак Арс стал во главе Октябрьской школы, имея седьмую.

Но тут было еще одно. То, что почему-то ускользнуло от внимания соответствующих лабораторий и служб ОГСВ. Дело в том, что маги делились на теоретиков и практиков. Эти две категории, по-местному именуемые старшие мастера и младшие мастера, отличались, если так можно сказать, идейно. Старшими мастерами становятся после пятнадцатой ступени, никак не ниже. Эти великие мужи сами отказываются выступать на чьей-либо стороне и заниматься экспериментами с Силой, чтобы не нарушить баланс, равновесие, установленное Высочайшими — местными богами.

Сам Аор не раз сетовал, что с удовольствием стал бы старшим мастером, да вот кто ж ему позволит?

Среди младших мастеров тоже имеется своя иерархия. И боевые маги, как ни странно, не самые уважаемые, поскольку боевая магия не столь сильна, чтобы ею выигрывать сражения — они занимают примерно такое же место, как снайпера или диверсанты в земных армиях (или ближе ко времени — баллистарики или мастера осадных машин в древности). Наиболее уважаемыми были маги-целители и погодники, ведь от них зависели ни много ни мало жизни тысяч и тысяч людей. Вот засуха, например, как без погодника? И как не уважить его, не отблагодарить, даже отдав последнее? Ниже всего ценились всякие бытовики, от тех, кто мог изгнать из дома и амбара мышей и тараканов, до мастеров варить всякие зелья для дубления кож или закалки металла, или тех, кто делал амулеты на удачу в делах.

Но вот в гарнизоне, исходя, так сказать, из международной обстановки, наиболее востребованной была именно боевая магия. Большая часть учеников обучалась этому искусству — причем не столько для нападения, сколько для защиты от вражеских чар. Потому как атаковать у них есть чем. Их оружие посильнее всех этих фаерболов и уж тем более всяких штук вроде порывов ветра, сбивающих стрелы. Хотя, конечно, не у всех имелись к нему задатки. Сто пять из полутораста ими обладали. Четыре десятка «проходили» по целительству и погоде. Причем в пяти обнаружилось дарование целителей такой Силы, что с ними занимались две наставницы из местной общины грайниток, хотя те редко себе позволяли подобное. Хочешь учиться — принимай посвящение и переходи под власть Грайни и старших жриц, давая разные клятвы, в том числе и не выходить замуж.

Загруженность каждого потока в результате неравномерна. Вот в чем основная проблема. Наставников боевиков, не в пример преподавателям бытовой и погодной магии, на всю ораву школяров не хватает. Вот и маются ученики дурью, расходуя свои Силы на создание фантомов.

В кабинет, настороженно озираясь по сторонам, зашли Васконо Сатт и Гриша Суров. А за ними — сардар, кто же еще?

— Привет, дружище! — заходя, отсалютовал председатель и знаком отпустил телохранителей, тотчас скрывшихся за дверью.

— И тебе не болеть, — ответил Артем. — Что взыскался-то?

— Да вот, решил вас проведать. Узнать, как обстоят дела с изучением храма и заодно вообще посмотреть, что тут да как. Давненько к вам не навещался. А ведь за вами, учеными, глаз да глаз нужен...

В это самое время из стены вновь выпорхнул призрак, еще более омерзительного вида, чем давешний. С жуткими ужимками стал накручивать круги вокруг майора, слегка офонаревшего от неожиданности.

— Что за чудо-юдо? — на всякий случай потыкал в морока пистолетом.

— А, третьеклашки балуются, — досадливо отмахнулся Серегин, уничтожая и этого фантома.

— Талантливые бесенята! — от души похвалил градоначальник, пряча пистолет и утирая со лба пот.

— Вот как получают у меня сейчас взыскание за напрасное разбазаривание Силы...

— Да ладно тебе, Тема, ворчать. Забыл, как сам поначалу забавлялся, новые умения получив?

Лейтенант усмехнулся. Что было, то было. Досада на проказников как-то улеглась.

— Что, пойдем на обход владений, Мороз-воевода?

— Давай. Но все же, скажи на милость, что это было? Они вышли в коридор. Телохранители пристроились один чуть впереди, другой — на пару шагов сзади от охраняемого лица.

— Как гласит учебник дисциплины с сухим названием «Специфические методы воздействия на природу», написанный небезызвестным тебе Аором Тахрисом Мак Ар-сом при нашем скромном участии, — начал лекцию Артем, — большинство иллюзий относится к категории «сложные наведенные галлюцинации». Меньшую часть составляют информационно-полевые голограммы со звуковым, тактильным и органолептическим сопровождением и внешним

энергопитанием, именуемые так же «истинные иллюзии». Это, кстати, не он написал, это еще мудрилы из конторы обнаружили.

— Что-что? — с улыбкой переспросил Александр, с уважением покосившись на высокоученого друга. — Какие-какие голые граммы?

— Не заморачивайся, — отмахнулся маг. — Без теоретической подготовки все равно не поймешь. Иначе говоря, специалисты по специфическим методам могут создать дыню или арбуз, которые на вкус невозможно отличить от обычных. Могут изготовить что-нибудь менее приятное, вроде чудовища размером со скалу, плюющего огнем, или танка, весьма натурально лязгающего гусеницами.

— Вот это то, что нужно! — похвалил председатель. — Танки, бронемашины, пушки. В правильном направлении работаете, товарищи!

— Да, — вздохнул Артем. — Однако все это будет существовать от нескольких минут до нескольких часов, но не больше, не говоря уже о том, что иллюзорной пищей невозможно насытиться, а пламя поддельного дракона даже сухую солому не подожжет.

— И как все это получается?

— Обратись к Аору, и он охотно объяснит, по-своему. Наши говорили что-то насчет какого-то специфического взаимодействия трех волновых субполей, являющихся в свою очередь производными от гравитационной составляющей единого поля и их рефракционного наложения, и стоячих волн, сцепляющихся с квантовой структурой материи, трансформации структур вещества в соответствии с энергоинформационной матрицей... И так далее и тому подобное. В общем, сто тридцать страниц убоистого текста и многоэтажных математических формул. Помню я эти талмуды, таким вполне можно убить без всякой магии — просто дерябнуть по башке.

— Ты это все читал?

— А как же! Правда, это не помогло, когда сдавал экзамен на шестую ступень. Не интересуется теория Мак Арса. Он больше практику, но тут уж спуску не даст. Хоть и брат по Силе, а требователен, как злой профессор на сессии.

— Кто тут поминает всеу?! — раздался в коридоре громогласный бас директора школы. — Никак начальство припожаловало? А я-то удивляюсь, с чего во дворе нагнано столько нукеров.

— Ой, все бы тебе преувеличивать, — пожимая руку своему заместителю, неловко усмехнулся Александр. — Всего-то с десятков бойцов и захватил. Видел бы ты, какой переполох поднимается у нас на Земле, когда в город или на объект приезжает какая-нибудь шишка. Все вокруг словно вымирает.

— Тоже правильно, — похвалил Аор. — Народ должен бояться своих правителей и видеть их силу.

— Раз уж ты появился, — предложил Серегин, — то сам и продолжай экскурсию.

Мак Арс кивнул, соглашаясь.

Свое детище он любил всем сердцем и очень им гордился.

Это просторное трехэтажное здание дворца какого-то архаичного тхан-такхского вельможи досталось школе в наследство от бывшей секретной лаборатории 13-го управления КГБ СССР. Надо отдать должное комитетчикам, они умели выбирать места, словно у них был какой-то особый нюх на то, что источает Силу. Древнее сооружение было буквально пропитано ею от подвалов и до чердака.

Почему так и откуда, понять было сложно, потому как ни единой фрески, ни даже надписи, дающей возможность понять, кто был прежним владельцем дворца и чем занимался, не сохранилось.

Алтен выдвинула предположение, что, возможно, и в прежние времена здесь было что-то наподобие их школы, однако ж это была всего лишь гипотеза...

Хоть секретная лаборатория и была эвакуирована вместе со всеми службами, часть ее оборудования, а главное, почти половину библиотеки переправлять на Землю не стали. Так что учебное заведение Аора Мак Арса получило в наследство от предшественников неоценимые богатства.

Приборы, изготовленные хитроумными спецами из комитета, позволяли в умелых руках да при толковой голове ставить такие опыты, что руководитель заведения буквально млеял от безмолвного восторга и жалел, что добыча столь скудна. С такими-то приспособлениями горы свернуть можно.

С другой стороны, он мрачнел, представляя, какой вред могла бы нанести чужеземная техника его миру, пробудь земляне на Аргуэрлайле чуть дольше. Не приведи боги, все это попало бы в худые руки. Того же Ундораргира или жрецов Шеонакаллу... Подумать страшно.

А вот библиотека... Возможно, второй такой нет ни у кого в этом мире.

Во-первых, она была укомплектована книгами и манускриптами, завезенными сюда с Земли, что уже было уникальным. Пусть это были в основном их легенды и романы, и две трети того, что содержалось в чужинских книгах, было чистейшей воды шарлатанством и профанацией магической науки.

Похоже, в мире, откуда прибыли Сантор Макхей и Ар-Тем, с магией совсем дела плохи были. Судя по тому, что написано в их книгах, с Силой по-настоящему никто и обращаться там не умел. Разве что в глубокой древности, в загадочных державах Та-Кемет и Баб-или.

Треть материала как раз и была посвящена древнему периоду высокого искусства. Похоже, земные мудрецы шли тем же путем, что и их коллеги в Аргуэрлайле. Но потом отчего-то их исследования зашли в тупик и были прекращены вплоть до так называемого Средневековья, когда магия вообще выродилась и была извращена.

Во-вторых, земляне собрали в библиотеку все, что было захвачено ими в виде трофеев на Аргуэрлайле. В основном свитки, привезенные из бывшего Сарнагарасахала и принадлежавшие прежде жрецам Темного Владыки. Имелись также и материалы, добытые во время похода на Конгрегацию магических коенов.

Аор и Алтен тщательно занимались систематизацией и описью библиотечных материалов, испытывая благоговение перед глубинами мудрости. Показывая Макееву то одну, то другую жемчужину книжного собрания, Мак Арс обращался с ними как с собственными детьми.

Наконец, там было много из того, что накопили спецлаборатории за год с небольшим операции «Порог». Хотя основное было вывезено, но многие промежуточные доклады и исследования были брошены в спешке и за ненадобностью.

Александр, конечно, оценил библиотечные редкости, но как боевого офицера и практика его прежде всего интересовали конкретные, утилитарные достижения, могущие хоть как-то облегчить жизнь гарнизона. Ну и, само собой, нашли ли в пыли веков хоть какие-то ответы на главный вопрос, волновавший их всех: что там с этими чертовыми темными колодцами?

— Прошу в лабораторию Алтен, — пригласил, уклонившись от щекотливой темы, маг. — Там и поговорим...

Завидев своего майора, молодая чародейка засияла такой ослепительной улыбкой, что впору было подумать, будто они с Макеевым год не виделись.

Впрочем, в последнее время Алтен и впрямь дневала и ночевала на работе, занятая поисками решения жизненно важной проблемы.

— Ну, хвастайся! — подбодрил, обняв подругу, председатель. — Наверняка есть чем?

— Как не быть? — согласилась магичка. — Кое-что имеем. Серхо, — обратилась она к юноше в комбинезоне, — покажи нам, пожалуйста, свое новое изобретение.

— Есть! — по-военному козырнул паренек, выдавая свое земное происхождение.

— Сержант... Коноплев, кажется? — прищурился, узнавая, Александр.

— Так точно, товарищ майор, председатель Совета! — браво отрапортовал молодой человек, вытягиваясь в струнку.

— Вольно, вольно, Сережа, — махнул рукой Макеев. — Показывай лучше, что там придумал.

Парень подвел их к демонстрационному стенду, на котором был закреплен лист брони. Взял в руки кисточку, обмакнул в стоящую здесь же чернильницу и вывел на металлической поверхности несколько загогулин-рун.

— И что? — выжидающе уставился на него градоначальник.

— Устойчивость брони к магическому воздействию усиливается после нанесения этих рун в четыре раза, — скромно ответил юноша.

— В четы-ыре-е?! — не поверил своим ушам Александр. — Прежние-то всего в два раза повышали устойчивость брони к... нетехническим воздействиям?

— Так точно! — звонко рявкнул расплывшийся в улыбке Коноплев.

— А полевые испытания проводились? — все еще не верил главнокомандующий.

Сергей молча протянул ему лабораторный журнал. Пробежав глазами по исписанным корявым почерком страницам, Макеев тоже заулыбался.

— Так это же значит, друзья мои, что вопрос с противостоянием боевой техники боевой магии решен, а?! Наши «старички» и «старушки» еще послужат! Ой, как послужат! Бровченко знает?

— Он присутствовал на лабораторных испытаниях, — подтвердил Артем.

— А Вилкас?

— Ему еще не сообщали.

— Вот сюрприз старому чертяке будет! — потер руки майор. И враз насупился: — Жаль, что до начала рейда со своим открытием не успели. Вот бы нашим ребятам такую помощь...

Все присутствующие тоже замолчали, вспомнив о друзьях, ушедших в поход.

— Таким образом, — продолжал изобретатель, — можно значительно усилить антимагическую прочность не только брони, но и других металлических изделий. Прошу к следующему стенду.

— А в чем закавыка? — справился Александр, поглаживая пальцем причудливые завитушки. — Тут в чернилах дело, в самих знаках или как?

— Все вместе, — пояснил сержант. — Еще заклинания соответствующие нужны...

— Сам придумал заклинания-то? — восхитился Макеев.

— Да нет, — стушевался молодой маг. — В старинных здешних книгах нашел.

— Не скромничай, — погрозил пальцем Аор. — Руны — твое собственное изобретение.

— Да, — спохватился Макеев, — а что с этими... колодцами?

Увидев, как осветилось надеждой лицо сардара, маг развел руками:

— Жалкие крохи. Всего лишь упоминание о местах нахождения еще трех колодцев. Один из них находится в Эуденоскаррианде, и крышка его, что удивительно, если вспомнить о цвете статуй в зале, изготовлена из цельного куска сапфира толщиной в ладонь. Еще один расположен в горах Шривиджайи и покрыт рубиновой крышкой той же толщины. И, наконец, сарнагарасахальский, ближайший к нам колодец, покрытие которого изготовлено из алмазной плиты...

— Ничего себе крышечки! — присвистнул Макеев, — Но как их уберечь от порчи?

— А вот об этом книги молчат, — скорбно произнес глава магической школы. — Эх, нам бы привлечь кого из теоретиков. Магов пятнадцатой или даже двадцатой ступени! Да где ж их взять тут после всех этих войн?! Нам бы с дальними странами связаться. Вдруг да поможет кто из эуденоскарриандцев или шривиджайцев... Костюка бы для поисков людей привлечь...

Макеев промолчал.

От его посланца уже давно не поступало весточек.

Горы Летящего Льва. Мартийское плоскогорье. Охотничье стойбище

Когда человек появился, Кири к стыду своему его не сразу заметила. Она была занята важным делом — готовила стрелы.

Выстроганные из сосны древки лежали по левую руку от девушки. Они были длинны, прочны и ровны. По правую руку от Кири лежал аккуратно перевязанный жильной ниткой пучок маховых перьев черного орлана. Как знает всякий охотник гор Летящего Льва, стрелы с оперением из перьев этой гордой и свирепой птицы, летят дальше и точнее всех.

Погруженная в свое нехитрое, но тонкое ремесло, охотница прилаживала приготовленные отрезки перьев к кедровой заготовке и обматывала их конским волосом, смазанным вываренным из хрящей клеем.

Теперь оставалось дожидаться, пока стрелы высохнут, и тогда придет очередь наконечников из расколотой вдоль бедренной кости бурого зайца. Она при расщеплении давала длинные, тонкие и острые иглы, которых почти не надо было точить. Можно было сразу вставлять в прожженное в середине наворачия стрелы углубление и заливать растопленной смолой из корней синего можжевельника — застыв, она становилась почти каменной.

Понятно, с одной стороны, она допустила оплошность, ибо точно так же можно было пропустить скрадывающую человека снежную кошку или очень редко, но все же забредающую сюда хищную обезьяну — горного людоеда.

Но с другой стороны, изготовление стрел дело, как понимает всякий, не простое и требующее внимания. Нужно по три-четыре раза вымерять древко, уравновесить его вначале так, потом с наконечником, подобрать оперение стрелы, причем перья нужно обязательно выбрать из одного крыла, левого или правого, а то стрела полетит неизвестно куда, выписывая кренделя в воздухе.

Поэтому-то она и не сразу заметила, как у вековых кедров на круче появился беловолосый человек в выгоревших штанах и куртке когда-то светло-рыжего цвета.

На голове его была странная шапочка, на поясе — короткий кинжал. Меча или лука при нем не имелось, хотя за спиной блестел металл — вроде что-то похожее на дудку.

Охотница напряглась, но не сильно встревожилась. Здесь, в сердце Мартийского плоскогорья, не стоило опасаться лихого человека. Те обычно предпочитали людные долины и караванные пути.

А охотничьи тропы Кири были расположены в стороне от всего, что могло бы заинтересовать грабителей или охотников за рабами. И поэтому появление кого бы то ни было, тем более столь странного молодца удивило, но не очень испугало юную охотницу.

Если же это все-таки недруг, лучше пускай он до поры до времени держит ее за глупую девчонку.

Как ни в чем не бывало, взяла одну из двух готовых уже стрел, проверила, схватились ли смола и клей оперения. Затем вложила на тетиву свежееизготовленную стрелу, чуть потянула плетеную жилу, примеряясь. Запоздало пожалела о полудюжине стальных наконечников, выменянных в прошлом году на шкуру молодой рыси. Завернутые в просаленный холст, они лежали на дне ее мешка.

Конечно, и костяной наконечник убивает не хуже. Но кто знает, вдруг у чужака под одеждой хоть плохонькая кольчужка, а есть?

Лук она держала на виду. Если незнакомец и хочет чего-то нехорошего, то пусть знает, что голыми руками Кири не взять. А пущенная ею стрела на ста шагах попадала в шею кабарге. И это из среднего орехового лука. А сейчас у нее была не самодельная снасть, а изделие варимского мастера — клеенный из шести слоев дерева, стянутых плетенкой из крепчайшей дубленой кожи (отдала пять шкурок ташкуна).

Гость, то и дело скрываясь за стволами вековых сосен, спускался вниз, к костру, подле которого сидела девушка.

Он шел, не пытаясь маскироваться или идти бесшумно. Значит, вряд ли питает злые намерения.

Впрочем, когда парень приблизился, она увидела, что гость и не может двигаться тихо, подобно горному коту или сурдану.

Его правая рука придерживала неумелую повязку на бедре, из-под которой сочилась кровь. Он видел ее и шел к ней.

Тревога вновь зашевелилась в душе Кири, ибо в их краях верили в предания о тархоссах — оборотнях, принимающих человеческий облик и не пренебрегающих возможностью закусить доверчивым путником.

Обратилась в слух и внимание.

Возможно, в другой ситуации охотница и не показалась бы случайно встреченному на плоскогорье человеку. Но он увидел ее первый, и было бы противно обычаям не предложить помощь раненому одиночке — духи гор не скажут спасибо за такое невежество.

Девушка-охотница подумала еще, что непонятный гость не оборотень — те прикидываются обычно кем-то знакомым, а не оборачиваются в подозрительного чужака.

Но кто это мог быть?

Может, он отстал от купеческого обоза?

Но вроде не время еще купцам ходить?

Чужак меж тем подходил все ближе, и стало ясно видно, с каким трудом дается ему каждый шаг. Вот он оперся о дерево, попытался было выпрямиться, и тут силы оставили его окончательно, и он в изнеможении сполз на землю. Голова его упала на грудь...

...Все последние часы Анатолий Смагин был убежден, что для него настал тот самый смертный час, о котором так много и красиво писали разные романисты и поэты.

После того безумия, когда он, оглушенный ударной волной, попал в руки горцев. Каким-то чудом вырвался из их лап, положив пятерых или шестерых. После тщетных попыток найти дорогу обратно к лагерю в бесконечных каменных распадах и гольцах, поросших дикими елями и корявыми изломанными ветром соснами. После того, как на вторые сутки он понял, что перепутал направление, надежды выйти к своим практически исчезли. Оставался шанс, смутный и неопределенный, что он наткнется на местных жителей, и те не прирежут его за нарушение какого-нибудь дикарского табу или просто на всякий случай.

А потом — злое шипение за спиной, мелькание черно-рыжего вытянутого тела на склоне, очередь вслепую почти в упор, что называется, на одних рефлексах, оскаленная уродливая морда, залитая кровью.

Окрестности огласил жуткий рык, от которого у Смагина заложило уши.

Еще через мгновение он увидел своего противника целиком.

Зверь чем-то напоминал земного медведя. Только был полосатый, как тигр. И при этом косматый и не имел хвоста.

Черные глазки под роговыми надбровными дугами с ненавистью смотрели на человека. Из развороченной автоматной очереди пасти торчали четыре огромных клыка.

Сев на задние лапы, животное помахало в воздухе правой передней. Ну, точь-в-точь цирковой или зоопарковый мишка, приветствующий зрителей в надежде получить лакомый кусочек. Таковое лакомство перед зверем и было. И звалось оно Анатолием Смагиным.

Между прочим, ефрейтор отметил, что у хищника было семь когтей. Зоологическое наблюдение не прибавило оптимизма.

Животина некоторое время так и сидела сиднем, примеряясь к броску и, видимо, собираясь с силами. Наверное, выстрелы Смагина все-таки задели какие-то жизненно важные органы твари.

— Хорошая, хорошая кошечка, — ласково молвил ефрейтор, изготавливаясь к стрельбе.

Сказал и отчего-то подумал, что, может, это и не самка вовсе, а самец. Да и вряд ли оное чудище можно причислить к семейству кошачьих. Разве что из-за окраса.

Заслышав человеческий голос, тигро-медведь насторожился и снова рыкнул. На этот раз еще более грозно. Хотя куда уж больше?

А потом, с ходу, из сидячего положения, так, что Анатолий даже не успел понять, как такая туша могла быть столь шустрой, чудище прыгнуло на бойца.

Все же он успел нажать на спусковой крючок, и пули, вырывая клочки мяса с шерстью, злобными шершнями стали впиваться в тварь. Однако остановить прыжок были уже не в силах.

Удар...

И адская боль в груди и ниже поясницы...

Потом он с трудом выбрался из-под тела страховидного хищника неизвестной породы, кое-как себя перевязал и побрел дальше.

Последнее, что помнил, это как шел, видя сквозь красный туман человеческую фигуру у почти угасшего костра.

Он притормозил, пытаясь опереться спиной о ствол спиной, и тут его правая нога неловко скользнула по предательскому камню. Все тело Толи пронзило болью, и он не смог сдержать стон. Теперь у него не было сомнений в том, что он не один на этом горном склоне, и фигурка на

каменистом пяточке ему не померещилась. Сквозь мутящий зрение жар он видел, что это, кажется, девушка или молодая женщина. Мышцы перестали удерживать тело, и он упал, раскинув руки, на усыпанную иглами сосны каменистую землю. Резкий кашель, который нельзя было унять никаким усилием воли, вырвался наружу вместе с брызгами крови.

Боец сполз на землю и отер тыльной стороной ладони липкий холодный пот, выступивший на лбу. Его ребро было сломано ударом лапы твари, и обломок, сдвинутый неловким движением, впился в плоть. Боль ослепила парня и лишила всякого интереса к происходящему...

Горы Летящего Льва. Рейдовая группа сия самообороны города Октябрьск/Тхан-Такх

— Боброва к командиру! — донеслось по цепочке снизу.

Он поспешил к самой нижней террасе. Подойдя к импровизированному командному пункту, отметил про себя, что Анохин как-то вдруг постарел и осунулся. Видя, что его прибытие не осталось незамеченным, старший лейтенант, усевшись на камень, принялся внимательно наблюдать за раскинувшейся под ними долиной, почти сплошь покрытой «зеленкой», и терпеливо ждать распоряжений.

Недавний камнепад сделал дорогу совершенно непроходимой для боевых машин пехоты, и это значило, что они здесь застрянут на неопределенное время.

Слушая реплики офицеров-однополчан, Глеб про себя думал, что они оказались в полной, что называется, заднице.

Рейд, обещавший решение если не всех, то половины проблем (пути снабжения, продовольствие, руда и сырье, плюс отодвинутые аж на тысячу кмэ рубежи обороны), не дал ни хрена.

Погибшие и пропавшие без вести ребята, каждый из которых, что называется, на счету, угробленные бронеединицы, расстрелянные боеприпасы — без малого пятая часть запасов Октябрьска, сожженные без толку полторы сотни тонн горючего — почти весь накопленный за годы неприкосновенный запас.

Причем вполне возможно, что топлива не хватит на возвращение, и тогда придется становиться лагерем и вызывать помощь по радио.

А главное, аборигены, как выяснилось, вполне способны их победить. Пусть и не разгромить, не разбить, а просто отогнать, вытеснить прочь из своего ареала. И это весьма и весьма нехорошо.

Почувствовал, как спазмом сдавило горло и предательски защемило глаза. Он зло стиснул зубы. Нельзя поддаваться эмоциям!

— Вот что, Глеб, впереди у нас по карте селение. — Капитан глянул на грубо раскрашенную карту. — То ли Берек, то ли Бурек. Надо бы его проверить. Понимаю, что на ночь глядя идти не особо хочется, но надо. Возможно, мы застряли тут надолго...

Глеб понимающе кивнул.

— Если что, лучше обосноваться за какими-никакими, но стенами, и под какой-никакой крышей...

Душу кольнуло нехорошее предчувствие, но он его отогнал. Впереди ждал кишлак и долгий-долгий подъем на гору, в то место, где предстоит провести больше недели, а за это время многое может произойти. Если так болезненно реагировать на чью-то оплошность, то никаких нервов не хватит.

Долина жила своей жизнью и выглядела совершенно мирной. Ничего подозрительного.

Да и что можно рассмотреть среди сплошного зеленого моря кустов и деревьев?

Шли довольно быстро, тем не менее, не теряя бдительности и выдерживая интервалы, — как в Афганистане. Не из-за противопехотных мин, конечно, каких тут, по-видимому, не заведется в ближайшее тысячелетие, а чтобы лучники не смогли накрыть тучей стрел весь строй разом. Особенности здешней тактики. Дерутся сомкнутым плотным строем, им же обычно и передвигаются, чтобы потратить минимум времени на составление «черепахи» или «клина».

Тем самым хорошие лучники или арбалетчик получали возможность положить сразу целую кучу народа, но иначе не выходило — растянутую шеренгу, которой двигались земляне,

нормальный здешний правильный строй (которому, по правде говоря, далеко до знаменитой греческой фаланги) сомнет в минуту. «Если, разумеется, огонь трех десятков автоматов даст им такой шанс», — не без ехидства подумал Глеб.

Он не чувствовал усталости, и дыхание его было ровным. Рюкзак плотно прилегал к спине, ремни автомата и радиостанции он подогнал таким образом, что последние ходьбе почти не мешали.

Да где же этот чертов кишлак, будь он неладен?

Как бы подслушав его мысли, из-за очередного поворота открылся вид на небольшое горное селение. Саклей этак десятка на два.

Сложенные из грубо отесанных камней домишки, крытые камышом, лепились прямо к скалам. Расположены они были на нешироких террасах-уступах, отчего возникала иллюзия, будто перед тобой привычные глазу и родные до боли земные многоэтажки.

— Ничего так микрорайончик, а, парни? — обернулся к разведчикам Глеб.

Все, даже ташкентец Умаров, заулыбались.

— Но что-то не вижу гостеприимного местного населения, ликующего по поводу избавления от душманов, — озадачился Бобров.

И впрямь неладно. Ни одной живой души не видать. Даже козы или драной кошки.

— Вымерли они тут все, что ли? — высказал предположение сержант Михеев.

Вот так ляпнешь чего, не подумав, а оно Богу в уши. Когда разведчики вошли в кишлак, то поняли, что встречать их с ликованием некому. Все вокруг было завалено трупами. И дворы, и сакли, и арык. Мужскими и женскими, детскими и стариковскими. Изуверы не пощадили даже домашнюю живность.

Конечно, после Римира удивить чем-то подобным землян уже было нельзя. И все-таки к таким картинам невозможно привыкнуть.

Возле арыка в землю было вбито копьё, на которое бандиты накололи, будто тыкву на вертел, отрезанную человеческую голову. Еще совсем недавно она принадлежала доброму и основательному мужчине лет пятидесяти. Возможно, бею кишлака. Длинные с проседью волосы, слипшиеся от крови. Такие же длинные и окровавленные усы, аккуратно подстриженная борода. Рот, раскрытый в немом крике. Зажмуренные глаза.

Бобров приказал убрать «пугало» и, найдя тело, предать все вместе земле.

Но едва Умаров и Михеев подступили к жуткому украшению, как голова открыла глаза, а с уст слетело хриплое, но вполне членораздельное:

— Чужаки, убирайтесь прочь!

И так три раза.

После чего уста и очи покойного смежились навеки.

Перепуганные солдаты из всех сил припустились с проклятого места. И Бобров не стал их удерживать. Он и сам желал как можно дальше убраться из этого кишлака, из бывшего Сарнагарасахала, поход в который, как и предвидел Глеб, не принес им ничего хорошего. А будь его воля, то и вообще с этой планеты...

Солнце, став в зенит, жарило нещадно. Накалившиеся скалы прохлады не добавляли. Их маршрут проходил через редколесье с островками колючего кустарника. Здесь раскаленный воздух был неподвижен, сушил горло и обжигал лицо и руки. Зато редкие деревца отбрасывали кружевную тень, позволяя хоть немного укрыться от испепеляющих лучей и изнуряющего зноя. Старлей периодически ловил себя на мысли, что ему не хочется выходить из тени, но при выбранном темпе ходьбы они шли, даже не особо потая, и Глеб уже стал прикидывать: успеют они к обеду или нет?

Переход вдоль подножия и подъем на склон горы оказались не такими сложными, как ожидалось, но группа шла все равно очень медленно. Передовой дозорный, сержант Михеев явно не хотел рисковать и поэтому не торопился. Он часто останавливался и тщательно осматривался. Колдунов, идущий вторым, держался в пяти-шести метрах от Михеева с автоматом на изготовку.

Бобров шел замыкающим, бросая мимолетные взгляды по сторонам и периодически оглядываясь назад, отмечая каждое подозрительное шевеление листвы или покачивание ветвей кустарника.

Местные жители, как уже удалось убедиться, народ очень хитрый, коварный и в военном деле толк знающий. Могут и засаду устроить, и «сесть на хвост», чтобы разведать проходы и напасть при первом же удобном случае на зазевавшийся патруль или часового.

Люди, бьющие стрелой в глаз оленю, заставили поневоле себя уважать. Тем более палить по кустам длинными очередями, как в первые дни, особо не получится — строжайший приказ об экономии боеприпасов грозил виновнику конфискацией автомата и переводом во вторые номера.

Горцы здесь, в отличие от землян, на своей территории. Им карты и компас не нужны, чтобы ориентироваться на местности. Каждый бугорок или ямку с детства знают.

Но, кажется, все позади. Ничего подозрительного нет.

Осталось преодолеть один особо крутой подъем, и впереди покажется пустошь, где они разбили лагерь.

— Михеев, будь внимательней! — слышался откуда-то сверху из-за ветвей голос невидимого еще капитана Анохина. — Прямо на растяжку рулишь!

Глеб попытался отыскать глазами начальника. Бесполезно! Будь он совсем рядом, то обнаружить его все равно можно было только в том случае, если бы он сам этого захотел.

— Увидел? Переступай, а лучше обойди справа. Мне так спокойней будет. — Голос Георгия был необычно строг.

Сапер выждал, когда Колдунов подойдет к нему поближе, указал тому на что-то между деревьями, круто свернул вправо, сделал несколько шагов и снова остановился. Повертел некоторое время головой, пытаясь увидеть начальника разведки. Бесполезное занятие!

— Стой! — прозвучал голос Анохина. — Осмотрись внимательнее. Что видишь?

Бобров глянул вперед, по сторонам, насколько позволяли увидеть кусты и деревья, — ничего особенного. Повторно осмотрел, на этот раз уже рисуя невидимую «змейку», как учили в свое время в термезской учебке люди воевавшие.

И похолодел: в каком-то метре от его ног на высоте десяти — пятнадцати сантиметров над землей виднелась едва различимая натянутая нить из конского волоса. Вдоль позвоночника прошла волна знакомого холода. Растяжка!

Глеб не стал повторять маршрут идущих впереди него солдат, а, увидев растяжку, переступил ее и стал подниматься по склону, стараясь идти по своим же старым следам. Забравшись, оглянулся и посмотрел вниз.

Последний солдат, невысокий, кряжистый Ронг Нарок, нырнул в кусты и спустя полминуты вынырнул с боевым элементом местной растяжки — мощным, хотя и грубо сделанным самострелом.

Знакомое изделие. Неровно отесанное, за исключением тщательно вырезанной и оструганной канавки для стрелы, ореховая дуга — толстая, которую сгибали вдвоем, толстая тетива из сырых, густо просаленных жил, и стягивающий все это аркан из конского волоса, завязанный хитрым узлом. Один рывок тонкого шнура растяжки, и тяжелая стрела пробьет неудачника насквозь.

Бобров зло посмотрел на железный трехгранный наконечник, над которым вились мухи — его вымачивали в жиже из протухшего мяса.

Неделю назад такой же сюрприз поймал в грудь сам Анохин, и лишь бронежилет спас командира. Двум другим бойцам — Коле Мухину и Митону-Со повезло меньше. Николаю стрела распорол бедро, и пришлось прижигать рану каленым железом, а потом лечить магией. А командиру седьмого отделения Митону стрела угодила в живот, уйдя в позвоночник... Хоть мучился недолго, бедолага.

Между тем огненный шар солнца уже коснулся острых, как акулы зубы, далеких вершин гор, окрасив в розовый цвет разлетевшиеся по бледному, словно вылинявшему небу перистые облака. По склонам, словно живые, поползли длинные тени. В ущелье, где проходила дорога, стало темно и оттуда пахло то ли прохладой, то ли притаившимся страхом.

Капитан Анохин, встретив группу разведки и выслушав доклад Глеба, тоже наблюдал, как быстро вступает в свои права ночь. Жара уже немного спала, поэтому было очень приятно стоять, подставив лицо легкому ветру, уже не обжигающему, а освежающему. Наблюдать, как медленно скрывается за горами солнце, и думать, думать, думать о сугубо личном, пытаться найти ответ на уже который месяц мучающий его вопрос и принять единственно правильное решение....

Бобров ловил себя на том, что часто бросает взгляд на горную гряду, похожую издали на спину спящего на животе мифического дракона или какой-то еще древней рептилии, от старости поросшей мохом. Именно туда предстоит завтра выдвинуться третьему горно-стрелковому батальону, пересекая живописную лесистую долину, сплошную «зеленку», если перевести эту красоту на жестокий язык войны, или, сделав большой крюк, обогнуть долину с севера.

Традиционных вечерних посиделок не получилось. Дел у всех еще было предостаточно. Некоторое время Глеб посидел в штабе, разбираясь с Анохиным в картах, уточняя обстановку и отмечая наиболее опасные направления, а когда солнце спряталось за горы, поспешил к себе. Несколько раз, сладко зевнув на ходу и сладко потянувшись, он почувствовал, как неимоверно устал. Не оставалось уже никаких желаний, кроме, как занять горизонтальное положение и по возможности поспать хоть несколько часов.

Дикий, пустующий тысячелетиями склон горы преобразился. На террасах, расположенных на спускающемся отлогом гребне, выросли каменные кладки временных позиций, довольно гармонично вписавшиеся в окружающий пейзаж.

«Мы уйдем отсюда, а камни останутся. Когда-то на этой многострадальной земле, наконец, наступит мир, а наши каменные баррикады долго будут напоминать о войне, — размышлял стралей, рассматривая их новое пристанище. — Места здесь дикие, безлюдные, кому понадобится разрушать то, что мы здесь настроили?»

После рейда и сытного ужина нестерпимо хотелось спать.

Не дожидаясь наступления ночи, Бобров забрался в спальник, лег и вытянулся во весь рост, наслаждаясь спокойствием и тишиной.

«Спать, спать!» — приказал себе, думая, что после пережитого за день вряд ли удастся быстро уснуть, но напрасно: едва он закрыл глаза, как тут же провалился в темноту.

Горы Летящего Льва. Мартийское плоскогорье. Охотничье стойбище

Быстро и осторожно Кири поднялась по склону и, лишь когда увидела окровавленные губы незнакомца, судорожно хватаящие воздух, и слипшиеся от пота странно короткие волосы, опустила лук.

Бегло осмотрев раны, нанесенные каким-то крупным хищником, она бросилась вниз, за мешком, где были всякие нужные при таких случаях снадобья, — без них ни один уважающий себя охотник не выйдет в долгий поход за добычей.

На полдороге сообразила, что, пожалуй, нужно сделать по-другому.

Несмотря на юный возраст, Кири была достаточно опытным лесовиком. Первый раз она отправилась за добычей с отцом в десять лет и следующие девять лет проводила преимущественно в дебрях и горных урочищах.

И не одну смерть повидала. От когтей берганов, клыков шарридов, рогов горных быков или яда каменных скорпионов, а то и просто от стрелы или копья. Случалось ей и вытаскивать с того света товарищей по охотничьим походам. И девушка прекрасно знала, что тех, у кого переломаны ребра, не стоит переносить, словно мешок. Поэтому, сорвав с плеч плащ, подбитый мехом застреленного три зимы назад скального козла, она осторожно уложила раненого на него и поволокла к своему лагерю.

Вытащенным из ножен кинжалом странной формы, скорее предназначенным не для боя, а как раз для охоты, она распорол на парне странную грубую рубаху и оказавшуюся под ней нижнюю сорочку, осторожно осмотрела налитый дурной кровью синяк бок.

Так и есть — ребро сломано.

С него и начнем.

Иные глупцы думают, что сломанное ребро — это не такая уж большая неприятность. На самом же деле подобное увечье весьма опасно и коварно — неловкое движение или рывок пронзенного болью тела, и обломок проткнет легкие, печень, а то и сердце.

Лишь забинтовав грудь порезанной рубахой чужака, она занялась бедром.

Размотав удививший ее тонкий бинт и отодрав прилипшие к ране комочки странного белесого мха, пропитанные кровью, Кири замерла...

— Ой-й-е-е! — только и выдохнула девушка.

Рана гноилась и была довольно скверной. Да это ладно, хотя тоже запросто может отправить парня к предкам.

Но вот зверь, что ее нанес...

Это ж где бегают такие создания с семью когтями? Да еще «лапка» была раза в полтора больше лапы сурдана. Не такая, как медвежья, конечно, но что хуже, подобных следов ей видеть не доводилось.

Охотница припомнила рассказы старших про созданных черной магией мерзких тварей, что иногда забредали в их края.

С уважением взглянула она на парня. Если тот как-то сумел уцелеть в схватке с каа-рсатха (так на местном диалекте звались нетвари), стало быть, не слабый боец.

Ладно. Одно хорошо, что рана не меньше чем суточной давности. Значит, кто бы ни был хозяин когтей, он вряд ли бродит где-то поблизости.

Спустя короткое время рваная рана была промыта водой и замотана сделанной на скорую руку повязкой из собственной нижней рубахи чужака, наложенной поверх кашицы из пережеванной охотницей луковицы горной черемши. Конечно, жаль, что у нее не оказалось живительной пихтовой смолы или что ей в этом походе не попадалось мумие. Но уж что есть, то есть.

И лишь потом девушка занялась вещами гостя.

И вот тут, хорошенько их рассмотрев, оказалась в полной растерянности.

Что чужак не прост, она поняла уже по странной одежде с непонятно ровными стежками из неведомой ткани и с какими-то мешочками и латками, пришитыми столь же отменно аккуратно. И хотя одежда была неновой и не раз чиненной, чувствовалась в ней какая-то особенная добротность.

Точно таким же был и тощий (чудно, с таким запасом воины в поход не ходят) мешок с необычным креплением лямок на необычных застежках. Не без труда с ними справившись, Кири обнаружила внутри связку полос вяленого мяса, какие-то сухари, странный медный кувшинчик с узким горлышком, заткнутый пробкой из коры — в нем оказалась на удивление чистая мелкая соль — господская (такой к ним и не возят, она и видела ее раз — ею приправлял угощение, выставленное сельчанами, купец, привезший железо и ткани пару лет назад).

Нашлись еще ложка из какого-то странного легкого металла и такая же фляга. В ней что-то плескалось, но крышка ее оказалась напрочь закрыта — видать, имелся какой-то секрет. Еще имелась одна нижняя сорочка, несколько кусков ветхого потертого полотна и короткие штаны, не достающие даже до колен — все тоже чиненое и старое.

В душе Кири зашевелились какие-то смутные подозрения.

Вещи эти были какими-то... необычными, *неправильными*. Что-то в них было... особенное.

Но лишь взглянув на странную железку, все поняла.

То, что это оружие, она догадалась почти сразу. И потому что задняя часть штуки слегка напоминала приклад арбалета, и просто угадав тем самым чутьем, которым чует старый опытный воин себе подобного во встречном, даже не перемолвившись с ним словом.

И вспомнила разговоры, ходившие несколько лет тому назад, когда она была совсем девчонкой и ничего, кроме как обдирать шкуры и варить похлебку на стоянках (ну, еще обходить силки), ей не доверяли. Рассказы смутные и странные. Про людей из чужого мира, едущих на стальных нетварях и вооруженных дальнобойными луками, стрел которых не видно в полете. Чужаки сокрушили империю темных магов к западу от Черного хребта, а потом так же внезапно, как пришли, убрались прочь.

Выходит, вернулись?

Или просто ушли не все? Кто поймет этих чужаков?

С замиранием сердца она посмотрела на лежащего без сознания парня. Был он совсем не похож на погонщика стальных чудищ. Чем-то напоминал старшего брата ее погибшего жениха, Ролура, хорошего человека и доброго мастера, умевшего выделывать шкуры на зависть прочим.

А пока она думала, парень тяжело застонал. Пробормотав что-то, уставил мутный взор на нее и выдохнул что-то похожее на «пить».

Чертыхнувшись, девушка кинулась к костру за деревянной баклагой.

Вольный город Андрас. Торговый квартал. Харчевня «Свиная ножка»

Дверь трактира распахнулась от удара ногой, и сквозняк заколыхал огоньки фитилей, плававших в большой, залитой до краев маслом чаше светильника.

Ноздрей почтенного трактирщика Сутара Хмора коснулись уличные ароматы — навоза, дыма очагов и вечернего тумана.

— Эй, а башкой двери открывать не пробовал?! — угрожающе рявкнул вышибала. — Могу поучить!

И озадаченно умолк, созерцая гостей.

Тех оказалось трое, и, оглядев вошедших, Сутар понял, почему его работник, могучий здоровяк-горец Роун, решил придержать язык. И чем больше он их созерцал, тем больше настораживался. Что-то было не то в этих типах, крепких, похоже одетых и очень уж специфически одинаковых. Одинаковостью каторжников в руднике или солдат в строю.

Невысокие, но приземистые, с непроницаемыми лицами, крепкие фигуры под длинными черными плащами. Чем-то напоминали здоровенных боевых собак, которых караванщики с востока Эктары берут с собой в походы отбиваться от разбойников.

И опасные. Это уж точно. Он чувал это, что называется, нутром, а нутро его никогда не подводило. Потому и дожил до почтенного возраста. Пятьдесят три весны уже. В нынешние времена, да еще при том, как он жил, можно сказать, счастливчик.

Да, ведь сколько раз мог погибнуть. Хоть в дни царствования Сына Ночи — сколько его товарищей погибло от рабских дубин и камней да разбойных ножей? Да и потом. Вот взяли бы его в имперское войско и прибили бы на войне пришельцы своими стальными чудищами, в лепешку навозную бы раздавили. А так прижился при них. уважаемым человеком стал, начальником рудника, золота, подкопил... А уж потом, как убрались чужинцы, так и вообще тьма настала. Но вывернулся и вот живет себе. И не дурно. Кабак даже открыл в этих тихих краях на востоке бывшей империи, где власть крепка, внуков вот дождался. Все потому, что слушался своего чутья и не лез на рожон.

Мысль о внуках вернула Хмора на грешную землю, и он порадовался почему-то, что отправилась вся его большая семья — две жены, пятеро детей от двух весен до пятнадцати, два зятя и три внучки — в купленный недавно за городом, в предместье, дом. Отдохнуть от городской жары и пыли на святые дни богини Рео.

Но с чего это он беспокоится? Андрас город спокойный, лихой люд в нем давно не шалит, и кого-нибудь страшнее базарных воришек да конокрадов сыскать здесь будет непросто.

Бывший приграничный воевода Лор Ноку, ныне государь Лор Твердорукий, воистину в твердую руку взял этот край, мудро не полез в схватку, которая закипела в срединных землях бывшей империи, где теперь пепел да прах.

Странные посетители, ну что с того?

Стража недалеко, не зря же он каждый месяц жертвует десятнику их квартала жбан пива, четверть барана да жменю серебра. Да и служат в трактире не хилые мальчишки, а дюжие парни, на коих заглядываются проезжие купчихи. И сам Сутар хоть и немолод, но силу не растерял — удар его, как говорится, быка-двухлетка с ног сбивает.

Ну, быка не быка, а редкий человек против него устоит, ибо не в кабаках он учился драться, а в схватках с разбойниками да забузвившими каторжниками. А уж если на руднике отбиваться не научишься, то считай, покойник. Каторга — это не игрушки, это серьезно.

Да и сами гости не столь уж страшны на вид, если разобраться. Не амбалы, хотя и крепки, что есть, то есть, оружия при них никакого, кроме кинжалов, которые в этих краях и рабу (с позволения господина, само собой) таскать не возбраняется.

И что его в них напугало? Что в них не так?

Приглядевшись, Хмор понял, что такое особенное было в гостях, сейчас вкушающих поданную расторопной девицей-разносчицей кашу со шкварками. Лица.

Лица у них бледноваты. Это видно, хотя и прикрыты они капюшонами, надвинутыми на лоб.

Не вычернены солнцем, не продублены степными и горными ветрами, как обычно бывает у гостей города.

Такие лица были у узников, долго сидевших в подземных темницах, или рабов на каторжных рудниках. Нет, это, конечно, не беглые, уж больно морды у них откормленные, да и стать не каторжная — много и сытно ели они в своей жизни.

К чему бы это? Ну, не носкерату же в самом деле к нему пожаловали?

Поежившись и нервно усмехнувшись от этой мысли, Сутар облокотился о стойку, демонстрируя посетителям гостеприимство.

Гости на него даже не покосились, даже из вежества обычного не желая кивнуть хозяину места, кое дало им пищу и кров.

Зато обратили внимание на другого постояльца — обычного горожанина в серой свитке и рваных сандалиях, сидевшего в уголке за кружкой бражки.

И наметанным глазом бывшего надсмотрщика Хмор увидел, как «серый» еле заметно кивнул им. Ага, вот оно что, дела у него с этой троицей. Ну, раз дела, то, значит, все понятно, и зашли они не случайно. А что до рож их белых и вида подозрительного, так это не его, Сутара Хмора, члена гильдии кабатчиков дело.

Дела постояльцев — это свято. Пусть хоть с демонами якшаются, лишь бы серебро платили. Будь они даже сами носкерату-кровососы, которым к серебру прикасаться нельзя. Так оно ж и не надо им трогать благородный металл. Хмор его и тронет.

Лишь бы не безобразничали в его кабаке, разумеется.

Но все же...

Не так выглядели эти парни, ой, не так. Не захаживали им подобные сюда никогда.

Да и время неподходящее для появления чужаков. Уже протрубили сигнал к вечерней страже, все двенадцать городских ворот закрываются, и, стало быть, чужакам вроде как неоткуда прийти, разве что из другого кабака. Но с чего бы им переходить из заведения в заведение?

Как раз в эти часы харчевня «Свиная ножка» пустеет. Тихо становится, спокойно. Зал полупустой. Завсегдатаи, люди серьезные и деловые, рассаживаются за столами и вполголоса беседуют о своих важных делах. Чем и удобна «Свиная ножка» — помещение так обустроено, что в пяти шагах и не расслышишь ничего толком. Иногда завсегдатаи подходят к стойке выпить кружечку пива доброго или вина дорогого из особого кувшина, да перекинуться словечком с хозяином о том о сем.

В общем, приличное и серьезное место.

Серебро и золото обычно носят люди серьезные. И для них желательно место тихое, с соответствующей репутацией. Вот, например, как трактирчик Сутара.

Достойнейшее заведение: полы чистые, столы вытерты. Пиво здесь разносят симпатичные чистые девицы — не шлюхи, каких в других кабаках принято заваливать в кладовке. Если чего хочешь, так договаривайся, и после работы — милости просим. А чтобы лезть к ним под юбку в заведении, так это ни-ни.

Солидные и степенные люди, сюда приходящие, визгу да беспорядка не любят. И за это Сутару платят, не скупясь. За порядок и спокойствие.

Да, странные чужаки тут вроде как ни к чему.

Выпереть их?

А если не пойдут добром? Скандалы да дебоши тоже здесь ни к чему.

Вдруг у них тут дела какие? Как ни крути, неприятно выходит. Дела... Но с кем?

Точно, «серый»!

«Серый». Одежка-то на нем странная: штаны худые да сандалии, но свитка хорошая — такую материю простые воришки или мелкий ночной люд не таскает.

Сутар подманил старшую служанку, Рону. Та подскочила к стойке, выжидательно уставилась на хозяина.

— Ты этих беломордых, которые в капюшонах, раньше не видала?

— Нет, — помотала головой красавица, — первый раз вообще вижу. И не узнать, какого рода-племени...

— А вот того? — быстрым движением глаз указал на «серого».

— Не сказать, чтобы... Но видела я похожего у старых ворот... Там еще Хумуро вертелся.

Взмахом руки отпустил Рону и выразительно посмотрел туда, где сидел, ожидая поставщиков краденного скота, барышник Хумуро.

Поманил его пальцем.

Тот, шаркая кривыми ногами бывшего конника, подошел, принял наполненную крыжовниковым вином кружку, предложенную хозяином.

— Извини, Хумуро, — пробормотал вполголоса Сутар, — не знаешь, что за люди?

Еле видный кивок в сторону чужаков.

— Что за люди, не знаю, — ответил барышник. — А вот парень, что с ними гужется, попадался. Седмицы две уже у нас что-то выискивает... Я его, кстати, вчера видал у ворот. Он чего-то шел к Храму Костей.

— Занятно, — озабоченно почесал подбородок трактирщик. — Храм уж годков двадцать как брошен, а вот вишь как... Не знаешь зачем?

Хумуро передернул литыми плечами:

— Раз шел, значит, надо ему было...

Сутар не стал расспрашивать дальше. Барышник, конечно, свой человек, но особо доставать его не стоит.

Мысленно выругался. Да чего он, в самом деле, дрейфит, как проститутка молодая перед первым клиентом?! Да и было бы из-за чего? Положим, гости не очень приятные. Однако ж люди вроде тихие, и плохого от них пока не видно. Частенько здесь останавливаются всякие человечки, платят исправно, и сверху не забывают добавить.

Он вот иных по многу лет знает, а даже имен не спрашивает.

Опа!

Вот «серый» встал и пошел к стойке.

— Здрав будь, хозяин! — бросил он, подходя. — Не нальешь ли винца?

— Здоров и ты, коль не шутишь. — Что-то поплыло внутри у Сутара, хотя он точно видел, что незнакомец спокоен и расслаблен — так не стоят, когда готовятся бить или нападать.

Демонстративно взял самый дорогой кувшин, налил терпкой пенящейся жидкости. Пододвинул.

— Малый серебреник, — обронил, всем видом показывая, мол, бери, пей и убирайся.

— Сдать будет чем? — парировал в ответ с улыбкой «серый», кинув на стойку старый имперский золотой.

Позади него, за его широкой спиной неслышно встали трое чужаков.

И тут Сутар понял: вот оно и все...

Скользнув, разошлись они вокруг стойки, одним движением распахивая плащи. У одного в руках был двухдужный арбалет, у другого — короткий тугой кавалерийский лук с наложенной стрелой. От входа ринулся было Роун, да и замер...

Лук конный стреляет недалеко, хотя бьет сильно — удар стрелы кавалерийский доспех пробивает, загоняя древко по самое оперение.

— Всем сидеть на месте, и никому плохо не будет, — скомандовал «серый». — Стражу звать не нужно... Мы ненадолго. У нас дельце к достопочтенному хозяину.

Леденя, кабатчик остановил руку, тянущуюся за дубинкой. Нет, не стоит этого делать. Палица, усаженная стальными шипами, тут не поможет.

И вновь подумал, как славно, что здесь нет его домашних.

— Вам же сказано, сидите на месте, и все будет хорошо, — произнес старший, метнув ледяной взор на выскочившую на шум прислугу. — И ты будь спокоен, Сутар Хмор! Мы не хотим тебя убивать! Нам всего лишь нужно, чтобы ты пошел с нами и поведал нам все, что ты знаешь о чужинцах.

Сутар в каком-то черном отчаянии вновь потянулся под стойку и уже нашарил рукоять боевой дубинки, когда расположившийся у стойки «белолицый» резко взмахнул перед его глазами рукой, и из-за обшлага плаща в лицо кабатчику полетело облачко красноватой пыли.

Спазм рванул нос и горло бывшего старшины охраны рудника 13-го управления КГБ СССР, в голове как будто ударил гром, глаза залили слезы жгучей боли.

Затем мир завертелся в бешеной воронке и накатила мрак.

Усмехнувшись, посланник Подземного Хана обвел взглядом кабак, посетители которого напряженно замерли, делая вид, что ничего не произошло.

— Помолитесь хорошенько, — проскрипел он из-под капюшона, и многим почудилось, что на скрытом тенью лице блеснули красным вампирьи очи. — Все. Помолитесь, — повторил он. — Потом, если захотите, кликните стражу. Можете рассказать ей все. Или не говорить ничего, это неважно.

Он повернулся к своим товарищам, которые деловито выволакивали обмякшее дебелие тело Сутара из-за стойки, обхватывая поудобнее, чтобы со стороны казалось, будто друзья ведут упившегося приятеля домой.

Через мгновение они распахнули дверь и скрылись в сгустившейся вечерней тьме.

Горы Летящего Льва. Рейдовая группа сил самообороны города-республики Октябрьск/Тхан-Такх

Черная бесконечная, вязкая темнота медленно, словно нехотя ослабляла свою липкую хватку, становилась все серее, а затем и менее ощутимой, постепенно теряя свою однородность. Появилось светлое пятно, которое увеличивалось в размере, становилось все ярче и ярче. В этом пятне возникли и поплыли какие-то смутные тени. Их размытые очертания плавно обретали четкость.

Скала. Она приближается медленно, с необратимой настойчивостью, пугая непонятной неизбежностью.

Чувство смертельной тоски, нежелание видеть и слышать все это резко ударило по сознанию. Появилась мысль, что так уже было, а то, что будет дальше, ничего хорошего не предвещает.

Откуда такая уверенность? Когда подобное уже было?

Глаза закрылись сами собой.

Или это та самая липкая темнота вновь уцепилась мертвой хваткой?

Тишина. Почему ничего не слышно?

Стоп! Неясный гул, какое-то стрекотание....

Все это накатывает волнами, то затихая, то усиливаясь вновь.

Непонятно...

Качает. Плавно, убаюкивающее...

Горы не могут качаться! Значит, это сон?

Но он думает, анализирует, следовательно, не спит!

Что это? Что происходит?

Открыть глаза, посмотреть! Почему для этого нужно прикладывать столько усилий?

Почему он здесь? Зачем? Отчего так трудно выпрямиться и обернуться? Но это нужно сделать!

Движение отозвалось резкой болью во всем теле. Особенно в левой части головы.

И еще в правой руке...

Увиденное многократно усилило боль, и на него вновь обрушилась темнота...

В этот раз ее хватка не была столь жестокой. Чуть погодя она позволила вспомнить то, что успели разглядеть глаза: у противоположного борта, на сиденьях, скрючившись, сидели, лежали перебинтованные бойцы, а на полу, у самых его ног находилось то, что раньше было человеком...

Горько. Больно. Страшно. Страшно не оттого, что что-то угрожает, а от увиденного и осознания происходящего.

Опять стало темно.

Темнота отпустила так же внезапно, как и захватила, унеся куда-то, где нет ничего. Может, это все-таки сон?

Нет. Во сне не бывает запахов, особенно запаха смерти. А он был тут, рядом, раскромсав, разорвав то, что было чьей-то жизнью и теперь лежало у его ног бесформенными, окровавленными кусками плоти.

Придя в себя, Глеб открыл глаза.

Нет, не сон.

Явь.

Он сидел, привалившись плечом к борту машины, а перед глазами виднелись проплывающие далеко внизу горы.

Что же произошло? В памяти всплывали какие-то хаотичные обрывки, никак не желающие складываться в цельное полотно.

Перед глазами всплыла недавняя картина, увиденная на дороге: громадная воронка, окровавленные бинты на раненых, ярко контрастирующие с изодранной, закопченной одеждой и что-то лежащее под солдатскими плащ-палатками на обочине. Сквозь тонкий брезент проступали бурые пятна. Пара человек у БМП склонилась над кем-то невидимым за их спинами. Оттуда раздавался хриплый, булькающий нечеловеческий стон, и от этого становилось жутко...

Медленно, очень осторожно Глеб повернулся, попытался сесть ровно, но его качнуло, и он опять привалился к борту, на этот раз уже спиной. Нужно рассмотреть все внимательно. Должен же он найти хоть что-то, что поможет вспомнить!

Его окружают раненые, закрывшиеся в собственном мире боли и горя, не глядящие по сторонам и безучастные ко всему происходящему. А там, на камнях, лежат наспех брошенные тела убитых, у самых же его ног на плащ-палатке непонятные окровавленные ошметки искромсанного человеческого тела. Совсем недавно ЭТО было человеком...

Смилостивившись, память подсказывала, что он имеет прямое отношение и к этим солдатам...

Так, почему же он здесь? Может, он ранен?

Перебарывая собственный страх, Бобров ощупал безвольно висящую правую руку.

Рукав разодран. Ноет плечо. Саднит локоть и предплечье. Бинтов нет. Пошевелил пальцами. Ух, как больно! Но пальцы работают!

Закусив губу, чтобы не застонать, как можно аккуратнее пристроил больную руку поверх лежащего на коленях автомата. Ничего. Это не смертельно. Значит, не в руке дело.

Жутко болит вся левая часть головы и почему-то почти ничего не слышит левое ухо. Нет, туда мы пока не полезем.

Ощупал грудь. Все нормально, да и не болит там ничего. Живот, ноги тоже, кажись, в полном порядке.

На шее пальцы наткнулись на что-то липкое.

Осторожно ощупал голову и, ожидая наткнуться на что-то страшное, коснулся левого уха. Больно, но, кажется, все на месте.

Убрал пальцы. Нечто вязкое потянулось за указательным пальцем, но слышно стало немного лучше. Взглянул на пальцы. Кровь. Это его кровь...

Но ведь он жив! Почему же он здесь, а не там, в горах, вместе со всеми? Как же они теперь без него будут?!

Кружилась и дико болела голова, в ушах стояли непонятный гул и звон. Волнами накатывали приступы тошноты.

Закрыв глаза и все пытался вспомнить: что же все-таки произошло. Раз за разом повторял свои попытки восстановить события.

Вчерашний день, ту бешеную гонку по горам он помнил. Но, кажется, это было и позавчера, и за день до этого...

... Чья-то рука легла на лицо, зажав ладонью рот, не позволяя вскрикнуть от неожиданности. Ладонь Глеба нашарила рукоять кинжала, уже наполовину выдвинутого из ножен.

— Тихо, тихо... Не шуми! — слышался едва слышимый голос Анохина. — Проснулся?

Бобров молча кивнул, хотя в крошечной темноте делать это было довольно глупо.

— Да, а что случилось? — чуть запоздало тихо ответил он.

— Шевеление впереди. Аборигены хотят нас прощупать... Чертовы маги прощляпили, едрить их в корыто!

— Сколько?

— Человек триста... Тихонько собирайся и готовься.... Понадобилось всего несколько секунд, чтобы схватить автомат, проверить», на месте ли дополнительный боекомплект и не разрядился ли случайно за ночь аккумулятор радиостанции.

— Готовы? — снова из темноты слышался едва различимый голос начальника разведки.

— Осталось спальник спрятать, — прошептал старлей, пытаясь на ощупь в темноте свернуть свой спальный мешок.

Спустя несколько минут офицеры уже шушукались в кружке:..

— В общем, мужики, ситуация такая: наши засекли врага. Под нами в «зеленке» собрались две банды общей численностью свыше трехсот человек. Три шамана — не меньше. И много амулетов.

— Чего им надо?

— Чего, чего? Резать нам головы... Я принял решение занять круговую оборону с учетом того, что нападение наиболее вероятно с северных направлений, то есть с нашей с вами стороны. Другого выхода у нас просто нет, особенно учитывая, что «духов» в полтора раза больше и половина наших бойцов первый раз в деле.

Анохин на мгновение замолчал, переводя дыхание.

— Короче, друзья мои, вы останетесь здесь, а я выдвигаюсь в сторону рожицы. Если что, то запомните две вещи: вы включаетесь в работу только после того, как противник выйдет в зону надежного поражения или при непосредственном нападении.

Неподвижно постоял минуту. Затем что-то достал из своего РД.

— Ладно, мужики, потопал я, а то что-то разболтался я с вами... Нужно идти делать дело! — прошептал он каким-то обыденным тоном, словно каждый час уходил в ночные засады.

Потом крепко пожал руки товарищам и растворился в ночи.

А следом за ним приперлись ребята из экспериментального отделения и с лязгом принялись устанавливать свои пулеметы, впотьмах тихо матерясь — деревянные магазины никак не хотели становиться на место сверху ствольной коробки.

Глеб наконец-то туго, как хотелось, свернул спальный мешок, засунул в рюкзак и уселся на него как на пуфик. Не спеша принялся раскладывать по карманам пачки с автоматными патронами. Опыт ему подсказывал, что так будет удобнее, особенно если во время боя придется менять позиции и понадобится очень быстро снаряжать опустевший магазин.

— Сколько у тебя патронов? — поинтересовался Стогов.

— Четыре снаряженных магазина и еще сотня патронов россыпью и в пачках. — Бобров прошелся руками по карманам, проверяя все ли на месте.

— Других указаний не поступало...

— А что?

— Да так... Прикидываю, на сколько нас с тобой хватит. А гранаты какие есть?

Глеб немного помедлил с ответом. Да, гранаты сейчас ему точно не помешали бы.

— Никаких, — чуть слышно признался он. — Не успел разжиться еще... В Октябрьске на складе мне вообще выдали только автомат и всего два магазина. Буров вконец забурел — сидит на оружии, как феодал, на каждую железку чуть ли не личный приказ Макеича требует. Я уж пытался добиться своего, а он уперся и ни в какую. Мол, гранаты уже выданы бойцам, которые их бросают лучше всех, а даром тратить ценный боеприпас не дам, хоть с работы меня снимай! Взял, что дали, и поехал. — Старлей хлебнул воды из фляги, почти беззвучно кашлянул. — Спасибо хоть автомат

не отобрали... Хотели же офицерам только пистолеты оставить, мол, не наше дело палить, наше дело командовать.

— Ага...

Глебу не хотелось ничего говорить. Шептать долго — утомительно, да и разговоры вести сейчас совсем некстати. Нужно слушать, думать и просчитывать варианты, пока еще есть время.

«Командир в сложившейся ситуации принял верное решение. Если аборигены полезут, то нас на этом пустыре быстро положат. Народ в основном неопытный. Будут палить очередями в полмагазина, обозначат себя, а возможности для быстрой смены позиций нет. «Старики» продержатся дольше, но для ночного боя нас очень мало. — Глеб поморщился, ощутив знакомый холодок, пробежавший волной вдоль позвоночника. — Если и поспеют вовремя, то зайдут «духам» с тыла. Это и хорошо и плохо. Хорошо для нас — отвлекут атакующих на себя, но и сами окажутся на линии огня. От Анохина помощь придет еще позже. Да, хорошего мало!».

От подобных рассуждений стало грустно. Жестокая штука — война. Рассуждай не рассуждай, а все зависит от какого-то мига. И это будет миг принятия решения и начала действия. Только когда он наступит? И наступит ли? Лучше бы он не наступал никогда и ни для кого, включая их врагов, а если и придет, то уже будет не до грусти или каких-то других эмоций. Выдержка, холодный расчет, мастерство и обыкновенное везение решат все.

Ночи стояли безлунные. Небосвод закрывала довольно плотная дымка, сквозь которую с трудом пробивался блеклый свет далеких звезд.

«Темень-то какая... Как назло! Не видно ни зги, кусты и деревья едва просматриваются. Сейчас даже Стогова не видно, а он рядом лежит... Интересно, а что Георгий просчитал? Сколько отмерил нам? — Старлей тоже решил прикинуть в уме возможные сценарии предстоящего боя. — Если будем стрелять одновременно, то магазины опустеют очень быстро, а если по одному, то дольше продержимся...»

Больше на эту тему думать не хотелось. Что будет, то и будет. И нечего на себя страху нагонять!

Потянулись томительные минуты напряженного ожидания.

Тишина.

Она была везде и всюду. Она давила. Она заставляла вслушиваться в ночь, ловить любой шорох, любой скрип. Но их тоже не было... Хоть бы что-нибудь услышать!

Пум-пум, пум-пум.

Что это?

Это сердце стучит.

А чье это сердце? Твое или товарища сердце отмеряет прожитые мгновения жизни? Уже не понять, не разобрать.

— Если все-таки полезут, будем работать по одному. Сначала я, а потом ты, — слышалось рядом, заставляя вздрогнуть.

Едва различимые в другое время слова сейчас оглушали.

— А если полезут с двух сторон?

— Сам знаешь, что делать...

— Знаю. Твердо знаю, как и то, что помощи нам ждать неоткуда. Даже если командир и пошлет кого на подмогу, то они просто не успеют добраться. Все будет быстро. Очень быстро, если придется сразу обоим работать...

— Семеныч, а не лучше ли нам сразу залечь у противоположных стен или рассредоточиться? — прошептал Бобров.

— Успеем... Мимо пулеметчика они незамеченными не пройдут! А рассредоточиваться нет смысла. Только мешать будем друг другу, если что. У нас очень выгодная позиция. Особенно если работать в паре.

Борис снова замолчал, но через некоторое время чуть слышно коснулся плеча Глеба:

— Протяни руку.

Пальцы нащупали ребристую поверхность лимонки — старушки Ф-1 с уже вкрученным запалом.

— Это что, мне?! — обрадовался старлей. Стогов убрал руку с гранатой.

— Это нам. Будет лежать в моем правом кармане. Давай сразу решим один вопрос, — едва различимо прошептал он после длительной паузы, — Как ты намерен поступить, если «духи» все-таки полезут и нам придется драться? Сам понимаешь, шансов уцелеть в этом случае почти нет. В общем, как поступишь, если они захотят взять живыми?.. Когда поймут, что у нас больше нечем стрелять или мы уже просто не можем этого делать?

Глеб задумался. Странный вопрос. О том, что будет делать в безвыходной ситуации, он для себя уже решил давно, но никому в этом никогда не признавался и, приняв однажды решение, менять его не собирался. Стоит ли вообще об этом говорить?

— У меня в левом нагрудном кармане лежит последний патрон, — еле слышно прошептал он и удивился собственному ответу.

Даже не тому, что только что выдал свою самую сокровенную тайну, не задумываясь о впечатлении, какое он произведет и последствиях признания, это было сейчас неважно, а тому, что Борис этим интересуется. Неужели он ожидал услышать какой-то другой ответ?

Стогов долго молчал, отчего в голове старлея возникла удручающая мысль: неужели все действительно так плохо? А может, зря он так разоткровенничался?

— Хорошо, что у тебя нет сомнений в том, что к «духам» нам живыми попадать никак нельзя. — Голос приятеля на мгновение стал непривычно строгим. — Для них мы оба — ценный подарок. С нас сдерут живьем кожу, как тут полагается поступать с особо могучими и достойными врагами...

Борис снова замолчал, словно никак не мог собраться с мыслями. А может, просто подбирал наиболее простые и доступные слова? Зачем? Оба сделаны из одного теста, и условности сейчас совершенно не нужны.

— Граната у нас с тобой единственная... Пообещай мне одну вещь: если случится так, что ты... останешься один, а шансов спастись не будет уже никаких, то, пожалуйста, выполни мою просьбу... Ляг таким образом, чтобы наши головы оказались рядом, положи между ними эту гранату и выдерни кольцо. — Стогов перевел дух, словно только что выполнил какую-то очень трудную, но ужасно нужную работу. — Очень тебя прошу, это важно! Поверь, ОЧЕНЬ важно... Именно гранатой! — Он вдруг странно затрясся.

Теперь настал черед Боброва задуматься надолго.

— Да... — наконец выдохнул он.

Он не узнал собственного голоса. Неужели это все происходит с ним, а не с кем-то другим? Может, это просто кошмарный сон, навеянный просмотренными раньше, еще в другой жизни кинофильмами о войне? Вот он сейчас проснется, откроет глаза, увидит или почувствует, что он дома, в Октябрьске. («Дома, в Октябрьске», — со странной интонацией повторил кто-то в его душе...)

Но нет. Не нужно тешить себя иллюзиями! Это не кошмар. Все происходит на самом деле и именно с ним, а не с кем-нибудь еще.

Думать, а тем более говорить на эту тему больше не хотелось. Да и что говорить, что думать? Это все детали, как поставить последнюю точку. Лучше подумать о том, как избежать этого, просчитать, как грамотно действовать в возможных в данный момент ситуациях.

— Хорошо. Теперь, когда все щекотливые вопросы решены, давай молча послушаем, что происходит вокруг.

И снова наступила тишина. И чем больше слушаешь ее, тем громче и нестерпимей она становится, заполняет все вокруг и поглощает тебя самого.

Стать тишиной. Раствориться в ней полностью, чтобы не упустить даже звука чужого дыхания и определить по нему, чье оно — друга или врага?

Начало светлеть.

Глеб достал сигарету и нервно закурил. Пальцы его едва заметно подрагивали. Заметив это, он спрятал сигарету в кулак.

«Да, некстати получилось, — думал он, уставившись на носки своих ботинок. — Обгадились маги. Проворонили врага».

Докурив, старлей затолкал самокрутку в норку каменного скорпиона. И тут...

В предутренних сумерках из ниоткуда вздулся лилово-багровый шар. Постоял сияющим куполом доли секунды и лопнул со страшным грохотом.

Воздух вдруг стан плотным. Толкнул его в грудь, и сразу же садануло в спину, да с такой силой, что Глеб еле устоял на ногах.

«ОДАБом сработали», — подумал он. И тут же спохватился. Какой, к черту, ОДАБ тут, где последние самолеты перестали летать восемь лет как?

— Сто одиннадцатый на связи! — раздалось в эфире. — Что у вас там?

— Сто одиннадцатому: я — Волк-3. Наблюдаю действие неизвестной магии.

И тут же вновь что-то грохнуло, уже недалеко.

Оглушительный взрыв заставил вздрогнуть и прижаться к земле. На дороге, прямо под ними взметнулся фонтан дыма и пыли, полетели вверх гораздо выше их блока крупные камни, какие-то ошметки. Даже земля вздрогнула, хотя до дороги было довольно далеко. Запахло озоном, по земле пробежали лиловые язычки электрических разрядов — магия давала о себе знать.

— Вот это рвануло! — прошептал Стогов.

Дым и пыль постепенно рассеялись. Стали видны вывороченные камни, посреди дороги зияла огромная воронка. Поодаль лежал перевернутый БТР без четырех передних колес. Его башню отбросило на камни, под которыми в очередной раз скрылась река. Людей нигде не видно.

— Боброва к командиру! — разнеслось по цепочке.

Глеб и так понял, что без него никак не обойдутся. Только будет ли кого спасать? После такого взрыва там мало кто уцелеет.

— Держись, — бросил Борису, — я скоро... Нацепив на плечо радиостанцию и подхватив автомат, поспешил на командный пункт полка. На полпути приостановился и бросил взгляд на дорогу.

Сердце сжало, защемило тоской.

От воронки, перевернутого БТР, от всего этого скопления людей, машин, вывороченных, разбросанных взрывом камней веяло пронзительной, почти ощущаемой болью. Потoki страха, смертельного ужаса, ощущения безвозвратной потери и ярости перемешались, переплелись и стали одной общей бедой, повисшей над ущельем.

Невозмутимые и равнодушные ко всему горы и те, казалось, замерли в скорбной, осуждающей тишине. Люди, словно молили они, как же вы не поймете, что в жизни нет ничего ценнее самой жизни! Ваш век и так недолог, а вы тысячами только и делаете, что убиваете друг друга!

А потом...

— Ложись! — И нарастающий визг заставил упасть и вжаться в землю....

Оглушительно, до боли в ушах и во всем теле прозвучал взрыв. Раздалась длинная пулеметная очередь, крики.

— Началось, — спокойно прокомментировал снова вдруг очутившийся рядом Стогов. — Пospешил пацан. Зря.

Из утреннего тумана полетели бесшумные огненные росчерки... Пять, шесть, семь...

Восемь огневинок высшего класса оказалось против них.

А из зарослей, топоча и переваливаясь, выбегали люди с луками и арбалетами. Много-много...

Бежали они не толпой, не ровным (мечта пулеметчика!) сомкнутым строем. Нет, пригибаясь, падая, как-то по-особому перепрыгивая из стороны в сторону.

— Не стрелять, подпустить поближе! — заорал кто-то из офицеров.

Затем замолотили самодельные пулеметы — первый отказал через полминуты. Второй заклинило чуть позже, и затвор плюнул огнем взорвавшихся бумажных патронов. Стрелок взвыл,

отбрасывая от себя тяжелое тело 0–7, как змею, и нырнул в камни. Начало рваться содержимое магазина.

Вперед выскочил шаман, кажется, Регидоб из пригородных кочевников, резко взмахнул руками и упал, растянувшись на камнях.

Лишь увидев расплывающееся кровавое пятно на спине чародея, Глеб понял, что тот мертв.

Затем позади, с недолетом, ударили в камни фаерболы.

А потом стоящий впереди пулеметчик четвертого взвода, Исса Гамидов, полетел на землю, словно сбитый невидимым ударом.

Над ухом что-то противно и знакомо цвиркнуло.

И лишь тогда Глеб уяснил с каким-то отстраненным удивлением: по ним стреляют из *настоящего* оружия...

Вот замер на бегу кто-то из бойцов, лица в тумане старлей не разобрал, закрыв лицо руками, из-под которых текла кровь.

Вот он мягко осел на камни...

Глеб снова услышал крик: «Ложись!» — упал на землю, вжался в каменистую землю, и его оглушили дикий визг и грохот. Откуда-то сверху посыпались камни, больно ударяя по спине и рукам. Почувствовал запах гари, и тут же что-то рвануло еще раз совсем рядом, заполнив все дымом и вонью. Сама гора, казалось, пошатнулась.

Когда дым рассеялся и он поднялся, то первое, что увидел, было то, как аккуратная кладочка позиций превратилась в бесформенную груду камней.

Из кустарника, что рос у самой реки, довольно далеко от отброшенной взрывом башни подорвавшегося бронетранспортера показался человек. Он был без головного убора, шел, качаясь и волоча по камням автомат. По изодранной в клочья грязной одежде трудно было определить, кто это: наш или чужак?

— Алексеич! — заорал Михеев, кубарем скатился с БТР и вдруг остановился, обхватив голову руками, и стал медленно оседать на землю.

Глеб еле удержал его, не позволил упасть, крепко обняв за плечи.

— Это же наш прапор! — вырывался, придя в себя, сержант. — Пустите!

— Успокойся! — прикрикнул на парня старлей, не ослабляя хватку. — Куда ты собрался бежать? Забыл, что там могут быть мины? Сейчас саперы выведут твоего Алексеича. Видишь, он остановился, и к нему навстречу уже идут.

Михеев затих, обмяк как-то вдруг. Пришлось прислонить его к броне и держать, чтобы тот не упал.

— Алексеич нашелся! Живой! — чуть слышно всхлипывал молодой боец, сжимая руками голову, не сводя глаз от вернувшегося неизвестно откуда прапора, в недавнем прошлом соседа по броне, и совершенно не замечая, как по закопченным щекам текут слезы, образуя светлые дорожки.

Его, подхватив под руки, вывели на дорогу и уложили на носилки. Он лежал, смущенно улыбаясь, молча пожимая руки знакомых и незнакомых ему людей, а медики тем временем осматривали, ощупывали его, удивляясь, что не находят ни ранений, ни переломов. Только многочисленные ушибы, ссадины, да явные последствия тяжелой контузии. Счастливчик!

Рядом вертелся радостный Акбар, тычась в свисающую ладонь прапора. Алексеич слабо улыбнулся и, глядя собачью шерсть, тихо шептал:

— Ладно, ладно, Акбарушка...

— Что там? — прокричал Борис, торопливо поднимаясь к ним, придерживая висящую на плече и отчаянно болтающуюся офицерскую сумку.

— Два «двухсотых» и еще один очень тяжелый! Бобров хотел отправиться к соседям на помощь, но увидел, что его радиостанция лежит не на своем обычном месте, а чуть в стороне, приваленная довольно увесистым камнем. Метнулся к ней. Включил. Работает, родимая!

В этот момент враг перешел в новую атаку.

Засвистели арбалетные болты и пули, засверкала огненная магия, потом со стороны лагеря начали бить минометы, а по спине Глеба пробежала ледяная противная волна — от своего ли, от чужого ль шаманства?

А дальше?

Смутно как-то, неясно.

Ведь было же что-то?!

Но как ни старался, вспомнить не мог.

Бесполезно.

Память оставалась глуха!

От Одной только мысли, что его память могла потерять не только события одного сегодняшнего дня, но и, возможно, нескольких, накатил страх. Однако с ним старлей быстро управился. Взглянул на соседа напротив, что никак не мог поднять свалившуюся панаму, попытался встать, чтобы помочь, но очередной приступ головокружения и дикой боли заставил вновь откинуться спиной к борту и закрыть глаза. Горько, обидно.

Стало жалко бойцов и... стыдно из-за собственной беспомощности. Из уголка глаза по щеке потекла горькая слеза...

Позже из сбивчивых рассказов товарищей и из вернувшихся воспоминаний Глеб сумел восстановить картину происшедшего.

Спас их, конечно, лейтенант Рогов — командированный из дикого «шмаковского» взвода с десятком коллег.

Эти парни вспомнили афганский давний опыт и грамотно ответили атакующим. Пулеметы скупыми аккуратными очередями гасили неведомого врага с огнестрелами, снайперы выцеливали магов — те по своей обычной гордыне не особо прятались, а стрелки сумели все-таки положить наступающие цепочки врагов. Противник замешкался, и это дало драгоценные минуты обороняющимся.

Шаманы-степняки встали в круг и сумели отразить чары горцев.

Автоматчики, хотя и высадив почти все боеприпасы, заставили врага, не привыкшего к такому бою, отойти.

Наконец, каким-то чудом Анохин сумел загнать на склон две БРДМ, и те окончательно обратили нападавших в бегство.

Но это было потом...

А сейчас Глеб сидел, осознавая всю тяжесть происшедшего. Они разгромлены. Они отступают. И лились, не переставая, слезы. Яркой вспышкой резанула и без того ноющая боль. Фельдшер осторожно тронул старлея за плечо: — Эй, ты живой?

Глаза Глеба медленно открылись, уставились непонимающе.

— Живой он, — прохрипели в ответ откуда-то голосом Стогова.

Несколько уколов самопального обезболивающего сделали свое дело — боль затихла, но тело не слушалось, и голова была словно чугунная, мысли путались. И падая в мучительное забытие, Глеб все вспоминал трясущегося Стогова и его дикую просьбу — взорвать его мертвое тело гранатой...

Машины шли сквозь ночь, уходя с места жуткого боя, увозя на броне мертвых и живых, увозя тяжесть очередной проигранной схватки.

А еще в командирской машине везли тщательно завернутый в брезент предмет, который вполне возможно станет вестником грозных и неумолимых перемен в судьбе не только маленькой колонии землян, но и всего этого мира...

Мира, который уже подходил к черте, что разделит судьбу на «до» и «после».

Горы Летящего Льва. Мартийское плоскогорье. Охотничье стойбище

Уже занимался рассвет, когда Кири, откинув покрывало, поцеловала живот чужака, там, где расходился звездой с извилистыми лучами шрам от удара лапой мерзкого каа-рсатха.

Этот удар едва не отнял у нее Тол'ю, но он же удивительным образом подарил ей этого человека.

После того как Кири неделю кряду кормила его свежей печенкой, поила травяными отварами и замазывала рану пережеванными побегами черемши и кровохлебки, парень довольно быстро поправился. Спустя две недели чужой воин уже сам смог ходить, и она стала оставлять его на хозяйстве на своей охотничьей стоянке.

В конце третьей он уже споро помогал девушке со шкурками каменных хорей и серебристо-черных маргутов. А когда его руки обрели былую силу, подсобил ей разделать подстреленного кабана.

На исходе четвертой недели он вполне освоил наречие Кири, сильно отличающееся от нижнего языка, который Тол'яа называл почему-то общим или всеобщим.

А на пятую неделю она окончательно поняла, что ей от чужака надо.

И однажды ночью девушка познала любовь человека из иного мира.

Губы Тол'ии ласкали ее тело без устали. И это было самой щедрой наградой за спасение, которую только получала юная охотница. Тол'яа был не только неплохим воином, но и нежным любовником. Кири не была девушкой и даже была помолвлена, три месяца прожив в доме охотника Роту, задавленного берглом.

Но только с этим человеком она узнала, сколь много нового можно почерпнуть из соитий.

И позавидовала женщинам, к народу которых принадлежал ее мужчина.

Не раз Кири, поглаживая кудри дремлющего на подстилке воина, с грустью размышляла о том, сколь пустой станет ее жизнь после того, как он покинет девушку, чтобы вернуться в дружину своего князя.

Занимался рассвет.

Ее раскосые глаза прищурились, охотница прислушалась к шуму леса за стенами шалаша. Она сбросила с себя лосиную шкуру, служившую им одеялом, и резво соскочила с лежака.

Открыл глаза и Смагин. Повернул голову, посмотрел на девушку с немым вопросом. Та спокойно потянулась, совершенно не обращая на него внимания, будто находилась в их жилище одна. Она всегда так себя вела: если что-то делала, то делала так, как хотела.

Анатолий невольно залюбовался ею: худощавая, стройная, и вместе с тем широкая в кости смуглая девушка не переставала его восхищать.

— А вот и ты, — пробормотала Кири.

— Ты давно проснулась?

— Раньше тебя, — сказала она. — Просто лежала и любовалась. Ты красивый.

Он смутился.

Месяц с небольшим они вместе, хотя кажется, что прошел уже чуть ли не год.

Спали вместе, ели вместе, вместе добывали пищу, хлопотали по дому. По утрам Кири, проснувшись первой, деловито одевалась и уходила. И пропадала на день, а то и на два, чтобы вернуться с добычей.

Они прекрасно ладили и ночью и днем, хотя Смагин знал на ее языке от силы три-четыре десятка слов, а Кири на его языке, похоже, вообще не говорила.

Как была нагая, Кири вышла на улицу. Рядом с дверным косяком, прислонившись к стене, ожидал хозяйку неоднократно испытанный в деле короткий, отменно сбалансированный дротик с наконечником из серой сточенной бронзы — острой и на редкость прочной.

Анатолий глубоко вздохнул. Задержал дыхание, весь обратился в слух. Услышал, как скрипнула галька под босой ногой. И более ничего. Ничего особенного.

За легкой стеной обычный легкий утренний бриз лесного океана, именуемого тайгой. Те же звуки, что и всегда на восходе солнца, в час, когда ночные твари уже залегли в норы, а дневные только-только проснулись, когда свежа роса и воздух хрустально чист, над болотом тает белый саван тумана, а смола на седых стволах похожа на янтарь.

Медленно выдохнув распирающий грудь воздух, солдат протер глаза кулаками, потянулся всем телом и нехотя слез с топчана, с мягкой медвежьей шкуры, заменявшей матрац.

Кири была стройна, но невысока. Ее руки были руками охотницы — сильными и мускулистыми. Ее волосы были собраны в пучок, перевитый кожаными лентами, а иногда лежали на плечах двумя медными волнами.

Лицо девушки светилось жизнью, и какая-то глубинная, истинная чистота отражалась в бездонных серых глазах. Грудь Кири походила на два не вполне созревших яблока. Но это не делало охотницу непривлекательной, а, напротив, сообщало ей некую особую прелесть.

Ласки девушки были терпки и манящи, словно хорошее вино. Кожа была нежнейшим шелком, а ее шепот — откровенной и манящей песнью Любви.

Кири отличалась большим тактом и обычно была молчалива. Пристальный взгляд ее глаз, наверное, мог выдержать не каждый, но когда она глядела на Анатолия, обыкновенная ее замкнутость сменялась сочувствием. Вечерами, когда они с девушкой сидели у костра, то большей частью молчали. Кири не терзала его расспросами и не приставала с глупыми рассказами.

Но вот теперь ей надо возвращаться домой — со шкурками, с запасом высушенных мускусных желез горных росамах, с драгоценным мумие, случайно найденным в пещере.

Разумеется, Смагин взялся сопроводить ее в родную деревню, ибо, как он объяснил, его дружина ушла уже очень далеко.

Хотя, честно говоря, Анатолию не хотелось гостить в деревне Кири, что он обещал, поддавшись ее настойчивым просьбам, которыми она донимала его на всем протяжении их утомительного спуска. На то было множество причин.

И, прежде всего, как он подозревал, его наверняка захотят оставить в деревне навсегда. В здешних горах никогда не бывает слишком много мужчин, и чужак будет нелишним. У чужака дела и у него есть дом? Это его проблемы — тем более что хотя мужчин у горцев нехватка, зато есть много строгих табу и обычаев — и что касается отношений мужчины и женщины в том числе. Вот, к примеру, если чужака спасла девушка, а он вместо благодарности попользовался ею, да еще жениться не хочет... Что с ним нужно сделать за такое? Правильно, отправить туда, откуда его вытащила девица... Но, давши слово, держись. Там видно будет.

Позавтракав, они пустились в дорогу.

На исходе второго дня из-за отрогов Старого хребта показалась деревня.

— Тол'яа, — сказала встревоженная Кири, указывая в сторону селения, — там что-то неладно.

Анатолий посмотрел вниз, напрягая зрение.

И в самом деле. Ни над одним из домов не вился дымок, не слышно было и лая собак. Ни одной живой души не было видно в окрестностях.

Они стали спускаться вниз, гоня мысли о самом худшем.

Однако худшее было явлено им безжалостной судьбой. Там, где стояла деревня горцев, теперь была лишь смерть.

Пустые дома, выломанные двери, кострища с обглоданными костями...

В первый миг Анатолий даже испугался и лишь потом узнал кости овец и свиней.

Уже тронутых разложением и стервятниками трупов было немного. И значило это, что остальные познали горчайшую долю «живых мертвых» — рабов.

Кири не знала, кто и зачем превратил деревню в кладбище. Но сути дела это не меняло.

И лишь обойдя всю деревню, она села на каменный порог своего дома и горько заплакала.

— Богиня, за что?! — всхлипывала девушка, прижимаясь к Анатолию. — Чем мы провинились?

Пустые окна глядели на безучастные белые вершины пустыми мертвыми глазницами высохших черепов...

...Похоронив убитых, они решили вернуться назад, в горы.

Глаза Кири были красны от слез, а Смагин молчал, понимая, что сейчас бессмысленно лезть с глупыми утешениями. Тому, кто потерял навсегда отчий дом, утешения не помогут. Некогда Анатолий сам узнал это на собственной шкуре...

Кири плакала ровно сутки. Наутро следующего дня, бледная и с красными глазами, она стала прежней — такой же собранной и ловкой охотницей-горянкой.

— Тол'йа, — сказала она тихо и очень серьезно, хотя и запинаясь, путаясь в словах полужнакомого языка. — Я спасать тебя. Но ты потом спасать меня, если бы я быть там. — Палец ее ткнул в сторону бывшего села. — Я была бы мертвой или было бы мне хуже, чем смерть. Теперь прошу, спаси еще раз. Взять меня к себе в дом, своего дома у меня нет... Вот. — Она протянула ему нож. — Взять или убей, не хочу быть взятой из милости в чужое племя...

Молча Смагин обнял свою спасительницу. Теперь им предстоял далекий кружной путь. В Октябрьск...

.. В двадцати лигах от погибшего селения, в тесном распадке, бледнолицый человек в черном плаще зло ударил в каменистую землю посохом, инкрустированным человеческой костью. Потом еще раз оглядел строй связанных, безучастно уставившихся в землю людей, стиснутых воинами в разномастных доспехах с мечами на изготовку.

— Ты уверен, что никого не упустил? — обратился он к старшему, грузному одноглазому горцу.

— Уверен, досточтимый, там остались лишь негодные старики. Я даже убитых мужиков приволок, как вы сказали...

Сквозь привычную браваду проскальзывал, однако, тщательно подавляемый страх, поскольку вожак хорошо помнил, что стало с бойцом его ватаги, который, перекурив травы-дурманки, попытался замахнуться мечом на посланника Подземного Хана.

И сейчас нюхом старого волка он чуял, что отделяющее его от смерти расстояние, по поговорке, короче длины клинка.

Но чародей лишь отвернулся от атамана людокрадов и пробормотал под нос пару проклятий по адресу светлых богов.

Все было сквернее некуда — его чары, очевидно, солгали, когда он увидел в черной чаше, что человека из чужого мира приволочет к себе в дом девка из этого горного селения.

Теперь уже не было времени доискиваться, в чем дело и где именно он ошибся.

Воистину неудачи преследуют их одна за другой. Сперва у Эрдигора ничего не вышло — древний магический амулет сработал раньше времени, разрушив лишь никчемный пустой кишлак, а теперь — не удалось захватить чужинца.

Это, естественно, не воспрепятствует воле Подземного. Но это замедлит исполнение воли Его. Впрочем, не все так плохо.

— Почтенный господин... — Мысли его нарушило робкое бление разбойника. — А что делать с людьми? — ткнул тот в пленных.

Несколько секунд жрец размышлял.

— Оставь себе вместо платы... — обронил рассеянно бледнолицый.

И тут же забыл о каких-то никчемных людишках.

Северо-восточная окраина бывшего Сарнагарасахала

Тишину ночной Степи разорвали страшные крики:

— Аттан! Тревога! На коней!

Эти крики и дробный стук бешено молотивших в землю копыт взбудоражили кочевые стоянки, рассыпавшиеся у подножия невысоких холмов, окаймлявших долину.

Артаг грузно поднялся с постели, отпихнув пискнувшую третью жену. Не успевая надеть панцирь, набранный из железных пластин, и шлем с кольчужной пелеринкой от стрел, он вылетел из юрты. Вскочил на широкогрудого пегого коня, который беспокойно стриг ушами и перебирал ногами прямо у дверей.

Старый Артаг так торопился, что, схватив вместо оружия лишь попавшийся под руку шест, выехал на возвышенность. Здесь уже собрались вооруженные нукеры.

Рассвет только пробился сквозь ночную мглу. В сумраке суетливо кричали женщины, испуганно плакали дети, блеяли овцы, ревели верблюды.

Старому воину стало ясно, что его кочевья окружены со всех сторон.

«Подкрались... Хотят уничтожить весь род», — подумал он с яростью.

Старейшины соседних родов давно известили его о том, что они снимаются со своих мест. Те, кто решил, что ходить под рукой Ундораргира им, вольным людям, не пристало. Но Артаг не поверил, что враг навис над его родом, и на совете аксакалов настоял на том, чтобы задержаться здесь.

Ему напоминали старую мудрость дедов-прадедов: не говори, что врага нет, — лучше думай, что он под холмом. Но Артаг не внял этому, и сейчас ему предстоит за это заплатить.

«Я, выживший из ума старый пес, виноват в гибели своих родичей! — Острая боль пронзила его душу. — Нет мне прощения!»

Он повернул коня и увидел, что за ним стояли безусые юнцы. Они ждали его решения. А враги уже громили Крайние кибитки. Оттуда слышались крики и звон сабельных ударов.

«Все давно поняли, что обречены, каждый защищает свой очаг... Молодых послали ко мне, — понял старый батыр. — Я обязан спасти их».

Он чуть не задохнулся от злости на себя.

Здравый смысл одолел его гнев. Молодежь смотрела на него.

Ни один мускул не дрогнул на изборожденном морщинами лице бывалого воина и не выдал бурю чувств, кипевшую в его душе.

— Дети мои! — зычным голосом произнес он. — Враги хотят стереть с лица земли наш род, оставшихся сделать своими рабами. Их много, земель не забросает. Я поведу вас на прорыв. Вы должны выжить и продолжить наш род. Не останавливаться! За мной, воины! Небо помогает храбрым!

И направил своего коня на врагов.

Навстречу ему из цепи вырвался всадник с пикой наперевес. Артаг резко бросил коня в сторону, и враг промахнулся. Опытный воин ударил шестом его под ребра, прямо в печень. Изловчившись, он сумел сбить с седла и второго. Затем стал наносить удары направо и налево. От огромного и могучего воина враги испуганно отскакивали в стороны — те, кто успевал.

Артаг не знал, сколько времени это продолжалось. Он очнулся, когда увидел, что за ним из своих уже никого нет. Под ним — черногривый его конь, а сам Артаг в руке держал шест от шатра. Возле его уха прожужжала стрела.

Стеляют сзади, понял он.

Вожак увидел, что его нукеры смогли прорваться сквозь кольцо врагов, но испугался, что теперь их достанут стрелы. Артаг поднял свой шест и кинулся назад, прямо на вражеских лучников. Те ужаснулись от такого безумного напора человека, вооруженного лишь шестом от юрты. И их стрелы потеряли меткость.

Бой закончился. Лошади перешли на рысь.

Задумавшись, Артаг ехал много впереди. Вдруг он круто осадил коня, оглянулся и впервые осмысленно посмотрел на своих людей.

Они молча и растерянно взирали на него.

Пятеро юных огланов. Четверо воинов и ученик шамана Риддо, молодой Тшак, сын его друга Нолуда и младшей дочери старейшины соседнего рода Алверги. В его плече и бедре сидели стрелы, но он удерживался в седле и, судя по крепко сжимаемому бубну, наверное, еще и успевал помогать другим биться.

«Всех погубил!» — горестно подумал Артаг.

Он недвижно сидел в седле, потупившись, мигая мокрыми ресницами, и слезы катились по его бороде.

«Отец, оказывается, сильно постарел, — подумал его сын Эрдэг, впервые обративший внимание на это. — Взял шест вместо копья...»

Но старик быстро справился с собой. Как бы то ни было, он оставался вождем, и у него был долг перед родом, пусть и стал тот меньше щепотки праха.

— Что сказать? — бросил он. — Есть единственное место, где мы можем выжить и где еще могут разموжить собачью голову этой свиньи Ундораргира. Это владения союза танши Ильгиз и их друзей из города демонов.

— Демонов? — испуганно переспросил самый младший, четырнадцатилетний Нрос.

— А хоть бы и демонов?! — молвил старик. — Не хуже они будут проклятого сына гиены, погубившего твоих родных?

Старый воин тихо поехал вперед. Парни следовали за ним.

Вокруг простиралась холмистая ковыльная степь. На чистом синем небе плыли пушистые облака. Высоко в небо поднялся жаворонок и запел свою радостную песню.

Артаг тяжело вздохнул и вытер слезы. Жизнь продолжалась.

Позади всех ехал молодой Тшак, стараясь хоть немного залечить раны.

Он должен быстрее выздороветь. Он должен жить. Он должен отомстить. У него большой счет к Ундораргиру и тем, кто угольно-черными тенями стоит за его спиной.

И он даже знает как. Ибо уроки старой шаманки Ардинды и древнее тайное знание им не забыты.

Октябрьск/Тхан-Такх. Замок

Макеев еще раз посмотрел на стоявший на застеленном войлоком столе малого зала предмет, из-за которого сегодня здесь собрались те, кто решает судьбу Тхан-Такх. Потом на кислые лица собравшихся. Мысленно выругался. Наверное, он сейчас выглядел не лучше.

И было отчего.

Нечего сказать, хороший подарочек привезли из рейда орлы Анохина. То, что им не удалось взять город, — это, что называется, горе. Жалко погибших ребят... Их не вернуть, но все остальное можно исправить, придя на следующий год.

Но вот ЭТО — настоящая беда. Можно сказать, трагедия.

Больше всего это было похоже на старое противотанковое ружье, разве что с укороченным стволом и нестандартным прицелом, вместо сошек водруженное на треногу.

Рядом лежала горка маленьких деревянных фляжек и несколько литых свинцовых цилиндриков с закругленными носами.

Всего лишь грубая железяка, если смотреть со стороны. А по сути — приговор.

Не им, они-то, может, и выкрутятся, но вот мир, похоже, полетит к черту...

— Давай, что ли, капитан...

Бровченко встал, одернул новый парчовый кафтан цвета хаки — подарок торговцев, скупающих клинки (вот ведь подсмотрели фасон офицерского кителя, запомнили и творчески переделали, подхалимы).

— Ну, что сказать... Научно выражаясь, мы имеем перед собой образец нарезного огнестрельного оружия неизвестной конструкции, скорее всего местного производства. Вес примерно шестнадцать с половиной килограммов...

«Пуд с гаком», — зачем-то поправил про себя Макеев.

— Калибр — девятнадцать с половиной миллиметров, фитильный замок типа «серпента», применявшийся на Земле примерно до второй половины семнадцатого века. Точнее не упомяну. Снаряжается черным порохом. Пуля весом пятьдесят шесть граммов. При попадании в человека, как сказал привлеченный к экспертизе товарищ Тупиков, — кивок в сторону засмущавшегося начмеда, — чаще всего наносит повреждения малосовместимые с жизнью. При попадании в грудь или живот, я уж про башку и не говорю, считай, все. Руку или ногу просто оторвет...

— И в любом случае гарантирована обширная кровопотеря, — вставил свои пять копеек Геннадий.

— Принцип зарядания, — продолжил зыркнувший на медика Бровченко, — аналогичен старому французскому — камора для заряда меньшего диаметра, чем калибр ружья. Пулю сперва засовывают в канал ствола, а потом досылают до сужения и ударами шомпола расплющивают так, что она входит в нарезы. Судя по всему, обслуживается двумя человеками — наподобие ручного

пулемета — по крайней мере, рядом с этой штукой нашли два трупа местных с боеприпасами и снаряжением... Ну вот вкратце и все...

— И все? — изумился Серегин. — Товарищ капитан, вы хоть понимаете, что это значит?

— А то и значит! — вспыхнул, вступая в беседу Довбняк. — Кто-то из наших крепенько подмогнул братьям по разуму!

— Странно, что только сейчас, уж сколько лет прошло, — пробормотал кто-то слева от Макеева.

Кажется, Тупиков или Суров.

— Да нет, — оживился сникший Бровченко. — То, что наши к этому руку приложили, само собой. Но вот работа сугубо местная...

— Да уж ясно, что не марсианская, — недоумевающе изрек Александр.

— Нет, я не в этом смысле... то есть... — Зампотех запнулся, подбирая слова. — То есть придумано это, конечно, не местными товарищами, но вот исполнение... исполнение уж больно необычное.

— Например? — напрягся Макеев, инстинктивно чуя, что именно здесь лежит главный подвох.

— Во-первых, ствол отлит из черной бронзы — целиком, причем вместе с нарезками. Я вот поговорил с Эгорио Арбаковичем, даже он не очень понимает, как это удалось провернуть. То есть, как сказал мастер, способ он бы наверняка нашел, но сколько времени потратил бы на это дело — непонятно. При этом наш главкузнец отметил, что сейчас мастеров, умеющих сделать черную бронзу, почти и не отыскать. Дескать, еще его отец встречал таких в годы ученичества, но те были глубокими стариками... А отцу его, между прочим, под семьдесят!

Собравшиеся загомонили, лица помрачнели еще больше.

— А на сколько этот дриstopал бьет? Проверили хоть? Бровченко вновь оживился, зашелестел самодельным блокнотом:

— Итак, в ходе исследований было сделано пять выстрелов имеющимися боеприпасами. На нашем втором стрельбище, — зачем-то уточнил он. — С использованием готовых зарядов пуля летит на километр с небольшим, а на восьмистах метрах пробивает дубовую доску толщиной в руку и стоящий за ней степной щит...

— Ни хрена ж себе! — не сдержался кто-то, в сердцах хлопнув себя по колену.

— Скорострельность? — коротко бросил градоначальник, вдруг ощутив незнакомую тупую боль под лопаткой.

Зампотех пожал плечами:

— Наши ребята потратили на все про все семь минут. Но вообще-то всякие мушкетеры с фузилерами ухитрялись делать из похожих по три выстрела за две минуты. Или два выстрела за три — уже не помню точно.

Заглянул в блокнот и что-то чиркнул там карандашиком.

— Само собой, наши бронежилеты от такого оружия защищают на все сто — проверено на испытаниях... — Он сделал паузу. — Ну, да и в бою проверено. Но вот даже лучший местный доспех выстрела с тридцати метров не выдержит. А легкая пехота, щитоносцы или конница начисто выкашиваются на дистанции до семисот — восьмисот метров.

Сообщение было встречено в молчании — и не потому, что все вдруг посочувствовали потенциальным жертвам среди легкой конницы и бездоспешной пехоты, а скорее оттого, что даже у землян не у всех есть обычные «бронетюфяки», которые к тому же закрывают далеко не всего человека. А тяжелых саперных бронежилетов — скафандров весом в двадцать пять без малого кило у них всего ровным счетом пять комплектов.

— Бронетехнике они не страшны, — продолжил Бровченко лекцию. — Но вот если угодит обычной машине в бензобак или в двигатель там, в радиатор... Ну, или в кабину, в дверцу там, или в борт, я про стекло не говорю, могут быть неприятности. Шину уж точно прошибет — тем более известно, какие у нас покрышки — только что сами не рассыпаются. Это не считая того, что, по сообщениям участников того боя, они видели трассеры — хотя среди наличных

боеприпасов их не обнаружено. Конечно, в бою всякое может померещиться, но если наши не ошибаются, то можно считать, что у нашего противника есть готовые зажигательные пули.

Если прежние сообщения вызывали изумленно-настороженный гул, то на этот раз «приятная» новость была встречена гробовым молчанием.

— Одна такая в арткуладку или в ГСМ и... котенку! — резюмировал Серегин. — Ладно, что у нас есть еще плохого?

— Еще два обстоятельства. Вот, посмотрите на станок этого... изделия. Эти деятели приспособили такой вот вертлюг, наподобие пулеметной турели, так что точность стрельбы весьма и весьма высока. А вот эта третья нога сошек отлично гасит отдачу. В общем, откровенно сказать, я бы не отказался от таких вот красавиц в нашем арсенале... Да, еще кое-что. Не угодно ли, товарищи, взглянуть на прицел. Я только вчера сообразил...

Офицеры сгрудились над разлаписто устроившимся на столе оружием.

Прицел и впрямь был необычный. Тонкая и длинная, сантиметров тридцать, дубовая дощечка с прорезью. На ней не было цифр или делений. С одной стороны были выжженные в дереве человеческие фигурки — внизу побольше, а кверху уменьшающиеся. С другой — такие же изображения лошадей. Вот и все.

Некоторое время военные изучали странное приспособление.

— Е-мое, — хлопнул себя по лбу Суров. — Да это же почти что готовый коллиматорный прицел!

— Точно! — поддержал Серегин. — Вот оно. Каждая фигурка — человек среднего роста на определенном расстоянии. Совмещаешь врага с подходящей — и стреляй.

— Вот дела! — вздохнул Макеев. — Кто ж это там такой умный? Помните, как мы местных дрессировали — значки особые рисовали, зубрить заставляли, а потом еще таблицу у командиров — на каком расстоянии на какую зверюшку наводить!

— А черный порох? — вступил Тупиков, горько усмехаясь. — Мы ведь специально не пускали его в ход, даже опытов не проводили, чтобы секрет никуда не уплыл! Сколько мы мучились с пироксилином, с каким адским трудом добывали кислоту и покупали хлопок втридорога у караванщиков! И вот теперь все оказалось напрасно...

— Вот интересно, — нахмурился Довбняк, — как быстро они сообразят что-нибудь бронебойное?

А Макеев думал уже о другом. О том, что главного они так и не узнали. А именно: кто такие хозяева этого ружья и где их гнездо...

Дьявол! А единственный толковый разведчик неизвестно когда вернется!

Встав, Макеев покинул малый зал.

Ружье на столе смотрело ему в спину черным зрачком ствола, словно пресловутый Глаз Ночи из местных преданий.

Южные Танства. Город Крехсор, столица одноименного княжества. Дворец правителей

Светлейший князь Веерен Тогу, затворившись в своих покоях, перебирал пожелтевшие уже ломкие листы тростниковой бумаги.

Окружающие давно привыкли к подобным бдениям, полагая, что в такие часы Веерен молится каким-то своим богам или гадает, а может, совершенствует магическое мастерство.

А на самом деле...

В свое время он отправил чужеродца к соплеменникам, покидавшим спешно этот мир, — то ли сделав свои дела, то ли убегая от какой-то неведомой опасности.

Жалкая горстка оставшихся Тогу не очень беспокоила.

Ибо знал он о них, пожалуй, больше всех в этом мире.

Сам факт их появления на Аргуэрлайле его не удивил — почти у каждого народа или племени было множество легенд и сказок о потустороннем мире и даже мирах, куда уходят после смерти и где обитают духи и боги. Не раз и не два говорилось в них о неведомых царствах, куда странствовали великие герои в поисках возлюбленных либо исполняя волю своих владык, о землях, куда путь открыт не всем и куда нельзя попасть, двигаясь по земле и воде.

Властитель слышал подобные байки еще в детстве, и когда вдруг получил неопровержимое доказательство, что они не лгут, не был слишком растерян или потрясен.

После разгрома Сарнагарасахала он даже, слегка испугавшись, решил было вернуть пленника и попроситься к чужинцам в вассалы, но так и не собрался, а потом эти самые «зиелмяне» (или как их там) вернулись в свой мир.

И он вдруг принялся изучать записи, оставшиеся от допросов пленника, проводя над этими записями все больше времени.

Правда, из рассказов этого воина из другого мира, Веерен Тогу уяснил не больше половины.

Все, что касалось разных непонятных вещей вроде «политики», «философии», «социальных вопросов», этой, как ее, а, «психологии», по-прежнему было для него темным лесом.

Но вот, например, историю того мира он знал хорошо. Сотник, который попал к нему в плен, оказывается, вот удивительно, в молодости учился в каком-то особом училище для учителей, но за нерадение и пьянство был изгнан и решил стать военным. (Ну и ну, особое училище для учителей! Неужто не ясно, что учить может лишь знаток своего дела?! Причем знаток высшей пробы, а этому ни в каком... э-э-э... как его, а, «инсритуте», не выучишь — самому нужно достичь.)

И обнаружил интересную штуку — тысячи лет история того мира развивалась так же, как и в Аргуэрлайле. Цари, правители, законодатели и завоеватели, мудрецы и поэты, строители храмов и держав, жрецы и боги... За тысячи лет люди знали взлеты и падения, научились сталь выплавлять, место утлых лодок заняли большие дальнеходные парусники и галеры...

Но все двигалось своим порядком, правильно и сообразно.

А потом вдруг что-то переменялось.

И дело не в этом самом «порохе» или самоходных машинах, в конце концов, в древние времена были и на Аргуэрлайле и воздушные корабли, и огненные метатели, пусть и не такие, как у землян (их жалкие подобию еще и сейчас умеют мастерить чародеи).

Нет, было что-то иное.

Вот, в частности, это самое «равенство» людей. Как ни старался князь, он этого не понял. Все люди равны, написано в чужинских законах. Но это все равно что сказать: «Все люди — рыжие». Да и среди рыжих тоже будут сильные и слабые, умные и глупые.

Или вот это: «суд равных». Как это так, равные мне будут судить меня, который ничем их не хуже? То есть что, государь не властен судить своего вассала? Его должны судить другие вассалы? А раба, получается, другие рабы? Чуть!

Хотя... у них ведь нет рабов. И это тоже чуть! Рабство необходимо. И не потому даже, что от рабов их хозяевам есть много пользы.

Просто даже самый нищий батрак, пастух или поденщик должен знать, что есть кто-то ниже его.

Зато эти люди из другого мира выдумали какое-то нелепое «крепостное право». Ничего такого на Аргуэрлайле и не было никогда. Оттого, чай, и исказился тот мир, оттого и сотрясали его издавна смуты и войны.

Возможно, даже из-за этого искажения и проистек этот их «прогресс» — так же, как у слепых развивается тонкий слух, а горбуны бывают очень сильны.

Но размышления над путями людей Аргуэрлайла и «по ту сторону» сменились желанием использовать знания чужинцев на благо себе.

Подумав, он выбрал самое простое и важное — оружие.

Тем более что вещество, являющееся главным, — «порох», сделать оказалось вполне возможно. Сера, уголь и тот камень, что выступает в виде белой корки на каменных стенах, в старых хлевах, в погребах, гробницах и заброшенных пещерах, куда не может проникнуть дождь. (Как выяснилось от все того же пленника, его также можно добыть из старого перегнившего дерьма.)

Эту «селитру» еще нужно было растворить в воде, а потом процедить и выпарить, как соль. Получилось далеко не сразу — смесь шипела, горела, воняла серным дымом, но взрываться не хотела.

Однако Веерен не отступал, углубляясь в чужинскую премудрость сам и принуждая своих мастеров проводить новые и новые испытания.

Они вновь и вновь перечитывали записи, находя упущенные ранее мелочи. Например, что порох нужно варить — смешать составные части в горячей воде, а потом отжать через войлок и пропустить через деревянные валцы, чтобы получить зернышки вместо порошка — так он намного лучше горел и взрывался.

(Почему так происходило, князь не понял, да и неважно это было.)

Потом настал черед сделать «ружья».

Сперва князь велел сделать такое же оружие, как было у «зиелмян» в старину: обычная труба, куда спереди заталкивали заряд и «пулю». Но затем решил, что нет нужды повторять ошибки чужинцев и лучше сразу начать с дальнобойного оружия, в котором пуля вертится и поэтому летит намного дальше, пробивая любую аргуэрлайлскую броню (опять же почему так происходило, он не уяснил, хотя что-то такое землянин сообщал).

Потом, мучаясь с тем, как сделать эти нарезы в стволе, и «поэкспериментировав» (еще одно слово из другого мира) с хвостатыми и с крылатыми вращающимися пулями, он вдруг понял, понял сам, без подсказки записей, что их проще отлить целиком.

Было сложно сделать стержень для отливки ствола, но тут опять пришел на помощь опыт уже самого Веерена. Он вспомнил, как брошенные в некоторые горячие целебные источники ветви каменеют, пропитываясь растворенными в воде веществами, а отсюда совсем недалеко до того, чтобы, вырезав стержень из дерева, хорошенько пропитать его солями.

С какого-то момента он почувствовал, что работа эта, возня с металлом в дворцовой кузне или размышления над чертежами, доставляет ему странное удовольствие.

Он слышал, что так же радуются своему делу ремесленники — всякие ювелиры, кузнецы, зодчие.

Сам Веерен, конечно, не думал, что в другом мире смог бы стать хорошим ученым или изобретателем. И уж подавно не подумал, что, может быть, люди того мира не так уж и не правы? И наверняка удивился бы, если бы кто-то из земных историков рассказал ему, что толчок, данный идеями пришельцев из иного мира, породил цепную реакцию открытий, как брошенный в густой солевой раствор кристаллик тут же обрастает толстым слоем соли.

Но как бы то ни было, с год назад он получил ожидаемое — простое и надежное оружие, посылавшее смерть почти на полторы тысячи шагов.

Попутно он не забывал и об оставшихся в этом мире чужаках. Чего доброго, узнав о его работах, они могли бы додуматься ударить по нему и помешать знанию (которое, кстати, не хотели выпускать из своей среды) распространиться в этом мире.

И потихоньку изготавливал оружие другого рода — для бронечерепах чужаков.

Плохонькое, бесспорно, но драться-то в случае чего придется не со всей их иномирной армией, а с несколькими десятками уцелевших «м'ашин».

Сделать зелье, которое бы воспламенялось само, у него не вышло. Но выстреленная из «скорпиона» глиняная стрела с налитым внутри пятикратно перегнанным (в пришлецов же изобретении — «самогонном аппарате») вином попадала в опасные места мишени, изображавшей стальную черепаху. В конце концов, похожими штуками они дрались в свою прошлую войну — сгодится и для Веерена.

Нет, разумеется, он не собирался атаковать первым гостей из-за грани миров.

План его был совсем другой. Накопив достаточное число огнебоев, напасть на одних соседей, отдав часть завоеванного соседям другим, затем некоторое количество оружия подарить степнякам, недовольным союзницей чужаков, танши Ильгиз, посеять смуту и натравить одних против других.

Через пару лет он бы стал государем Южного предела с прилегающими областями, а зажатые со всех сторон «зиелмяне» почли бы за счастье сами стать его вассалами.

И уж он-то не успокоится, пока не выжмет из них все, что они знают и умеют.

Но потом к нему пришли люди, о которых он лишь слышал. И согласились помочь ему в его планах. Разве что он бы стал монархом не самовластным, над ним были бы тайные владыки.

Маг третьей ступени и правитель города Крехсора Веерен Тогу не отказался, приняв судьбу без радости, но со смирением, поскольку знал, кто такие эти пришедшие.

И вот теперь он ждал возвращения своих людей — с первыми результатами испытаний.

Область Дэит-Рагго. Окрестности Анатара

Крошечный постоялый двор неподалеку от Анатара выглядел довольно неказисто.

И публика тут останавливалась не самая лучшая — бродячие кузнецы и ремесленники, наемники средней руки, небогатые торговцы, водившие тут свои небольшие караваны и обозы.

Грязные комнаты, освещенные огоньками тусклых светильников и густо провонявшие подгорелым маслом и помоями.

Сейчас, несмотря на позднее время, за столом сидело всего двое гостей, неспешно поглощавших тушеную баранину с вялой зеленью и время от времени бросавших взгляды на дверь.

Тот, что помоложе, носил кличку Шило, и не потому, что был тощим и костлявым. Скорее уж потому, что в прошлом был башмачником, день-деньской коловшим этим нехитрым инструментом бычьей кожи. Второй — здоровенный, словно грубо выкованный из металла неумелым кузнецом, был прежде землекопом и именовался за звероподобное выражение лица и наполовину отрубленное ухо Драным Волком.

Оба они были частыми гостями в этом заведении, жившем не только явной, но и тайной жизнью, и оба принадлежали к древней и малопочтенной профессии — разбойника с большой дороги.

— Где этого треклятого гонца волколаки носят? — нарушил молчание Шило. — Скоро уже эта тухлая собачатина, которую тут выдают за баранину, поперек горла станет.

Его угрюмый сотрапезник рыгнул.

— Баран как баран, и хуже жрать приходилось. И веско припечатал:

— Зажрались вы там в городах...

— Тухлятина, она тухлятина и есть... — буркнул Шило. И тут же предусмотрительно заткнулся, потому что к столу приближался хозяин постоянного двора, человек суровый, не выносящий критики в адрес своего заведения...

— Вы тут на ночь останетесь? — спросил он, ставя на стол кувшин с пивом. — Если да, то еще пять медяков.

— Нет, — ответил за двоих Шило. — Дождемся своего друга и уйдем.

— Ну, дело ваше... А то знаете, ночами тут тревожно стало. Гиены пещерные забегают, волки, нетвари тоже, не дай Небо... Ну и лихие люди.

Он выразительно облизнулся.

— Намедни еще двух мертвецов нашли, волками порванных. Только вот занятно, — как бы размышлял он вслух, — при них и золото было вроде, и доспехи, а ничего не нашли. Неужто волки сожрали?..

При этом кабатчик многозначительно усмехнулся.

За окнами заржала лошадь, и через минуту открылась дверь. На пороге стоял неприметный тип в обтрепанной одежде и сбитом набекрень степном башлыке.

Он подсел к столу.

— Налей вина хозяин, чтой-то озяб.

— А где Руппу? — осведомился землекоп.

— Приболел... — коротко бросил гость, прикладываясь к чаше подогретого вина.

Волк шумно вздохнул, изуродованное ухо налилось кровью. Прознатчик из шайки Мустара Лучника по прозвищу Гусь, бывший приказчик солидного торгового дома, попавшийся на воровстве у хозяина, доводил его до белого каления своим высокомерием и любовью напускать на себя таинственный вид.

— Значит, так, парни, — пробормотал вновь прибывший вполголоса. — Будем тут караулить важную птицу. Прибыл к атаману нашему, Лучнику, господин один, которому наша, хе-хе, помощь нужна.

— Что еще за господин? — осведомился Волк.

— О, важный господин! — закатил глаза Гусь. — И храбрый. Явился прямо к нам в логово без оружия, да шасть к Мустару в юрту, часовой и глазом повести не успел. В общем, не знаю, парни, что да как, а сговорились они с батькой нашим. Тысячу золотых дает, по двадцать с чем-то на брата выйдет.

Глаза двух слушавших его разбойников загорелись алчным блеском.

— Нужно только одного человека не упустить. Он как раз тут вроде как должен проезжать. Взять его живым, хотя можно и мертвым. Но чтобы голову, а лучше целиком покойника представили...

— Хэй! — хрипло бросил, как рыкнул, Дранный Волк. — Это зачем же ему мертвяк? На кой он ему, а? На суп, что ль?

— А нам оно надо, это знать? — угрюмо изрек Шило. — Только как вот мы его узнаем? Он чего-то про него сказал или, может, рисунок нарисовал, как у эуденосов?

— Э-э-э, — Гусь помрачнел, — тут дело непростое. В общем, сказано нам тут сидеть и ждать. А узнать его, я узнаю. Этот... человек чего-то такое сделал, на меня как-то глянул и сказал чего-то, так забормотал... — Прознатчик заметно спал с лица. — И сказал, мол, ты его теперь узнаешь. А как узнаешь, весточку пошлешь. И еще вот эту штуку дал.

Он достал из-за пазухи какой-то тряпичный сверточек и вынул оттуда обточенную кость, покрытую грубой резьбой.

— И вот еще... — На свет появилась роговая фляга. — Сказано было, вот как он объявится, эту косточку сломать да человека одного вот из этой баклаги незаметно сбрызнуть. И коня его.

— Так он колду-ун? — испуганно забормотал Шило.

— А хоть кто! — рявкнул Волк. — То неважно, нам вообще думать нечего, за нас умные люди подумали. Двадцать монет — не шутка!

— С лихвой! — уточнил Гусь. Шило лишь кивнул.

Конечно, нехорошо, что атаман связался с этим свалившимся как снег на голову колдуном, но выбирать не приходилось.

Не за горами зима, в которой трудно будет выжить в голой степи, особенно чужакам. К тому же вожак их ухитрился испортить отношения с местными жителями, угоняя скот и даже пару раз повеселившись со случайно встреченными женщинами.

Так что зиму желательно было бы провести в городе. Но для этого надобно, чтобы изрядно оттянутая кошма обеспечила теплый угол и теплую девку под боком, а заодно помогла, ха, безо всяких чар отвести глаза страже.

Алексей Костюк привычно дремал в седле.

Сегодня вечером он доберется до Анатара, где продаст последний из оставшихся изумрудов неприкосновенного запаса и купит хороших лошадей, а заодно наймет с десяток телохранителей, чтобы без опаски добраться до Октябряска.

Конечно, жалко камень, последнюю память о тайном хранилище исчезнувшей цивилизации в горах, но дело того стоит, потому как слишком важно то, что он сейчас везет.

Бумаги, врученные ему правителями Эуденоскаррианда, открывали новую главу в истории гарнизона, да и всего этого мира. Союз держав перед лицом общей опасности.

И еще какая-то странная фраза, которую уже перед самым отъездом изрек Сухун Иворано Ир.

«Передай своим магам, что *синяя преграда уже истончилась*».

Что бы это значило?

Да уж, поскорее бы городские стены. Аор с товарищами разберутся.

Что-то гложет его тревога. Усталость ли тому причина или кислые рожи тех подозрительных типов, что попались ему на постоялом дворе?

Определенно криминальные элементы. Уж больно цепким взглядом они на него смотрели. Правда, судя по всему, меч на поясе Алексея и арбалет за седлом внушили им должное уважение.

Дьявол! Накликал-таки!

Из-за холма в тысяче шагов по левую руку от него высыпали всадники.

— Это он! Иййя-а!! — завопил Мустар и погнал коня за путником.

Ведь человек был тот самый, за которого странный колдун обещал столько золота. Амулет на шее атамана недвусмысленно сигнализировал об этом потеплевшим металлом уродливой статуэтки.

В мыслях Лучник уже видел все, чего ему не хватало, все, что было верхом желаний для неграмотного темного степняка, отставного десятника из войска свернувшего себе шею во властных играх Гохосс-Са.

Большая юрта, крытая изнутри барсовыми шкурами... Стада овец и косяк кобыл... Молоденькие крепкотелые жены, чьи упругие тела усладят его и принесут со временем многочисленное потомство...

Всадники выныривали из-за холма.

Десяток, дюжина, двадцать...

Алексей рванул поводья и дал коню шенкеля.

Стрелы запели свою песню над его головой. Костюк пригнулся, нахлестывая коня.

Плотная кучка всадников мчалась во весь опор. Стрелы летели как тяжелые смертоносные шершни. В какой-то миг идущая на излете стрела сравнялась скоростью с его конем, как бы зависнув рядом, и Костюк разглядел трепещущее на ветру оперение и зазубренное острие скверного железа.

Его скакун несясь быстрее разнокалиберных лошадок разбойников, но те были настойчивы и не отставали, а он был в дороге уже давно.

Ветер бил в лицо, серебристая выгоревшая степь летела навстречу.

«Проскочу, — думал Костюк. — Прорвусь...»

В эти минуты он проклинал себя за то, что не брал с собой оружия. Автомат с парой магазинов так выручил бы его сейчас!

Черт, что это?!

Нет, показалось...

Костюку и в самом деле казалось.

Ему казалось, что он так и сидит в седле, уходя от погони, и степь все так же мчится навстречу, а топот копыт и вопли за спиной смолкли.

На самом деле он бесчувственным мешком болтался в седле бешено мчащегося скакуна, уткнувшись лицом в жесткую гриву.

Стрела торчала из-под лопатки и радужные фазаньи перья мелко вздрагивали. Потом они набухли красным...

ЭПИЛОГ

Стан шамана Торонаббала затерялся в самом сердце Великой Степи.

Дальние народы Запада, вроде почти легендарных хорпитов, до которых скакать ровно год, или желтолицые кочевники Зарн, что пасут своих оленей и мохнатых лошадей в северных, продуваемых ледяными ветрами пустошах, где в траве в долгий полярный день не видно еще живущих там ужасных змееносых великанов, считают, что сердце Степи где-то рядом. Но иггулды, народы, живущие тут, у междуречья пяти исполинских рек, знают — оно именно здесь...

Ни светлокожие синеглазые народы Запада, ни темные, как старое дерево, южане, ни люди из таинственной страны Р'цай не дерзали оспаривать власть иггулдов над степями, никто не дерзает ходить походами в сердце степей. Да и зачем? Степнякам нечего терять, у них нет ни городов, ни сокровищ, все их богатство — табуны скота, нескончаемые песни, перетекающие одна в другую, да слава предков.

Однако двое, находившиеся в поздний час в шатре шамана, были не слишком похожи на типичных степняков. Одним из них был сам Торонаббал, и всякий, увидевший его, не смог бы не отметить про себя, что верховный шаман не зря заслужит свою славу. Истинная Сила прямо-таки окружала его.

Шаман сидел на выделанных рысьих шкурах, держа в руке серебряный кратер с привезенным издалека вином, и внимательно слушал своего собеседника Г'иййягина, любимого ученика.

Г'иййягин был красив, очень красив. Мягкие черты отлично сочетались с широкими плечами и как будто кованными из железа мышцами, а рыжие волосы и серые глаза дополняли облик. Не одна степная дева домогалась его любви, но все знали, что сердце его по-прежнему принадлежит юной шаманке Ританне, ушедшей год назад, в свою шестнадцатую весну, к предкам, пытаясь исцелить умиравшего ребенка...

Торонаббал любил его почти как родных сыновей, хотя тот и не выказывал великого дара, пусть и был шаманом не из последних.

Иные завистники даже говорили шепотом и лишь между своими, что чувства, которые испытывает старец к ученику, не любовь учителя и даже не отцовская... Но кто осмелится сказать такое *вслух* про великого шамана?

— Значит, ты оставляешь меня, моя надежда? — негромко спросил шаман, когда его ученик, наконец, завершил свою взволнованную речь, и в голосе Торонаббал ясна звучала печаль.

Да, он и в самом деле считал его надеждой и лучшим учеником за все годы своей долгой по меркам даже чародея жизни.

И не потому, что никто и никогда не побеждал Г'иййягина в поединке магическом. Побеждали, да и не может быть непобедимого мага, как нет непобедимого воина. Не потому, что он знал наизусть все древние легенды, песни и заветы своего народа, были знатоки и не хуже. Не потому, что прошлой весной остановил ползущий по кочевьям западного Ширитта овечий мор и что ни разу не ошибался, отыскивая места для колодцев.

А потому, что седой Торонаббал видел в Г'иййягине самого себя на заре жизни. И знал тем знанием, что есть отличительная черта каждого истинного шамана, что ученик превзойдет его славу.

— Значит, ты оставляешь меня, — повторил он, вздохнув.

— Прости, ата, но я уже все сказал...

— Ты хочешь перейти Горы Падения? За ними твоя цель?

— Да...

— Но почему?

— Мой Путь зовет меня туда, — лаконично сообщил ученик.

Старец на некоторое время замолчал, а затем ответил:

— Пусть будет так, как ты решил.

— Спасибо, отец!

Г'иййягин стремительно направился к выходу, но у самого порога был остановлен негромким голосом Торонаббал:

— Я хорошо понимаю твоё желание... Древняя кровь... её не обмануть...

— Что за кровь, отец? — Г'иййягин сделал шаг к шаману, готовясь узнать разгадку великой тайны, но шаман лишь усмехнулся, покачав головой:

— Узнаешь в своё время...

Шаман отхлебнул вина и вдруг прошептал, наклонившись вперед:

— Ты ведь видишь сны?..

Мгновение понадобилось Г'иййягину, чтобы понять, о чем спрашивает учитель, и, поблуднев почему-то, он кивнул в ответ. Глаза шамана отразили радость пополам с печалью.

— Да, ты угадал, и я тоже, с детства и по сей день... Это и есть счастье и проклятие таких, как мы... И я знаю, зачем ты идёшь и почему хочешь помочь тем чужинцам. Желаю тебе удачи, сын моей души. Не люблю долгих проводов... Но я буду молить Высочайших, чтобы они взяли всю удачу, что ещё осталась у меня, и отдали тебе...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Некоторые основные понятия и реалии мира Аргуэрлайл.

Аргуэрлайл — название мира, где происходит действие, на большинстве языков. Предположительно дошло из глубокой древности, из эпохи, предшествующей Великим битвам, когда на большей части планеты существовала высокоразвитая магическая цивилизация.

Арсаардар — офицер, под командованием которого находится больше тысячи воинов, примерно соответствует генералу. *Шире* — почтительное обращение к военному.

Вольный чародей — маг, не входящий ни в один ковен, не состоящий на службе у какого-либо правителя и предлагающий свои услуги всякому, кто может их оплатить. По большей части самоучки или ученики других вольных магов. Традиционно считаются ниже «регулярных» магов и по подготовке, и по морально-деловым качествам, что не всегда соответствует действительности.

Высочайшие — боги мира Аргуэрлайл. Считается, что они давным-давно оставили в покое планету и практически не вмешиваются в жизнь людей. Есть мнение, что они вообще покинули данную сферу бытия или даже умерли, а может быть, истребили друг друга в межбожественных войнах. Тем не менее считается неоспоримым, что они обитали и действовали на планете. Ряд источников Силы и самых могущественных талисманов считаются сотворенными именно Высочайшими.

Ковен — основная форма организации магов на Аргуэрлайле. Объединение магов на какой-либо территории, имеющее свое название и герб. Ковен объединяет магов различных специальностей, хотя в разных ковенах могут существовать уклоны в ту или иную сферу. Даже в странах, контролируемых ковенами, маги не вмешиваются в жизнь простых людей, ограничиваясь назначением управителей-официалов и контролем за исполнением ими своих обязанностей.

Кормчий — маг, возглавляющий ковен, вернее, один из таковых. По сложившемуся за многие века порядку, во главе ковена стоят от пяти до двух десятков равноправных кормчих, в подчинении которых находится до сотни повелевающих. В давние времена, когда ковенные были не в пример больше, существовала наивысшая ступень власти — удерживающие, которые сами не принимали решений, но могли отменить любое, по их мнению, вредное и опасное решение кормчих.

Неведомые, они же *Могущественные*, — обозначение высших демонических сил, управляющих судьбами мира. Воздействие на них — часть магии судьбы.

Незримые — стихийные демоны более низкой ступени, нежели Неведомые.

Нетвари (в противоположность обычным тварям, существам, сотворенным, по мнению аборигенов Аргуэрлайла, богами) — животные, выведенные с помощью магического воздействия, в большинстве случаев — военного назначения, реже — хозяйственного (например, арританские головоноги, используемые для ловли рыбы). Способ получения — чародейское воздействие на наследственный материал.

Обычно исходным материалом являются пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, иногда птицы (связано с простотой воздействия на икру и яйца). Как правило, бесплодны, в лучшем случае вырождаются в первом-втором поколении.

Устойчивые формы удаются крайне редко и обычно являются головной болью для магов и кошмаром для обычных людей.

Особо следует отметить, что все попытки создать мыслящую нетварь (даже с применением человеческого «сырья») кончались провалом — в лучшем случае у получившихся особей наличествовали лишь жалкие зачатки разума.

Путь — одно из ключевых понятий философии и мировоззрения Аргуэрлайл. Включает в себя жизненное предназначение — человека, группы людей, страны и народа; долженствующие действия, направление деятельности продиктованные им свыше, и т. п. «Путь — это то, что проложили для тебя Высочайшие» (Серхат Герионский, один из крупнейших мыслителей империи Эуденоскаррианд).

Ступень — к описываемому времени в той части Аргуэрлайла, где происходит действие, принята следующая система магических рангов. Имеется некий начальный уровень колдовского мастерства — для каждого направления свой. Он почитается за первую ступень, и именно он является базой для определения статуса и умения мага. К примеру, мастер второй ступени, тот, кто может совершить то, что могут два мага первой ступени; третьей — соответственно три и т. д. Теоретически эта лестница не имеет предела, но на практике маг десятой ступени встречается один на тысячу начинающих магов, а наивысший известный результат — маг шестьдесят пятой ступени был достигнут за шестьсот лет до описанных событий. По некоей злой иронии (некромантия подобной мощи не имеет практического применения) то был некромант, Чуйар Гране Тэргэ из исчезнувшего спустя три века в Кармийской войне ковена Белой Птицы.

Черное Солнце — главное из иносказательных имен божества Шеонакаллу.

Шеонакаллу — божество, которому поклонялись в теократической империи Сарнагарасахал, разгромленной в ходе операции «Порог». Поклонение ему включало в себя обильные человеческие жертвоприношения, кровавые обряды и требовало полной покорности жречеству, как носителю высшей благодати. Основу могущества жрецов-колдунов Черного Солнца составляла предметная магия, а источником ее — древние сооружения, создание которых приписывается самому божеству и его земным аватарам. У соседей обычно именовался Безымянным, реже — Неназываемым.

Экселенс (приблизительно переводится как «наидостопочтеннейший») — обращение к правителям достаточно больших стран, монархам, знати высокого ранга (примерно уровня земного герцога).

Оружие, упомянутое в книге.

АКМ-74 — почти полный аналог нашего АК-74, разве что калибра не 5,45 мм, а 5,56. Своего рода сигнал внимательному читателю, что описываемый мир — не совсем наш.

Б11 — безоткатное 106-миллиметровое орудие, снятое с вооружения в конце 1950 гг. Теоретически к описываемому времени могло уцелеть в арсеналах, хотя подтверждений этому автор не нашел.

ВСС — винтовка снайперская специальная, «винторез»; масса пуль около 16 г.

ДШК — пулемет Дегтярева — Шпагина, крупнокалиберный. Калибр 12,7 мм. На описываемое время почти снят с вооружения.

КПВТ — крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый, калибра 14,5 мм. Предназначен для борьбы с легкобронированными целями, огневыми средствами и живой силой противника, находящимися за легкими укрытиями на дальностях до 2000 м. при высотах до 1500 м. Масса 52,2 кг, скорострельность до 600 выстрелов в минуту.

Пулемет Громова — калибра 9 мм. Оружие в нашем мире неизвестное (своего рода еще один знак читателям, что это мир не наш). Не очень распространен, в основном предназначается для вооружения бронетехники.

Огненный метатель — оружие, внешне отдаленно напоминающее земное огнестрельное. Стреляет каплями расплавленного металла, выбрасываемого с большой скоростью из выточенного из кварца ствола. В работе использует магические силы. Изготовление его — процесс крайне трудоемкий, сложный и дорогой: требуется кроме усилий не менее пяти — семи магов не ниже четвертой ступени, еще и работа искусных ремесленников. Поэтому весьма мало распространено, несмотря на свою довольно высокую эффективность (при удачном выстреле в упор даже может прожечь броню БТР).

«Скорпион» — чехословацкий пистолет-пулемет образца 1961 года калибра 9 мм под патрон ПМ, аналог «Узи». Вес в снаряженном состоянии 1,28 кг без магазина. Длина: 270 / 517 мм. Емкость магазина: 10 или 20 патронов. Оружие ближнего боя, предназначенное для самообороны офицеров и для спецопераций.